WINNERS

HUGO NEBULA

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Роберт Сойер

НЕБЬЮЛА 95

Смертельный эксперимент
Роберт Сойер

Аннотация
Роберт Сойер. Смертельный эксперимент
ПРОЛОГ
ГЛАВА 1
ГЛАВА 2
ГЛАВА 3
ГЛАВА 4
ГЛАВА 5
ГЛАВА 6
ГЛАВА 7
ГЛАВА 8
ГЛАВА 9
ГЛАВА 10
ГЛАВА 11
ГЛАВА 12
ГЛАВА 13
ГЛАВА 14
ГЛАВА 15
ГЛАВА 16
ОБЗОР СЕТЕВЫХ НОВОСТЕЙ
ГЛАВА 17
ГЛАВА 18

ГЛАВА 19. Ноябрь, 2011
ГЛАВА 20
ОБЗОР СЕТЕВЫХ НОВОСТЕЙ
ГЛАВА 21
ГЛАВА 22
ГЛАВА 23
ГЛАВА 24
ГЛАВА 25
ОБЗОР СЕТЕВЫХ НОВОСТЕЙ
ГЛАВА 26
ГЛАВА 27
ГЛАВА 28
ГЛАВА 29
ГЛАВА 30
ОБЗОР СЕТЕВЫХ НОВОСТЕЙ
ГЛАВА 31
ГЛАВА 32
ОБЗОР СЕТЕВЫХ НОВОСТЕЙ
ГЛАВА 33. Декабрь, 2011
ГЛАВА 34
ГЛАВА 35
ГЛАВА 36
ГЛАВА 37
ОБЗОР СЕТЕВЫХ НОВОСТЕЙ
ГЛАВА 38
ГЛАВА 39

ГЛАВА 40
ГЛАВА 41
ГЛАВА 42
ГЛАВА 43
ОБЗОР СЕТЕВЫХ НОВОСТЕЙ
ГЛАВА 44
ГЛАВА 45
ГЛАВА 46
ЭПИЛОГ

Аннотация

Он — ученый, который дерзнул вступить на опасную территорию. На территорию, что начинается там, где кончается человеческая жизнь.

Он — создатель новых Франкенштейнов. Электронных дубликатов своей личности.

Первый символизирует жизнь после смерти. Второй — бессмертие. Третий — человека.

Но вечная история о Франкенштейне повторилась — электронные личности, выйдя из-под контроля, бежали. И одна из этих личностей одержима жаждой убийства. Но — КАКАЯ ИЗ ТРЕХ?

Роберт Сойер
Смертельный эксперимент

В конечном счете наши ответы на все вопросы, которые ставит перед нами жизнь, определяются тем, что мы понимаем под смертью.

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций
Даг Хаммаршельд (1905–1961)

ПРОЛОГ

Декабрь, 2011

— В какой палате находится детектив Сандра Фило? — спросил Питер Хобсон, худощавый седеющий брюнет лет сорока двух.

Дежурная медсестра за пультом была целиком поглощена каким-то чтивом. Нехотя подняв голову, она посмотрела на Питера невидящим взором.

— Что?

— Детектив Сандра Фило, — терпеливо повторил он. — В какой она палате?

— Номер четыре-двенадцать, — наконец ответила дежурная. — Но лечащий врач разрешил посещения лишь ближайшим родственникам.

Не обратив внимания на последние слова, Питер зашагал по коридору. Дежурная выскочила из-за пульта и бросилась за ним.

— Туда нельзя! — решительно заявила она.

— Я должен ее видеть, — не останавливаясь, бросил Питер.

Дежурная прибавила шагу и, перегнав его, преградила дорогу.

— Она в критическом состоянии.

— Меня зовут Питер Хобсон. Я доктор.

— Я знаю, кто вы такой, мистер Хобсон. И знаю также, что вы не доктор медицины.

— Я член Совета директоров Центрального госпиталя Северного Йорка.

— Вот и прекрасно. Отправляйтесь туда и хулиганьте там. Я не позволю нарушать порядок в моем отделении.

Питер заметно занервничал.

— Послушайте, это вопрос жизни и смерти. Я должен повидать мисс Фило.

— В отделении интенсивной терапии все — вопрос жизни и смерти. Мисс Фило спит, и ее нельзя беспокоить.

Питер отпихнул ее и двинулся дальше.

— Я вызову охрану, — прошипела дежурная едва слышно. Она боялась потревожить больных.

Питер не оглянулся.

— Ну и замечательно, — буркнул он себе под нос. Ноги у него были длинные, и шел он быстро и легко.

Дежурная метнулась к пульту и подняла трубку.

Питер довольно быстро отыскал палату 412 и вошел без стука. Первое, что бросилось ему в

глаза, — электрокардиограф. Прибор был конструкции какой-то чужой фирмы, но Питер без труда прочел его показания. У койки на треножнике висела капельница с физраствором.

Сандра с трудом открыла глаза. Прошло несколько долгих минут, прежде чем она узнала Питера.

— Вы?! — Ее голос был слабым и сиплым — очевидно, последствия облучения.

Питер прикрыл дверь.

— У меня всего несколько минут. Они уже вызвали охрану, чтобы выставить меня отсюда.

Каждое слово давалось Сандре с трудом.

— Вы пытались... меня убить, — сказала она.

— Нет, — возразил Питер. — Клянусь, не я.

Сандра попыталась позвать на помощь:

— Сестра! — Но ее слабый возглас едва ли мог быть услышан в коридоре.

Питер с ужасом всматривался в знакомое лицо. Всего лишь несколько недель назад, когда он впервые встретился с ней, это была здоровая молодая женщина с роскошными, огненно-рыжими волосами. Теперь волосы выпадали клочьями, кожа была болезненно бледной, она почти не двигалась.

— Мне не хотелось бы грубить, Сандра, — сказал

Питер, — но, пожалуйста, заткнись и выслушай меня.

— Сестра!

— Послушай же, черт возьми! Я не имею к этим убийствам никакого отношения. Но я знаю, кто виноват. И хочу дать тебе возможность поймать его.

В этот момент дверь со стуком распахнулась, и в палату влетела давешняя дежурная с двумя здоровенными охранниками.

— Выведите его, — приказала дежурная.

— Черт подери, Сандра, — воскликнул Питер. — Это твой единственный шанс. Дай мне пять минут. — Один из охранников схватил Питера за руку. — Бога ради, я прошу всего пять минут!

— Пойдем. — Охранник подтолкнул его к выходу. Питер заговорил умоляющим тоном:

— Сандра, ну скажи же им, что мне можно остаться! — Затем, не найдя ничего более убедительного, он произнес непростительную фразу: — Ты так и умрешь, не раскрыв этих преступлений. — Он ненавидел себя за эти слова.

— А ну, парень, пойдем, — рявкнул второй охранник.

— Нет, постойте! Сандра, ну пожалуйста!

— Давай двигай...

— Сандра!

Наконец еле слышно прозвучало:

— Пусть... он... останется.

— Мы не имеем права оставлять его здесь, мадам, — сказал один из охранников.

Сандра немного собралась с силами.

— Криминальное дело... пусть он останется.

— Спасибо, — поблагодарил он Сандру. Дежурная сестра пылала негодованием.

— Я ненадолго. — Питер заискивающе улыбнулся. — Обещаю.

Сандра с трудом повернулась к сестре.

— Все... в порядке, — наконец прошептала она. Каждое движение стоило ей огромных усилий.

Эта напряженная сцена продолжалась несколько секунд, затем дежурная снисходительно кивнула:

— Так и быть. — Очевидно, она сообразила, что лучше держаться подальше от полицейских дел и нераскрытых преступлений, в которые, похоже, замешаны слишком важные особы.

— Спасибо. — Питер с облегчением перевел дух. — Благодарю вас.

Сестра бросила на него злобный взгляд, повернулась на каблуках и вышла. Сразу за ней вышел один из охранников. Второй охранник замеш-

кался, он медленно пятился к двери, продолжая угрожающе тыкать в сторону Питера указательным пальцем.

Когда они наконец остались одни, Сандра попросила:

— Расскажи... мне.

Питер опустился на стул у изголовья.

— Поверьте, все, что произошло, от меня совершенно не зависело. Я не хотел, чтобы кто-нибудь пострадал, и я очень, очень сожалею.

Сандра промолчала.

— У вас есть какие-нибудь родственники? Дети?

— Дочь, — удивленно ответила Сандра.

— Я этого не знал.

— Она сейчас с моим бывшим мужем, — пояснила она.

— Я хочу, чтобы вы знали: я обеспечу ее будущее, дам ей все, чего она захочет, — одежду, машину, поездку в Европу, бесплатную учебу в университете. Я открою специальный попечительский счет.

У Сандры буквально глаза на лоб полезли от удивления.

— То, что случилось, было для меня жестоким ударом, и, клянусь, я много раз пытался это оста-

новить.

Питер умолк, припоминая, как началась вся эта чертовщина. Снова комфортабельная больничная палата и еще одна храбрая умирающая женщина. Роковая цепочка событий замкнулась.

— Саркар Мухаммед был прав — мне следовало прийти к вам раньше. Только с вашей помощью, Сандра, можно покончить с этим. — Питер вздохнул, не зная, с чего начать. Столько событий. — Может быть, вы уже в курсе, — сказал он, собравшись с мыслями, — что теперь возможно просканировать абсолютно все нейронные сети человеческого мозга и создать точную копию человеческой личности в памяти компьютера?

Едва заметным движением головы Сандра показала «нет».

— Ну так вот, разработанная Саркаром Мухаммедом новейшая технология сделала возможным, казалось, невероятное. Как вы отнесетесь к тому, что была сделана копия моего мозга?

Усилием воли Сандра попыталась сосредоточиться.

— Одна голова... хорошо, а две лучше.

Питер печально улыбнулся.

— Может быть. Хотя на самом деле было сделано три копии моей личности.

— И одна из них... совершила убийства?

Как это ни странно, Сандра поразительно быстро сориентировалась.

— Да.

— Я подозревала... что тут замешан искусственный интеллект.

— Мы пытались их остановить, — продолжал Питер. — Ничего не вышло. Но теперь мне доподлинно известно, какая копия виновна. — Он помолчал. — Сандра, вы получите все материалы, включая неограниченный доступ к результатам сканирования моего мозга. Вы узнаете меня до мельчайших подробностей — лучше, чем кто-либо другой в реальном мире. Знание моей психологии, образа мышления позволит перехитрить модель-убийцу.

Сандра едва заметно пожала плечами.

— Я уже ничего не смогу сделать. — Голос звучал тихо и печально. — Я умираю.

Питер закрыл глаза.

— Мне очень жаль. Но рано отчаиваться. Есть способ, Сандра, — способ, который позволит навсегда покончить с этим кошмаром.

ГЛАВА 1

Январь, 1995

Сандра Фило углубилась в воспоминания Питера Хобсона. Вся эта история, закончившаяся так трагично, началась шестнадцать лет назад, в 1995 году. В те времена Питер Хобсон еще не успел оказаться в самом центре потрясшей мир полемики о науке и вере. Он был просто двадцатишестилетним аспирантом Университета Торонто, готовился к защите диссертации на звание магистра биомедицинской инженерии и не подозревал, что ему вот-вот предстоит пережить сильнейшее потрясение...

В комнате Питера Хобсона в университетском общежитии зазвонил телефон.

— У нас появился жмурик, — услышал Питер голос Кофакса. — Хочешь посмотреть?

Жмурик. Труп. Питер никак не мог привыкнуть к жаргону Кофакса. К тому же он еще не совсем проснулся.

— Д-да, — прозвучало не очень уверенно. — Конечно, само собой. — Это было сказано уже

гораздо решительнее.

— Мамиконян собирается начать его потрошить, — сказал Кофакс. — Ты можешь следить за электрокардиограммой. Это зачтется тебе как солидный кусок медицинской практики.

Мамиконян. Стажировавшийся в Стэнфорде хирург-трансплантолог. Уже не молод — шестьдесят с хвостиком, но рука твердая, как у статуи. Участвовать в отборе органов для пересадки. Боже, разумеется, он не упустит такой шанс.

— Когда?

— Часика через два, — ответил Кофакс. — Паренек подключен к полной системе жизнеобеспечения, чтобы мясо не испортилось. Мамиконян сейчас в Миссисауге; нужно время, чтобы он мог добраться сюда и подготовиться.

Кофакс сказал — паренек. Жизнь какого-то паренька оказалась очень короткой.

— Что случилось? — спросил Питер.

— Несчастный случай. Какой-то «бьюик» задел сбоку мотоцикл. Его владелец вылетел из седла и... оказался у нас.

Да, не повезло, наверно, совсем юный паренек. Питер сочувственно покачал головой.

— Я обязательно приду, — повторил он.

— Третья операционная, — сообщил Кофакс.

— Ты должен быть примерно через час. — Он повесил трубку.

Питер начал поспешно одеваться.

Внутренний голос предупреждал: не в это дело, но соблазн оказался слишком велик По пути в операционную он остановился у регистратуры отделения скорой помощи и просмотрел записи о поступивших за ночь пациентах. Таблички прикреплялись к алюминиевым дощечкам на вращающейся стойке. Одного парня зашивали после того, как он пролетел сквозь оконное стекло Еще один со сломанной рукой. Ножевое ранение Желудочные колики. А-а, вот оно.

Энцо Банделло, семнадцать лет.

Как и сказал Кофакс, несчастный случай.

Какая-то молоденькая медсестра подошла к Питеру сзади и заглянула ему через плечо. На бирке пришпиленной к карману ее халата, было написано «Салли Коган». Девушка нахмурилась.

— Бедный паренек. У меня есть брат того же возраста. — Пауза. — Родители в часовне.

Питер кивнул.

Энцо Банделло, подумал он. Семнадцать лет.

Мальчика привезли в тяжелом состоянии Бригада травматологов ввела ему допамин и провела дегидратацию, чтобы уменьшить отек мозга как

правило, являющийся следствием серьезных черепно-мозговых травм. Однако слишком большая доза допамина могла повредить сердечную мышцу Согласно процедурной карте, в 2 часа 14 минут ночи его начали вымывать из тела мальчика, вводя физиологический раствор. Последующие показания приборов зафиксировали: кровяное давление некоторое время оставалось повышенным — результат введения допамина, — но вскоре оно должно было нормализоваться. Питер полистал странички. Отчет серологического анализа: в крови не обнаружено антител ни к гепатиту, ни к вирусу СПИДа. Свертываемость крови и содержание лейкоцитов тоже выглядели неплохо.

Идеальный донор, подумал Питер. Трагедия для одного или чудесное спасение для многих. Жизни полудюжины людей зависят от состояния его органов. Сначала Мамиконян получит сердце — получасовая операция, печень — еще два часа работы. Бригада урологов удалит почки, это еще час. Затем настанет очередь роговицы глаз, костей и других тканей.

Хоронить-то будет почти нечего.

— Сердце отправится в Садбери, — сказала Салли. — Кому-то очень повезло. Тесты на имму-

нологическую совместимость были превосходны — тут нет другого мнения.

Питер отошел от стойки и направился в главный корпус. Из приемного покоя туда вели массивные двойные двери. В третью операционную можно было попасть двумя путями. Он выбрал тот, что проходил мимо часовни.

Питер оставался равнодушен к религии. Его родители, жившие в Саскачеване, были белыми канадскими протестантами. Последний раз Питер был в церкви на чьей-то свадьбе. Предпоследний — на похоронах.

Из коридора ему было видно чету Банделло. Они сидели в часовне на длинной скамье. Мать юноши тихо плакала. Отец обнял ее за плечи. Сильный загар и цементная пыль на клетчатой ковбойке — наверное, строительный рабочий, скорее всего каменщик. В Торонто многие итальянские иммигранты этого поколения работали на стройках. Они приехали в Канаду после второй мировой войны и, чтобы обеспечить лучшую жизнь своим детям, не зная английского, вынуждены были браться за любую тяжелую работу.

И вот теперь сын этого человека мертв.

В оформлении часовни не было символики определенного вероисповедания, но отец мальчи-

ка смотрел вверх, словно видел на стене распятие, видел там своего Иисуса. Он перекрестился.

Где-то в Садбери, Питер знал, сейчас ликовали. Сердце везут! Чья-то жизнь будет спасена.

Но какой ценой!

Он медленно пошел дальше.

Наконец Питер добрался до комнаты, где хирурги готовились к операции. Отсюда через широкое застекленное окно хорошо просматривалась сама операционная. Большая часть хирургической бригады уже была на месте. Тело Энцо тоже было подготовлено: грудь выбрита, смазана двумя слоями раствора йода, и операционное поле заклеено прозрачной пленкой.

Питер старался рассмотреть то, что другие были обучены не замечать: лицо донора. Правда, видно было не так уж много; большая часть головы Энцо была закрыта тонкой хирургической простыней, наружу выглядывала лишь трубка дыхательного аппарата. Трансплантологи сознательно не интересовались личностью донора — так легче, считали они. Питер, наверное, единственный из всех присутствовавших знал имя юноши.

В «предбаннике» операционной были две мойки. Питер приступил к обязательной восьмиминутной процедуре мытья рук, и цифровой

таймер над мойкой стал отсчитывать время в обратном направлении.

Минут через пять прибыл сам доктор Мамиконян и начал мыть руки у соседней мойки. Серо-стальные волосы и сухощавое удлиненное лицо делали его похожим больше на стареющего супермена, чем на хирурга.

— Вы кто? — спросил Мамиконян, не прерывая своего занятия.

— Питер Хобсон, сэр. Я аспирант, занимаюсь биомедицинской инженерией.

Мамиконян улыбнулся.

— Рад познакомиться, Питер. — Он все еще продолжал мыть руки. — Извините, что придется обойтись без рукопожатия. — На этот раз Питер удостоился усмешки великого человека. — Чем вы сегодня собираетесь заниматься?

— Ну, наша программа подготовки включает сорок часов работы с медицинской аппаратурой, как говорится, в реальных условиях, то есть в клинике. Профессор Кофакс — мой научный руководитель — договорился, что сегодня я займусь ЭКГ. — Он помолчал. — Если вы не против, сэр.

— Вот и отлично, — бодро произнес Мамиконян. — Смотрите и учитесь.

— Так я и сделаю, сэр.

Таймер над мойкой звякнул. С непривычки Питер чувствовал себя неловко: с рук капала вода, и ему отчаянно хотелось их вытереть. Он растерянно стоял, держа на весу мокрые ладони, пока к нему не подошла медсестра с полотенцем. Он взял его, вытер руки, а затем облачился в стерильный халат, который подала ему та же сестра.

— Размер перчаток? — спросила она.

— Седьмой.

Хрустнув пакетом, сестра достала оттуда тонкие резиновые перчатки и натянула их на растопыренные пальцы Питера.

Он вошел в операционную. Через стеклянный потолок с галереи для зрителей человек десять наблюдали за происходящим в операционной.

Тело Энцо лежало на операционном столе в центре помещения. Так было удобно наблюдать за подключенной к нему с помощью трубок аппаратурой: датчиком артериального давления, катетером, введенным в сердце для измерения кровенаполнения желудочка, аппаратом искусственного кровообращения. Молодая женщина явно азиатской наружности сидела на табуретке и внимательно следила за показаниями спирометра, датчика уровня углекислого газа и расходомера волюметрического перфузионного

насоса.

До появления Питера эта женщина наблюдала также за электрокардиографом, укрепленным над головой Энцо. Питер сразу же занялся прибором: прежде всего подрегулировал контрастность и похолодел. Частота импульсов была в норме и не показывала признаков повреждения сердечной мышцы.

Парень юридически был признан мертвым, а его сердце работало как часы.

— Меня зовут Гуа, — приветливо сказала азиатка. — Вы здесь впервые?

Питер кивнул.

— Я уже присутствовал на нескольких операциях, но эта не идет ни в какое сравнение.

Хотя рот Гуа скрывала маска, по тонким лучикам морщинок, появившихся в уголках ее глаз, Питер заметил, что она улыбнулась.

— Ничего, со временем привыкнете. — Она старалась его успокоить.

На другом конце операционной светящаяся панель демонстрировала рентгеновский снимок грудной клетки Энцо. Легкие не съежились, поэтому большая часть снимка оставалась прозрачной. В центре четко вырисовывались очертания сердца — оно выглядело великолепно.

Вошел Мамиконян. Все сразу повернулись к нему — дирижеру их оркестра.

— Доброе утро! — Голос великого человека звучал вполне жизнерадостно. — Ну что, начнем? — Он подошел к операционному столу.

— Кровяное давление падает, — доложила Гуа.

— Кристаллоидную жидкость, пожалуйста. — Мамиконян мельком глянул на показания приборов. — И введите еще немного допамина.

Мамиконян стоял справа от тела Энцо, у его груди. Напротив операционная сестра держала в руке ретрактор брюшной стенки. Пять литровых бутылей ледяного раствора Рингера — солей молочной кислоты — выстроились на столике ровной шеренгой, чтобы их можно было быстро вылить в грудную полость. Сестра также держала наготове шесть упаковок консервированных эритроцитов. Питеру было не по себе. Он постарался встать в сторонке, у изголовья операционного стола.

Рядом с Питером расположился специалист по перфузии органов — сикх в большом зеленом колпаке поверх тюрбана. Он следил за показаниями сразу нескольких приборов. Их названия можно было прочитать на шкалах: «температурные датчики», «артериальный расход» и «сердечный

сахар». Еще один техник внимательно следил, как вздымались и опадали черные мехи дыхательного аппарата. Энцо все еще дышал нормально.

— Приступим, — скомандовал Мамиконян. Сестра сделала какой-то укол в тело донора, затем объявила в микрофон, свисавший с потолка на тонком проводе:

— Миолок введен в 10.02 утра.

Доктор Мамиконян жестом попросил скальпель и сделал глубокий разрез от адамова яблока почти до середины грудной клетки. Скальпель легко рассек кожу, разрезал мышцы и жировую прослойку и наконец стукнулся о грудную кость.

Кривая кардиографа чуть дрогнула. Питер взглянул на один из мониторов Гуа: кровяное давление тоже начало подниматься.

— Сэр, — тревожно произнес Питер. — Пульс учащается.

Мамиконян покосился на экран электрокардиографа.

— Это нормально, — раздраженно буркнул он, недовольный, что его отвлекают по пустякам.

Мамиконян вернул сестре скальпель — скользкий и алый. Теперь наступила очередь грудинкой пилы. Ее жужжание заглушило тихие попискивания кардиографа Питера. Вращающийся

зубчатый диск врезался в кость. Едкий запах поднялся из распила; это пахли костные опилки. Когда грудина была распилена, к телу подошли два техника с расширителем грудной клетки. Они поворачивали рычаг расширителя, пока в раскрытой грудной полости не показалось пульсирующее сердце.

Мамиконян поднял голову. На стене висел цифровой таймер для фиксации периода ишемии; его пустят, когда хирург вырежет сердце и прекратится поступление крови. Рядом с Мамиконяном стояла пластмассовая чаша с солевым раствором. В ней сердце промоют, чтобы удалить старую кровь, а затем поместят в изотермический контейнер со льдом и отправят самолетом в Садбери.

Мамиконян потребовал другой скальпель и склонился над телом, чтобы разрезать перикард. И в тот момент, когда лезвие скальпеля вошло в мембрану, окружающую сердце, грудь Энцо Банделло, юридически мертвого, мощно всколыхнулась.

Судорожный выдох вырвался из разреза, в который была вставлена дыхательная трубка.

Секунду спустя послышался еще один шумный выдох.

— Боже... — тихо вымолвил Питер дрожащими губами.

Мамиконян был крайне взвинчен. Он ткнул рукой, затянутой в перчатку, в сторону одной из сестер.

— Еще миолока!

Та сделала второй укол. Голос Мамиконяна звучал саркастически:

— Давайте, ребята, поживее, а то как бы наш донор не сбежал с операционного стола.

Питер был потрясен. Мамиконян отбыл с вырезанным сердцем, ЭКГ стал не нужен, поэтому Питер поднялся на галерею. Оттуда спокойно и без помех можно было наблюдать окончание отбора трансплантатов. Когда выпотрошенный труп Энцо Банделло был зашит и отвезен на каталке в морг.

Питер, пошатываясь, спустился в «предбанник». Там он застал Гуа, снимающую перчатки.

— Что это было? — спросил Питер. Гуа выглядела уставшей.

— Вы имеете в виду эти выдохи? — Она пожала плечами. — Такое иногда случается.

— Но ведь Энц... но донор был мертв.

— Разумеется. Но не забывайте, при этом он находился на полном жизнеобеспечении. Порой

наблюдаются подобные явления.

— И... и в чем там было дело с этим миолоком? Что это такое?

Гуа стала развязывать пояс своего хирургического халата.

— Это миорелаксант, обездвиживающий препарат. Если его не ввести, то колени донора иногда подтягиваются к груди, когда ее начинают вскрывать.

Питер поежился.

— В самом деле?

— Угу. — Гуа швырнула свой халат в корзину. — Это просто мышечная реакция. Теперь это стало обычной практикой — наркотизировать труп.

— Наркотизировать труп?.. — медленно повторил Питер.

— Ну да. — Усталость все больше давала о себе знать. — Конечно, Дайана сегодня явно оплошала. — Гуа помолчала. — У меня самой мурашки бегут по спине, когда они начинают так вот шевелиться, но вы же хотели посмотреть, что такое трансплантационная хирургия?

Питер всегда носил в бумажнике маленький листочек с расписанием занятий своей подружки, Кэти Черчилл. Он был аспирантом первого года, она — студенткой последнего курса хими-

ческого факультета. Через двадцать минут у нее кончалась последняя в тот день лекция — по химии полимеров. Он вернулся в кампус и стал дожидаться ее в холле перед аудиторией.

Наконец занятия закончились, и появилась Кэти, оживленно болтающая со своей подружкой Джасмин, которая первой заметила Питера.

— Эй, — она, улыбаясь, подергала Кэти за рукав, — посмотри, кто тебя дожидается. Твой суженый.

Питер в ответ улыбнулся Джасмин, но видел только Кэти. У нее было изящное сердцевидное личико, черные волосы и огромные голубые глаза. Как всегда, они засияли ему навстречу. Несмотря на всю тяжесть утренних переживаний, он почувствовал, что вновь оживает. Так бывало всякий раз, когда они встречались — их непреодолимо влекло друг к другу. Джасмин и другие знакомые вечно подшучивали по этому поводу.

— Ну, голубки, не стану вам мешать, — сказала Джасмин, продолжая улыбаться.

Наскоро попрощавшись, Питер и Кэти тут же начали целоваться. И в тот миг, когда их губы соприкоснулись, Питер вновь ощутил, как прекрасна жизнь. Они встречались уже года три, но по-прежнему каждое прикосновение казалось

ему чудом.

Когда они наконец разомкнули объятия, Питер спросил:

— Какие у тебя планы на сегодня?

— Я хотела зайти в художественную мастерскую, мне нужна свободная печь для обжига, но это не к спеху, — лукаво сказала Кэти. В коридоре в целях экономии горела лишь половина люминесцентных ламп, но Питеру одной улыбки Кэти хватало, чтобы осветить самые темные углы. — А что можешь предложить ты?

— Я приглашаю тебя в библиотеку.

Снова дивная улыбка.

— Для этого мы оба недостаточно спокойны, — пошутила Кэти. — Даже если удастся найти укромный уголок, где почти никого нет, — скажем, в отделе канадской литературы, — боюсь, шум все равно кому-нибудь помешает.

— Дорогая. — Он снова наклонился поцеловать ее. — Может быть, потом, — Питер попытался сдержать улыбку, — но сначала помоги мне там кое-что поискать.

Он взял ее за руку, и они дружно зашагали к библиотеке.

— Насчет чего?

— Насчет смерти, — ответил Питер.

— Это еще зачем? — удивилась Кэти.

— Я сегодня занимался своим практикумом — следил за показаниями кардиографа во время операции извлечения сердца для пересадки.

Ее глаза заискрились.

— Это захватывающе интересно.

— Да, но...

— Что но?

— Но мне показалось, что донор был еще жив, когда из него начали вырезать органы.

— Ну у тебя и шуточки! — Она на секунду вырвала свою ладонь из его руки и слегка шлепнула Питера по плечу.

— Я серьезно. Когда началась операция, у него подскочило кровяное давление и участился пульс. Это же классические симптомы стресса — и даже боли. И к тому же они наркотизировали его. Ты только подумай: они давали наркоз покойнику.

— В самом деле?

— Да. И когда хирург взрезал перикард, пациент резко выдохнул.

— Боже мой. И как же поступил хирург?

— Потребовал, чтобы сделали еще один укол препарата, расслабляющего мышцы, и как ни в чем не бывало продолжил операцию. Все осталь-

ные, похоже, сочли это вполне нормальным. Конечно, к концу операции донор уже был действительно мертв.

Они вышли из корпуса имени Лэша Миллера и пошли на север к Блур-стрит.

— Что же ты хочешь найти? — поинтересовалась Кэти.

— Я хочу выяснить, как производят констатацию смерти, прежде чем начать вырезать из человека органы.

* * *

Они потратили на поиски около часа, когда к кабинке, в которой сидел Питер, подошла взволнованная Кэти.

— Посмотри, что я нашла, — сказала она.

Он отложил в сторону лежащую перед ним брошюру и с нетерпением приготовился слушать. Кэти устроилась в кресле и раскрыла на коленях тяжеленный том.

— Это книга о процедурах пересадки органов. Как тут написано, главная проблема с трансплантатами — это то, что донора нельзя ни на минуту отключать от системы жизнеобеспечения, иначе начнется отмирание тканей. Поэтому даже когда доноров объявляют мертвыми, их сердца все

равно продолжают биться. Если судить лишь по кардиограмме, то юридически мертвый донор такой же живой, как мы с тобой.

Питер возбужденно кивнул. Именно это он и надеялся найти.

— Так как же тогда они решают, что донор мертв?

— Один из способов состоит в том, чтобы брызнуть ему в уши ледяной воды.

— Ты шутишь, — не поверил он.

— Нет. Тут написано, что это полностью дезориентирует пациента, даже если он находится в глубокой коме, а порой вызывает рефлекторную рвоту.

— Это единственный тест, которым можно пользоваться?

— Нет. Также трут поверхность глазного яблока, чтобы увидеть, не пытается ли пациент моргнуть. И еще вынимают — как это у вас называется? Эта дыхательная трубка?

— Эндотрахеальный вентилятор.

— Точно, — подтвердила она. — Эту штуку вынимают на короткое время, чтобы посмотреть, не вызовет ли кислородное голодание самопроизвольного дыхания.

— А что насчет электроэнцефалограмм?

— Ну это же британская книга. Когда она была написана, там еще не было закона, требующего их применения при констатации смерти.

— Невероятно, — сказал Питер.

— Но ведь здесь, в Северной Америке, энцефалограммы наверняка обязательны?

— Думаю, что да, по крайней мере в большинстве провинций и штатов.

— Значит, у этого твоего донора на энцефалограмме должна была появиться ровная линия, прежде чем было принято решение извлечь его органы.

— Наверно, так, — согласился Питер. — Но на лекциях по электроэнцефалографии профессор говорил, что у некоторых пациентов с совершенно ровными линиями впоследствии появлялась некоторая мозговая активность.

Кэти слегка побледнела.

— И все же, — заметила она, — даже если донор проявляет некоторые незначительные признаки жизни...

Он отрицательно покачал головой.

— Я не уверен, что эти признаки такие уж незначительные. Сердце бьется, мозг получает насыщенную кислородом кровь, и, судя по некоторым симптомам, сохраняется болевая

чувствительность.

— Пусть так, — не сдавалась Кэти, — но ведь мозг, не проявляющий никакой активности в течение длительного времени, должен быть очень серьезно поврежден. Ты говоришь о постоянном вегетативном состоянии.

— Возможно, — ответил Питер. — Но все же есть разница между взятием органов у трупа и вырыванием их из тела живого человека, какими бы серьезными умственными дефектами этот человек ни страдал.

Кэти вздрогнула, представив себе жуткую картину, и, чтобы отвлечься, возобновила поиски. Вскоре она нашла отчет за три года по изучению пациентов с остановкой сердца в госпитале имени Генри Форда в Детройте. У четверти пациентов, которым был поставлен диагноз отсутствия сердцебиения, на самом деле, как показали введенные в кровяное русло катетеры, сердце еще билось. Отчеты содержали намек на то, что этих пациентов объявили мертвыми преждевременно.

Тем временем Питер обнаружил в «Лондон тайме» за 1986 год несколько статей, ссылавшихся на это исследование. Кардиолог Дэйвид Уэйнрайт Эванс и три других известных специалиста от-

казались делать операции в этом госпитале, так как не было полной уверенности, что предполагаемые доноры действительно мертвы. Они изложили свои сомнения в письме на пяти страницах, адресованном Британской конференции королевских медицинских колледжей.

Питер показал Кэти эти статьи.

— Но конференция отвергла их сомнения как необоснованные, — заметила она.

Питер покачал головой.

— Я с этим не согласен. — Он посмотрел ей в глаза. — Завтра в некрологе Энцо Банделло будет сказано, что он умер от травм головы, полученных при падении с мотоцикла. Но это неправда. Я видел, как умер Энцо Банделло. Его убили, вырезав ему сердце.

ГЛАВА 2

Февраль, 2011

Детектив Сандра Фило продолжала тщательно изучать воспоминания Питера Хобсона. После окончания аспирантуры в 1998 году он несколько лет проработал в Центральном госпитале Северного Йорка, а затем основал собственную компанию по производству биомедицинской техники. В том же 1998 году он и Кэти Черчилл, по-прежнему страстно влюбленные друг в друга, поженились; тогда же Кэти потеряла интерес к химии; Питер в то время так и не понял почему. Расставшись с наукой, она поступила на чисто техническую, нетворческую работу в рекламное агентство «Дуоп эдвертайзинг». И каждую пятницу после работы Кэти со своими сослуживцами отправлялась в паб «пропустить по стаканчику». На самом деле, как поняла Сандра, речь шла о достаточно серьезных возлияниях, так как к концу такого вечера некоторым из них неизменно удавалось познакомиться с глаголом «пить» во всех возможных формах: выпить, напиться, упиться — зачастую до положения риз...

Было темно и холодно, типичный февральский вечер в Торонто. Питер неспешно прошагал семь кварталов от современного четырехэтажного здания «Хобсон мониторинг» до паба «Согбенный епископ». Он знал, что сослуживцы Кэти — люди не его круга, но ей очень хотелось видеть его в этой компании. Все же Питер всегда старался приходить туда последним; меньше всего его привлекала перспектива быть втянутым в светскую беседу с каким-нибудь счетоводом или продюсером. В рекламном деле всегда было что-то показное и неискреннее, и от этого его коробило.

Питер распахнул тяжелые деревянные двери «Епископа» и остановился, давая глазам привыкнуть к царящему внутри полумраку. Слева помещалась доска с меню. Справа висел рекламный плакат пивоваренной компании «Молсонз Кэнэдиен», изображавший пышную красотку в красном бикини; ее торчащие вверх груди были увенчаны коронами из кленовых листьев. Сексизм в рекламе пива, подумал Питер: и в прошлом, и в настоящем, и в будущем, очевидно, уже навсегда.

Войдя, он огляделся в поисках Кэти. Длинные серые столы в большой комнате напоминали

авианосцы на рейде. У дальней стены двое мужчин играли в дротики.

Ага, вот они где: сгрудились вокруг стола на другом конце зала. Компания расположилась частично на кушетке под плакатом с еще одной красоткой, рекламирующей все ту же пивоварню, частью — с бокалами в руках в массивных деревянных креслах; некоторые лакомились солеными орешками из общего блюда. Величина стола способствовала общей беседе, но желающим высказаться приходилось перекрикивать грохот динамиков, которые ухитрялись превратить приятную мелодию в подобие какого-то хриплого воя.

Кэти была умной женщиной, что, собственно, вначале и привлекло в ней Питера. Лишь позднее, пересмотрев свой идеал женской привлекательности, он оценил ее тонкие губы и блестящие черные волосы. Прежде ему нравились пышные блондинки вроде тех, с рекламы пива. Кэти устроилась на кушетке между двумя коллегами: Тоби, кажется? И этот невежа, Ханс Ларсен, отметил Питер.

Ему захотелось сесть рядом с женой, но, улыбнувшись сияющей улыбкой, Кэти только пожала плечами и жестом показала, чтобы он придвинул

кресло от соседнего стола: выбраться ей мешали соседи. Питер так и поступил, а приятели Кэти потеснились, чтобы освободить место. Он очутился между одной из накрашенных дам — не то секретаршей, не то координатором производственного отдела и тощим мужчиной лет пятидесяти — псевдоинтеллектуалом. Дама явно злоупотребляла косметикой, а псевдоинтеллектуал был вооружен приборчиком для чтения книгокарт; сквозь прозрачное окошко кассеты было видно название книгокарты. Пруст. Вот ведь тщеславный ублюдок.

— Привет, док, — изрек Псевдо.

У него были длинные ногти и сальные волосы — эдакий Говард Хьюз недоделанный. Питер слегка улыбнулся:

— Как поживаете?

Теперь уже все обратили внимание на присутствие Питера, и Кэти послала через стол очередную улыбку. С его приходом разговоры за столом сразу стихли. Ханс, сосед Кэти, не упустил возможности завладеть вниманием присутствующих.

— Старая тачка каторжника, к которой я прикован узами брака, сегодня не ночует дома, — объявил он во всеуслышание. — Отправилась

навестить племянниц. — То, что они были и его племянницами, оратор как-то упустил из виду. — Это означает, милые дамы, что сегодня я свободен.

Женщины, уже не раз слышавшие подобное, дружно захихикали. Ханса вряд ли можно было назвать красивым мужчиной: у него были светлые, вечно грязные волосы, и в облике сквозило что-то солдафонское. В то же время в такой беспардонной наглости было и нечто притягательное — даже Питер вынужден был признать, что этот человек обладает определенным обаянием, хотя и находил его похвальбу вульгарной.

В разговор вступила одна из накрашенных дам. На ее лице рваной раной выделялся увеличенный ярко-красной помадой рот.

— Прости, Ханс, но сегодня вечером мне нужно вымыть голову.

Все засмеялись. Питер искоса взглянул на псевдоинтеллектуала: его интересовало, как тот воспримет это замечание. Однако никакой реакции не последовало.

— Кроме того, — продолжала женщина, — у каждой девушки свои требования, боюсь, что моим ты вряд ли соответствуешь.

Тоби, другой сосед Кэти, усмехнулся.

— Ну да, — сказал он. — Не зря же его прозвали «крошка Ханс».

Ханс расплылся в самодовольной улыбке:

— Как любил говорить мой папаша, любые препятствия можно обойти. — Он многозначительно посмотрел на женщину с намалеванным ртом. — Кстати, не хули мои таланты, пока — пока я не испробовал их на тебе! — Он зычно загоготал, придя в восторг от собственного остроумия. — Спроси Энн-Мэри из бухгалтерии. Она расскажет тебе, насколько я хорош в деле.

— Анну-Марию, — поправила Кэти.

— Не важно, — отмахнулся Ханс. — Во всяком случае, если она откажется это подтвердить, то обратись к пылкой блондинке в кассе — ну, у нее еще такие большущие сиськи.

Питер почувствовал, что устал от его дурацкого хвастовства.

— Почему бы тебе тогда не назначить свидание с ней? — раздраженно заметил он, указав на рекламный плакат пива «Молсон». — Если вдруг появится не вовремя твоя жена, ты всегда сможешь сделать из этой красотки голубя и выпустить его в окно.

Ханс снова заржал. Он был добродушен. «В чем, в чем, а уж в этом ему не откажешь», — подумал

Питер.

— Эй, а наш доктор, оказывается, шутник! — съязвил Ханс. Питер с досадой отвернулся и, случайно встретившись взглядом с официантом, заказал большой бокал апельсинового сока; спиртного он принципиально не употреблял.

Однако Ханс был не из тех, от кого можно так легко отделаться.

— Ну давай, док, расскажи нам еще какую-нибудь смешную историю. На вашей-то работе их, должно быть, можно уйму услышать. — И он опять засмеялся.

— Ладно, — сказал Питер. Ради Кэти он решил угодить компании. — Я тут вчера разговаривал с одним адвокатом, и он рассказал интересный случай. — Две женщины принялись грызть орешки, подчеркивая, что не интересуются его шутками, но остальное общество смотрело на него с любопытством. — Как-то раз одна женщина убила мужа графинчиком для салатной заправки, — начал Питер...

По правде говоря, в анекдоте речь шла о муже, убившем жену, но Питер не устоял перед соблазном поменять героев ролями в надежде заронить в голову Ханса мысль о неизбежной расплате за его похождения.

— Наконец дело слушается в суде, и прокурор хочет предъявить орудие убийства. Он берет все еще почти полный графинчик, закрытый стеклянной пробкой, и подносит его к столу судьи.

— Ваша честь, вот тот самый предмет, которым было совершено это преступление, и я хочу приобщить его к делу в качестве вещественного доказательства номер один. Как вы видите, графин все еще полон уксуса и масла, и это наиболее веская улика. — Тут вскакивает защитник. — Я протестую, ваша честь! — восклицает он, ударив кулаком по столу. — Обвинение не имеет ни малейших оснований называть эту улику веской — в ней не больше полутора фунтов!

Все вопросительно глядели на него, ожидая продолжения. Питер улыбнулся, давая понять, что анекдот закончен. Кэти засмеялась, чтобы разрядить обстановку.

— Не больше полутора фунтов, — упавшим голосом повторил Питер. Снова никакой реакции. Он взглянул на псевдоинтеллектуала. Псевдо снисходительно хмыкнул. Он понял соль анекдота или хотя бы сделал вид, что понял. Но на всех остальных лицах застыло недоумение. — Он имел в виду, что графинчик недостаточно тяжелый, — пояснил Питер, обведя взглядом лица

присутствующих. — Всего полтора фунта.

— А-а, — протянула одна из накрашенных дам.

— Ха-ха, — поддакнула другая.

Наконец Питеру принесли его апельсиновый сок. Ханс изобразил, как падает и взрывается бомба, закончив, он сказал:

— Эй, кто-нибудь из вас слышал историю про шлюху, которая...

Питер стоически вытерпел еще час, показавшийся ему вечностью. Ханс продолжал подначивать всех женщин вместе и каждую в отдельности. Наконец Питер решил, что с него хватит и пошлой болтовни, и паршивого апельсинового сока. Он поймал взгляд Кэти и выразительно посмотрел на часы. Она улыбнулась адресованной лишь ему одному улыбкой — спасибо, мол, что был таким терпимым, — и они начали прощаться.

— Так рано, док? — Язык Ханса заметно заплетался, а его рука, кажется, нашла свое постоянное пристанище на плечах одной из дам.

Питер промолчал.

— Вы могли бы позволить Кэт задержаться подольше.

Это бестактное замечание раздосадовало Питера, и он только кивнул. Кэти же тепло распроща-

лась со всей компанией, и супруги направились к выходу.

Было еще только полвосьмого, но уже стемнело, хотя яркий свет фонарей не позволял разглядеть звезды. Кэти взяла Питера под руку, и они медленно двинулись вдоль улицы.

— Как же он мне надоел! — нарушил молчание Питер. Его слова вылетали изо рта вместе с облачками пара.

— Кто? — лениво откликнулась Кэти.

— Ханс.

— О, он безобиден. — Кэти теснее прижалась к мужу.

— Только лает, но не кусается?

— Ну, не совсем так. Ему удалось, похоже, переспать почти со всеми женщинами в нашей конторе.

Питер покачал головой.

— Разве они не видят его насквозь? Ему же только одно надо.

Кэти остановилась и потянулась поцеловать его.

— Сегодня вечером, любовь моя, и мне тоже.

Они улыбнулись друг другу, и им обоим почему-то показалось, что на улице стало значительно теплее.

Позднее, придя домой, они занялись любовью, и это было чудесно, их обнаженные тела сплетались, и каждый из них чутко отзывался на желания другого. После двенадцати лет супружества, семнадцати — близости и девятнадцати — знакомства, их тела двигались в едином ритме. И все же после стольких лет все было как в первый раз. Наконец, уже за полночь, они уснули, не разжимая объятий, успокоенные, расслабленные, утомленные, влюбленные.

Но где-то около трех часов Питер внезапно проснулся в холодном поту. Ему снова приснился все тот же сон — сон, преследовавший его вот уже шестнадцать лет подряд.

Он лежит на операционном столе, объявленный мертвым, но он знает, что жив. Скальпели и грудинные пилы вгрызаются в беспомощное тело, его органы вынимают из его вспоротого туловища.

Кэти, разбуженная внезапным движением мужа, все еще раздетая, выскользнула из постели, принесла ему стакан воды и села рядом. Она успокаивала его, как делала до этого много раз, до тех пор, пока ужасное видение не исчезло.

ГЛАВА 3

Питеру и раньше встречались эти рекламные объявления и в журналах, и в сети. «Живите вечно! Современная наука может навсегда защитить вас от старения». Он не придавал этому значения, пока не увидел статью в научном журнале «Биотехнология сегодня». Некая калифорнийская компания за двадцать миллионов долларов предлагала сделать бессмертным любого желающего. Питер не очень-то верил в такую возможность, но применяемая при этом технология его заинтересовала. Теперь, когда ему исполнилось сорок два, было мучительно сознавать, что им с Кэти на совместную жизнь остается совсем мало времени.

Так или иначе компания «Неограниченная жизнь» проводила семинары по всей Северной Америке, пропагандируя свою методику. Наконец ее представители добрались и до Торонто, где арендовали конференц-зал в фешенебельном отеле «Ройал Йорк».

Из-за пробок добраться в деловую часть города на автомобиле стало практически невозможно, поэтому Питер и Кэти доехали на метро до

станции «Юнион», откуда был выход прямо в вестибюль отеля. Семинар проводился в роскошном зале «Онтарио». Собралось что-то около тридцати человек, и...

— Ое-ей, — тихо шепнула Кэти Питеру.

К ним подходил Колин Годойо — муж подруги Кэти, Наоми. Будучи вице-президентом банка «Торонто Доминион», он очень любил демонстрировать свое положение. Питер с симпатией относился к Наоми, но Колина никогда всерьез не воспринимал.

— Питер, дружище! — громко приветствовал его Колин, явно стараясь привлечь всеобщее внимание. Он протянул Питеру мясистую ладонь, которую тот был вынужден пожать. — И обворожительная Кэтрин. — Тут уж пришлось Кэтрин вытерпеть малоприятный поцелуй. — Как чудесно видеть вас обоих!

— Привет, Колин, — сдержанно ответил Питер. — Подумываешь, не пожить ли вечно? — Он кивнул в сторону только что появившегося докладчика.

— Звучит заманчиво, не так ли? — сказал Колин. — А как насчет вас? Счастливая пара не может смириться с мыслью: «...пока смерть не разлучит нас»?

— Меня интересует в этом биомедицинская инженерия. — Питер был слегка раздосадован развязностью Колина.

— Ну конечно, — продолжил Колин раздражающим тоном всезнайки. — А Кэти — ведь ей наверняка хочется навсегда остаться столь же прекрасной, как сейчас?

Питер почувствовал, что надо вступиться за жену.

— Ты забыл, у нее степень бакалавра в области химии. Мы оба просто интересуемся научными достижениями, лежащими в основе этого процесса.

В это время раздался громкий голос докладчика:

— Леди и джентльмены, мы готовы начать наш семинар. Пожалуйста, займите свои места.

Питер заметил два свободных кресла в уже заполненном ряду и быстро повел туда Кэти. Все уселись и приготовились слушать рекламные обещания.

— Ключом к бессмертию является нанотехнология, — так начал свой доклад сотрудник «Неограниченной жизни». Это был мускулистый негр лет сорока с сильной проседью и широкой улыбкой. Его костюм стоил, очевидно, не меньше

двух тысяч долларов. — Наши микророботы, изготовленные с помощью нанотехнологии, могут предотвратить любые возрастные изменения. — Он обернулся к висевшему на стене экрану. Там появилась увеличенная микрофотография миниатюрного робота. — Вот один из них, — сказал он. — Мы называем их «нанни», потому что они, как няньки, присматривают за вами. — Он усмехнулся, приглашая всех оценить его чувство юмора.

— Вы спросите, как же наши нанни — которых мы внедряем в организм — могут помешать вам состариться? — Он сделал эффектную паузу. — Очень просто. Значительная часть процессов старения регулируется таймерами, включающими и выключающими определенные гены. Просто убрать эти таймеры нельзя — они необходимы для регулирования жизнедеятельности клеток, но наши нанни запоминают положения, в которые они установлены, и по мере необходимости возвращают их на свои места. Нанни также сравнивают молекулы ДНК, синтезируемые вашими телами, с изображениями первоначальных ДНК. Если обнаруживается, что при репликации появились ошибки, то их исправляют на атомном уровне. Все это очень напоминает безошибочную

передачу сообщений по компьютеризованным линиям связи: контрольные суммы позволяют делать быстрые и точные сравнения.

Важной составной частью процессов старения также являются разрушительные последствия накопления токсичных отходов жизнедеятельности, но наши нанни могут позаботиться и об этом, выводя эти яды из организма.

Аутоиммунные реакции, такие, как ревматоидный артрит, — это еще один аспект старения. Однако, ведя борьбу со СПИДом, мы тщательно исследовали аутоиммунные процессы и теперь в состоянии предотвратить почти все их негативные последствия.

Но самая тяжелая сторона старения — это утрата памяти и умственных способностей. Во многих случаях это происходит просто из-за недостатка витаминов B6 и B12, а также из-за нехватки ацетилхолина и других нейромедиаторов. И опять же наши нанни установят необходимые уровни всех этих веществ.

А как насчет болезни Альцгеймера? Она генетически запрограммирована на определенный возраст, хотя может быть также вызвана высоким содержанием алюминия в тканях. Наши нанни как следует повозятся с вашими генами,

включая и выключая нужные регулирующие участки ДНК. Мы найдем последовательность генов, ответственных за болезнь Альцгеймера, и просто не дадим им инициировать болезнь. Хотя надо заметить, что этот кусок ДНК бывает не у всех людей.

Докладчик улыбнулся:

— Я догадываюсь, о чем вы сейчас думаете. Ничто не поможет, если грабитель выстрелит мне в грудь. Тем не менее запатентованная «Неограниченной жизнью» технология гарантирует, что вы сможете пережить даже это. Да, пуля остановит сердце — но наши нанни будут следить за уровнем окисленности крови и сами в случае необходимости смогут доставлять кислород в мозг, как тракторы таща за собой эритроциты. Конечно, вам потребуется пересадка сердца и, возможно, другие ремонтные работы — но мозг все это время будет жив.

«Ну хорошо, — теперь подумали вы, — а вдруг грабитель выстрелит мне в голову?» — Тут докладчик продемонстрировал аудитории тонкий листок какого-то материала, напоминающего алюминиевую фольгу. — Это полиэфир D-5. Похож на пленку «Мэйлар». — Он поднял листок за угол и помахал им в воздухе. Листок затрепетал.

— Тоньше половины миллиметра, а теперь посмотрите. — Он закрепил листок на квадратной металлической раме, затем достал пистолет с глушителем. — Не волнуйтесь, у меня есть на эту штуку специальное разрешение. — Негр усмехнулся. — Я знаю, как вы здесь, в Канаде, относитесь к ношению оружия. — Он направил пистолет на лист фольги. Питер услышал негромкий хлопок и увидел, как из дула вырвалось маленькое облачко пламени. Раздался еще один звук, похожий на удар грома, и с занавесом на заднике сцены что-то случилось.

Докладчик подошел к металлической рамке, снял с нее пленку и показал зрителям.

— Никакой дырки. — Действительно, листок остался целехонек и колыхался в струе воздуха от кондиционера. — Полиэфир D-5 был разработан для нужд военных и теперь широко применяется в пуленепробиваемых жилетах полиции во всем мире. Как видите, он очень гибок, но если получит сильный удар, тогда затвердеет и станет тверже стали. Пуля, которую я выпустил минуту назад, отскочила от него. — Он обернулся и позвал помощника, который вышел на сцену, держа что-то в металлических щипцах. Помощник разжал щипцы, и этот предмет упал в стоявшую на

подиуме стеклянную чашку. — Вот она.

Докладчик повернулся лицом к публике.

— Мы покрываем череп тонким перфорированным слоем полиэфира D-5. Разумеется, для этого не нужно снимать скальп; мы просто вводим в вену наши нанотехнологические микроботы, и они откладывают нужный слой. При такой защите вы можете получить пулю в голову, попасть под колесо автомашины, выпасть из окна вниз головой — череп останется целым и невредимым. Полиэфир так затвердевает при ударных нагрузках, что энергия удара практически не достигает мозга.

Ну что же, давайте подведем итоги. — Он ослепительно улыбнулся собравшимся. — Все без обмана, ребята. Мы можем так перестроить ваш организм, что вы никогда не умрете — ни от старости, ни от несчастного случая, почти любого, который вы только можете себе представить. Мы предлагаем в точности то, что обещаем: самое что ни на есть подлинное бессмертие. Ну как, есть желающие?

Было первое воскресенье месяца. По давно заведенной традиции в этот день Питер ужинал у тестя и тещи.

Родители Кэти жили на Бэйвью-авеню в Се-

верном Йорке. Дом семьи Черчилл с гаражом на одну машину, построенный в шестидесятые годы, некогда считался довольно большим, но теперь на фоне выросших вокруг огромных домов казался карликом, да к тому же из-за них большую часть дня находился в тени. Над гаражом было укреплено ржавое кольцо баскетбольной корзины без сетки.

Замок открылся от прикосновения большого пальца Кэти, он был запрограммирован узнавать ее отпечаток. Она вошла первой, Питер вслед за нею. Кэти крикнула:

— Мы пришли.

И на верхней площадке лестницы появилась ее мать. Она вышла их встречать. Банни Черчилл — да поможет ей Бог, ее действительно так звали — было шестьдесят два года. Она была низенькая, опрятная, с седыми волосами, которые отказывалась красить по принципиальным соображениям. Питер ее очень любил. Вместе с Кэти он поднялся наверх в гостиную. Питер приходил сюда уже много лет подряд, но все никак не мог привыкнуть к ее убранству. Там была всего одна маленькая книжная полка, на которой помещалась аудиосистема для проигрывания компакт-дисков и набор лазерных видеодисков,

в том числе полный комплект видеоприложений к журналу «Плейбой» с 1998 года.

Отец Кэти преподавал физическое воспитание. Учителя физкультуры были проклятием детских и юношеских лет Питера. Общение с ними показало, что взрослые люди далеко не всегда бывают умны. Род Черчилл управлял своей семьей, как футбольной командой старшеклассников. Он требовал, чтобы все мероприятия начинались точно в назначенное время — даже теперь Банни приходилось спешить накрыть на стол, прежде чем часы пробьют шесть. Каждый знал свое место, и, разумеется, все подчинялись командам тренера — Рода.

Род восседал во главе стола, напротив него Банни, а Кэти и Питер по обе стороны, лицом друг к другу — иногда, когда Род принимался рассказывать свои утомительные истории, они шутя под столом пихали друг друга ногами.

Это был месяц индейки — на ужин в первое воскресенье месяца неизменно подавалась то индейка, то ростбиф, то цыплята. В прошлый раз были цыплята, значит, теперь наступила очередь индейки. Род взял разделочный нож. Он всегда первым обслуживал Питера, неизменно приговаривая — «сначала нашему гостю». Этим он давал

понять, что не считает его членом семьи, хотя тот уже четырнадцать лет был мужем его дочери.

— Я знаю, что вы любите, Питер, — индюшачью ножку.

— Я бы предпочел белое мясо, — вежливо заметил Питер.

— Я думал, вы любите темное мясо.

— Я люблю темное цыплячье мясо. — Этот диалог повторялся каждый третий месяц. — В индейке я люблю белое мясо.

— Вы в этом уверены? — последовал традиционный вопрос.

«Нет, я, как всегда, просто придуриваюсь».

— Да.

Род пожал плечами и вонзил нож в грудку индейки. Он был тщеславен — уж год как вышел в отставку, но все равно продолжал красить остатки волос в каштановый цвет. И отрастил их с одной стороны подлиннее, чтобы было чем прикрывать лысину.

— Кэти, когда была маленькой, любила птичьи ножки, — сообщил Род.

— Я и сейчас их люблю, — попыталась поддержать разговор Кэти, но Род, казалось, не слышал ее.

— А мне нравилось давать ей здоровенную

ножку и смотреть, как она с ней мучается.

— Она могла бы подавиться, — робко вставила Банни.

Род ворчливо ответил:

— Дети способны сами позаботиться о себе. Я помню случай, когда она сверзилась с лестницы. — Он заржал, словно жизнь представляла собой одну длиннющую комедию с падениями и оплеухами. — Ты была расстроена больше, чем Кэти. — Теперь он обращался к Банни. — Девчонка ждала, пока соберется побольше народу, прежде чем начать реветь. — Он покачал головой. — У детей гуттаперчевые кости. — Род протянул Питеру тарелку с двумя неровными ломтями индюшачьей грудки. Питер взял ее и потянулся к блюду с печеным картофелем. Пирушки по пятницам в «Согбенном епископе» уже не казались невыносимо скучными.

— У меня ссадины зажили только через несколько недель, — пожаловалась Кэти.

Род ухмыльнулся:

— У нее на попе.

У Питера на ноге до сих пор остался длинный шрам после несчастного случая в физкультурном зале. Ох уж эти чертовы преподаватели физкультуры. Такие веселые ребята. Он подождал,

пока Род положит каждому его порцию индейки, налил себе подливки из соусницы и предложил ее Роду.

— Нет, спасибо, — отказался тесть. — Я теперь не ем жирной подливки.

Питер сначала решил спросить почему, но потом передумал и передал соусницу Кэти. Он повернулся к теще и улыбнулся:

— У вас есть какие-нибудь новости, Банни?

— О да, — с готовностью откликнулась она. — Я каждую среду по вечерам хожу на курсы разговорного французского языка. Вот решила, что и мне пора чему-нибудь поучиться.

На Питера это произвело большое впечатление.

— Рад за вас, — сказал он, затем, повернувшись к Роду, спросил: — Неужели вам приходится самому заботиться о себе каждую среду?

Род фыркнул.

— Я заказываю ужин в «Фуд фуд», — ответил он.

Питер неопределенно хмыкнул. Кэти обратилась к матери:

— Индейка великолепна.

— Спасибо, дорогая. — Банни тепло улыбнулась. — Я помню, как ты изображала индейку на

школьном спектакле в День благодарения.

Питер удивленно поднял брови:

— Я не знал об этом, Кэти. — Он посмотрел на тестя. — Ну и как она выглядела, Род?

— Я не знаю. Меня там не было. Смотреть на детей, одетых в костюмы домашних птиц, — нет уж, увольте, у меня другое представление о приятном вечере.

— Но ведь она ваша дочь, — возмутился Питер и тут же пожалел об этом.

Род положил себе еще тушеной моркови. Питер подозревал, что на игру своего сына в Малой лиге он бы пошел посмотреть во что бы то ни стало.

— Папа никогда особенно не интересовался детьми, — примиряющим тоном заметила Кэти.

Род кивнул, словно для отца такое отношение к собственным детям было вполне естественным. Питер под столом нежно коснулся ноги Кэти.

ГЛАВА 4

Август, 2011

Два времени года сменяют друг друга на планете за шесть месяцев. Стоит ли удивляться, что за такой срок происходит множество событий?

Питер загрузил из сети в свой компьютер номер «Тайм» за эту неделю и стал его просматривать. Мировые новости. Люди. Вехи.

Вехи.

Рождения, свадьбы, разводы, смерти. Далеко не все вехи столь четко обозначены. Где упомянуты такие события, как гибель романтической любви? В каком журнале регистрируются затяжные хвори, опустошенные сердца? Кто отметил исчезновение счастья?

Питер вспомнил, какими прежде были субботние вечера. Ленивыми. Наполненными любовью. Вместе читали газету. Смотрели маленький телевизор. В какой-то момент поднимались в спальню.

Вехи.

Кэти спускалась вниз по лестнице. Питер мельком взглянул на нее. В нем все еще тепли-

лась надежда — надежда на то, что он увидит прежнюю Кэти, ту Кэти, в которую он когда-то влюбился. Затем, вновь уткнувшись в экран, он вздохнул — не театрально, не для того, чтобы она услышала, а про себя, — тяжелый вздох, попытка заглушить печаль. Бросив на жену лишь мимолетный взгляд, тем не менее Питер успел запомнить, как она выглядит. Она была в потрепанной футболке с эмблемой Торонтского университета и мешковатых джинсах. Никакой косметики. Черные волосы до плеч наспех расчесаны, но не уложены. Вместо контактных линз — очки.

Еще один едва слышный вздох. Ее так портили болтающиеся на носу толстые стекла, но Питер не смог вспомнить, когда она в последний раз надевала контактные линзы.

Они уже шесть недель не занимались любовью. Средняя цифра по стране составляла 2,1 раза в неделю. Так, во всяком случае, было написано вот в этом номере «Тайм».

Конечно, «Тайм» — это американский журнал. Возможно, здесь, в Канаде, другая статистика.

Возможно.

В этом году исполнялось тринадцать лет со дня их свадьбы.

А они не занимались любовью уже шесть проклятых недель.

Шесть недель! Он снова посмотрел на жену. Она все еще стояла там, на лестнице, на третьей ступеньке снизу, одетая как девчонка-сорванец.

Ей сейчас сорок один год; в прошлом месяце они отметили ее день рождения. Она сохранила хорошую фигуру — хотя Питеру нечасто теперь удавалось ее разглядеть. Трикотажные футболки, слишком просторные свитера и длинные юбки — эти мешки, которые она с некоторых пор предпочитала носить, скрывали почти все.

Питер резко ткнул в кнопку «след, стран». и стал читать дальше. Во второй половине дня по субботам они прежде подолгу занимались любовью. Но, Боже, если она и впредь собирается так одеваться... Он прочел три абзаца лежащей перед ним статьи и поймал себя на том, что не имеет ни малейшего понятия об их содержании, он не запомнил ни единого слова.

Он еще раз взглянул наверх. Кэти по-прежнему стояла на третьей ступеньке, глядя на него сверху вниз. На мгновение их взгляды встретились, затем она опустила глаза и, держась за перила, сошла в гостиную.

Не отрываясь от журнала, Питер спросил:

— Что ты предпочитаешь на ужин?

— Не знаю, — последовал равнодушный ответ. Не знаю. Государственный гимн Кэтиленда.

Боже, как это все надоело. Чем бы ты хотела заняться сегодня вечером? Что ты хочешь на ужин? Не хочешь ли взять отпуск?

Не знаю.

Не знаю.

Не знаю.

Проклятие.

— Я хочу рыбу, — сказал Питер и снова «перевернул страницу».

— Все что угодно, если тебе это доставит удовольствие. — Все те же безжизненные интонации.

«Мне доставит удовольствие, если ты поговоришь со мной, — подумал Питер. — Мне доставит удовольствие, если ты перестанешь одеваться в это идиотское тряпье».

— Может, нам просто заказать что-нибудь на дом? — спросил Питер. — Скажем, пиццу или что-нибудь китайское.

— Как хочешь.

Он снова начал листать страницы, все новые слова заполняли экран.

Тринадцать лет супружества.

— Может, мне позвонить Саркару, — осторожно предложил он, стараясь расшевелить Кэти. — Пойти с ним куда-нибудь перекусить.

— Как хочешь.

Питер выключил экран.

— Черт возьми, дело же не только в том, чего хочу я. В конце-то концов, чего хочешь ты?

— Я не знаю.

Нарыв созрел и должен был прорваться, все его вздохи не приносили желаемого облегчения.

— Может, мне просто выйти поужинать с Саркаром и больше сюда не возвращаться?

Она молча стояла на другом конце комнаты, спиной к лестнице. Ее нижняя губа слегка дрожала. Наконец чуть слышно раздалось:

— Если это сделает тебя счастливым.

Все рушится, подумал Питер. Все рушится прямо сейчас.

Питер машинально включил и выключил экран.

— Все кончено, да? — с отчаянием произнес он. Тринадцать лет...

Он должен прямо сейчас встать с дивана, встать и уйти. Тринадцать лет...

— Боже мой, — тоскливо произнес Питер, так и не дождавшись ответа. Он закрыл глаза.

— Питер...

Он все сидел с закрытыми глазами.

— Питер, — послышался напряженный голос Кэти, — я спала с Хансом Ларсеном.

Он ошалело уставился на нее. У него, что называется, отвисла челюсть, сердце бешено колотилось. Она отвела взгляд.

Кэти нерешительно прошла в центр гостиной. Несколько минут оба молчали. Питер чувствовал резь в желудке. Наконец хриплым, срывающимся голосом, словно механизм, у которого кончился завод, он с трудом выдавил:

— Я хочу знать подробности.

Кэти говорила тихо. Она старалась не смотреть на мужа.

— Разве это так уж важно?

— Да, это важно. Конечно, это важно. Как долго продолжалась эта... — он замолчал на секунду, — ...эта связь? — Боже, он никогда не думал, что придется употреблять это слово в подобном контексте.

Ее нижняя губа снова задрожала Она сделала шаг к нему, словно хотела сесть рядом, но остановилась в нерешительности, увидев выражение его лица. Вместо этого она медленно пошла к креслу и устало опустилась в него, казалось,

эти несколько шагов по комнате были самой длинной дорогой в ее жизни. Кэти осторожно положила руки на колени и стала их внимательно рассматривать.

— Это не было связью, — тихо сказала она.

— А как же, черт возьми, это называется? — Питер произносил жесткие слова, но тон совершенно им не соответствовал. Он был безжизненным, опустошенным.

— Это было... это не были какие-то взаимоотношения. — Кэти слегка заикалась. — Это просто случилось.

— Как?

— В пятницу вечером, после работы. Ты в тот раз не пришел. Ханс попросил меня подбросить его до метро. Мы вместе с ним дошли до стоянки машин нашей компании и сели в мою машину. На стоянке в тот момент никого не было, и было очень темно.

Питер устало покачал головой.

— В твоей машине? — переспросил он затем он долго молчал и наконец тихо сказал: — Ты... — и следующее слово он произнес Нарочито медленно, с брезгливой гримасой, словно это было единственное верное определение, — потаскуха.

Ее лицо опухло, глаза покраснели, но она не

плакала. Кэти слегка покачала головой, словно пытаясь оспорить это слово, слово, которым до сих пор никто никогда ее не называл, но в конце концов она только пожала плечами, возможно, смирившись.

— Что там произошло? — спросил Питер. — Что именно вы делали?

— Мы занимались сексом. Вот и все.

— Какого рода сексом?

— Нормальным сексом. Он просто скинул брюки и задрал мне юбку. Он — он нигде меня не трогал.

— Но ты была пьяная?

Она вспыхнула.

— Я... я слишком много выпила.

Питер кивнул.

— Ты никогда прежде не пила. Пока не начала там работать.

— Я знаю. Я больше не буду.

— Что еще случилось?

— Ничего.

— Он поцеловал тебя?

— Перед этим — да. Но потом нет.

Саркастически:

— Он сказал, что любит тебя?

— Ханс говорит это всем.

— А тебе он это говорил?

— Да, но... но это были только слова.

— Ты ему это говорила?

— Конечно, нет.

— А ты... ты кончила?

Шепотом:

— Нет. — И тут слеза все же медленно поползла у нее по щеке. — Он... он спросил меня, кончила ли я. Как будто можно кончить, когда это так делают, раз-два и готово. Он спросил меня. Я сказала, что нет. А он засмеялся... засмеялся и застегнул брюки.

— Когда это случилось?

— Ты помнишь ту пятницу, когда я пришла домой поздно и приняла душ?

— Нет. Погоди-ка — да. Ты никогда не принимала душ по вечерам. Но это было несколько месяцев тому назад...

— В феврале, — подсказала Кэти.

Питер кивнул. Ему стало легче. Тот факт, что все это случилось так давно, почему-то сгладил остроту ситуации.

— Шесть месяцев тому назад, — уточнил он.

— Да, — подтвердила она, но затем три слова, как три пули, вонзились ему в сердце. — В первый раз.

Все идиотские вопросы вмиг заворочались в мозгу. Ты хочешь сказать, что были и другие разы? Да, Питер, именно это она и имеет в виду.

— Сколько раз?

— Еще дважды.

— Всего, значит, три раза.

— Да.

Снова саркастически:

— Но «связь» неподходящее слово для этого?

Кэти промолчала.

— О Боже, — тихо выдохнул Питер.

— Это не было связью.

Питер кивнул. Он знал, что собой представляет Ханс. Разумеется, это не было связью. Разумеется, любовь тут совершенно ни при чем.

— Просто секс, — с горечью повторил Питер.

Кэти благоразумно промолчала.

— Боже. — Питер словно растерял все слова. У него в руках все еще был экран для чтения журналов. «Хорошо бы шарахнуть им об стену», — тоскливо подумал он. Но через минуту просто уронил его на диван рядом с собой. Экран бесшумно закачался на подушке. — Когда был последний раз?

— Три месяца тому назад. — Она говорила очень тихо. — Я пыталась набраться смелости расска-

зать тебе. Я... боялась, что у меня не получится. Я уже пробовала два раза, но просто не смогла это сделать.

Питер не ответил. Не существовало адекватной реакции, никакого способа с этим справиться. Ничего. Бездна.

— Я... я подумывала о самоубийстве, — еле слышно пробормотала Кэти после очень долгой паузы. — Но не травиться и не вскрыть вены — ничего такого, что выглядело бы как самоубийство. — Она заглянула ему в глаза. — Автомобильная катастрофа. Я хотела врезаться в стену. Тогда ты бы продолжал меня любить. Ты никогда бы не узнал, что я сделала, и... вспоминал обо мне с любовью. Я пыталась. Я была уже совершенно готова, но, когда дошло до дела, я отвернула машину, не смогла, струсила. — Слезы покатились у нее по щекам.

Молчание. Питер попытался разобраться во всем этом хаосе. Было совершенно бессмысленно спрашивать, не собирается ли она остаться с Хансом. Ханс не хотел никаких взаимоотношений ни с Кэт, ни с любой другой женщиной. Ханс. Этот проклятый Ханс.

— Как ты могла связаться с Хансом? Из всех мужчин именно с ним? — спросил Питер. — Ты

же знаешь, что он за тип.

— Я знаю. — Она смотрела в потолок. — Да, я знаю.

— Ты должна признать, что я старался быть хорошим мужем, — продолжал Питер, — всегда и во всем помогал тебе. Мы легко находили общий язык, могли разговаривать с тобой о чем угодно, и я обычно до конца выслушивал тебя.

В ее голосе впервые прозвучала обида:

— А заметил ли ты, что вот уже несколько месяцев я долго не могу уснуть и плачу по ночам?

У их кровати стояли два вентилятора, которыми они пользовались, чтобы заглушить шум машин и случайные храпы друг друга.

— Я ведь и не мог этого знать, — сказал он в свое оправдание. Правда, временами, засыпая, он чувствовал, что она вздрагивает рядом. Полусонный, он подумывал в таких случаях, что она занимается мастурбацией; однако эту мысль он держал при себе.

— Мне нужно подумать. — Мысли путались. — Я еще не знаю, что надо делать.

Кэти кивнула.

Питер запрокинул голову и судорожно вздохнул:

— Боже, нужно переосмыслить целых шесть

месяцев жизни. Отпуск в Новом Орлеане. Это было уже после того, как ты и Ханс... А тот уик-энд, который Саркар разрешил нам провести в его загородном доме. Это тоже было уже после. Все теперь приходится вспоминать совсем по-другому. Все изменилось. Каждое воспоминание после того момента, каждое счастливое мгновение — все фальшиво, запятнано.

— Я так жалею об этом, — прошептала Кэти.

— Жалеешь? — Теперь Питер говорил ледяным тоном. — Я бы мог поверить, если бы это произошло только один раз. Но трижды? Три раза, черт возьми!

Ее губы дрожали.

— И все же мне действительно страшно жаль.

Питер снова вздохнул.

— Я собираюсь позвонить Саркару и пригласить его сегодня поужинать.

Кэти молчала.

— Я не хочу, чтобы ты пошла со мной. Я хочу поговорить с ним наедине. Мне нужно во всем разобраться.

Она кивнула.

ГЛАВА 5

Питер и Саркар Мухаммед были знакомы с детства. Они жили на одной улице, и хотя Саркар ходил в частную школу, быстро подружились. На первый взгляд трудно было понять, что их связывало. Саркар серьезно увлекался спортом. Питер же входил в группу учеников, выпускавших школьный альманах и газету. Саркар был правоверным мусульманином — Питер равнодушно относился к любым религиозным учениям. Но когда семья Саркара переехала в район, где жил Питер, они очень быстро сошлись друг с другом. Обладая сходным чувством юмора, они оба любили читать Агату Кристи и были большими знатоками сериала «Звездный марш». К тому же Питер совсем не употреблял спиртного, и Саркар был счастлив иметь такого приятеля. Хотя Саркар и захаживал в рестораны, где подавали горячительные напитки, он всегда избегал выпивающих компаний.

Саркар поступил в Университет Ватерлоо на факультет информатики. Питер занимался в Торонтском университете биомедицинской

инженерией. В течение всех студенческих лет они не теряли друг друга из виду, обмениваясь электронной почтой по сети Интернет. После непродолжительной стажировки в Ванкувере Саркар вернулся в Торонто и возглавил собственную инновационную фирму, проектирующую экспертные системы. Хотя Саркар был женат и имел троих детей, они с Питером часто ужинали вдвоем, только он и Питер.

Эти ужины неизменно проходили в заведении Сонни Готлиба, шикарном ресторане в самом центре еврейского квартала Торонто. Питер терпеть не мог пакистанской кухни, несмотря на героические усилия Саркара расширить его гастрономические вкусы, а Саркар не мог нарушить заповедей ислама, вот друзьям и приходилось идти на компромисс — большая часть кошерных блюд удовлетворяла их обоих. Они сидели в своей постоянной кабинке, в окружении посетителей, оживленно болтающих на идиш, иврите и русском.

Сделав заказ, Саркар спросил Питера, что у него новенького.

— Да так, ничего особенного, — сдержанно ответил тот. — А что у тебя?

Саркар начал обстоятельно рассказывать о

заключенном его компанией контракте на разработку экспертных систем для Новой демократической партии провинции Онтарио. Этой партии удалось прорваться к власти лишь однажды, в начале девяностых годов, но она жаждала реванша. Пока память о канадских социалистических правительствах окончательно не изгладилась в сознании нынешнего поколения, руководство хотело собрать все факты о членах своей партии, входивших тогда в состав правительства.

Питер слушал его вполуха. Обычно он живо интересовался работами Саркара, но сегодня его мысли были страшно далеки от всего этого. Наконец подошел официант с кувшином диетической колы и корзинкой разнообразных пончиков.

Питеру очень хотелось поделиться своей бедой. Он попытался начать этот разговор, но так и не смог набраться храбрости. Что подумает о нем Саркар, когда узнает? Что он подумает о Кэти? Сначала ему показалось, что он не решается открыться Саркару из-за его религиозных убеждений: семья Саркара занимала видное положение в мусульманской общине Торонто, и Питер знал, что в этой среде до сих пор практикуют браки по договоренности между родителями жениха и невесты. Но дело было не в этом. Он просто

не мог заставить себя вслух рассказать никому — абсолютно никому — о том, что случилось.

Хотя есть ему совсем не хотелось, Питер взял из корзинки обсыпанный маком пончик и намазал его джемом.

— Как поживает Кэтрин? — поинтересовался Саркар, выбрав пончик из ржаной муки.

Питер помедлил, благо набитый рот позволял выиграть несколько секунд, чтобы обдумать ответ. Наконец он сказал:

— Замечательно, просто замечательно.

Саркар удовлетворенно кивнул.

Чуть позже Саркар спросил:

— Как ты смотришь на то, чтобы в этом году поехать на север на второй уик-энд сентября?

Вот уже шесть лет подряд они с Саркаром уезжали осенью на уик-энд на озера Кавартхас.

— Я... мы еще раз обсудим это с тобой попозже, — ответил Питер.

Саркар взял еще пончик.

— Ладно, — согласился он.

Питер любил эти выходные, проведенные на свежем воздухе. Он не был таким уж завзятым туристом, но ему нравилось смотреть на звездное небо. Правда, он не собирался каждый год отправляться в подобные путешествия, но для Саркара

любые совместные действия, совершенные однажды, немедленно превращались в нерушимую традицию.

А неплохо было бы уехать куда-нибудь подальше, подумал Питер. Даже очень неплохо.

Но...

Он не мог уехать.

Только не в этом году. Может, и вообще никогда.

Он не мог оставить Кэти одну.

Не мог, потому что у него не было уверенности, что она действительно будет одна.

Проклятие. Черт бы побрал все это.

— Мы еще раз обсудим это с тобой попозже, — повторил Питер.

Саркар улыбнулся:

— Ты мне уже это говорил.

Питер понял, что если он не переключит свои мысли на что-то другое, ужин будет безнадежно испорчен.

— Как работает этот новый сканер мозга, который изготовила для тебя моя компания?

— Прекрасно. Он, похоже, здорово упростит наши исследования нейронных сетей. Чудесный прибор.

— Рад это слышать, — сказал Питер. — Я сейчас

работаю над его усовершенствованием, хочу добиться более высокого разрешения.

— Его нынешнего разрешения более чем достаточно для той работы, которой я сейчас занят, — заметил Саркар. — Зачем тебе понадобилось еще большее?

— Ты помнишь те времена, когда я работал над практикумом в Торонтском университете? Я, кажется, рассказывал тебе о доноре органов, который проснулся на операционном столе?

— О да. — Саркар поежился. — Знаешь ли, моя религия с недоверием относится к трансплантации. Мы, мусульмане, считаем, что тело должно быть целиком возвращено земле. Подобные истории еще больше меня в этом убеждают.

— Ну а меня до сих пор преследуют кошмары. Но, кажется, я в конце концов сумею обуздать этого демона.

— Да?

— Сканер, который мы разработали для твоих исследований, всего лишь прототип. На самом деле мне хотелось создать... ну, назовем это, к примеру, суперэнцефалографом, — прибор, который мог бы зарегистрировать сколь угодно малую электрическую активность мозга.

— А-а, — протянул Саркар, удивленно подняв

брови, — чтобы точно установить, что человек действительно мертв?

— Совершенно верно.

Снова появился официант, принеся на сей раз их главные блюда. Питер получил стопку ломтиков монреальского копченого мяса с ржаным хлебом, к которому прилагался крутящийся подносик с разными сортами горчицы, а также блюдо с латкес — сыротертыми картофельными оладьями. Все это Саркар называл «набор Питера для сердечного приступа». Сам он взял рыбные тефтели.

— Ты угадал, — продолжал Питер. — Вот уже много лет я бьюсь над решением этой задачи, но только сейчас произошел ощутимый сдвиг. Мне никак не удавалось разрешить проблемы с соотношением «сигнал-шум», но, просматривая в сети информацию о новых достижениях, я наткнулся на некоторые алгоритмы, разработанные для радиоастрономии, и они позволили наконец с этим справиться. Сейчас у меня есть работающий прототип суперэнцефалографа.

Саркар положил вилку.

— И ты можешь увидеть этот последний нейронный вздох, так сказать?

— Вот именно. Ты же знаешь, как работает

обычный энцефалограф: каждый из миллиардов нейронов мозга постоянно получает возбуждающие сигналы от обоих синапсов, тормозящие сигналы или сочетание тех и других, верно? В результате мембранный потенциал каждого нейрона все время изменяется. Энцефалограф измеряет этот потенциал.

Саркар кивнул.

— Но у обычного энцефалографа диаметр воспринимающих электродов намного больше размеров отдельных нейронов. Поэтому вместо того, чтобы измерять мембранный потенциал отдельных нейронов, они измеряют усредненный потенциал всех нейронов, находящихся вблизи электродов.

— Верно, — сказал Саркар.

— Вот это и создает трудности. Даже если сотня нейронов, не говоря уже об одном, отреагирует на синаптические возбуждающие импульсы, то потенциал окажется на несколько порядков ниже, чем может зарегистрировать энцефалограф, то есть он показывает прямую линию, в то время как активность мозга — а значит, и жизнь — все еще может продолжаться.

— Крутая задачка, — незамедлительно отреагировал Саркар. «Крутая» было его излюбленное

словечко. У него оно имело огромное многообразие оттенков и могло означать все что угодно: от корректно поставленной до тонкой, интересной или сложной. — Так ты, говоришь, нашел решение?

— Да, — начал объяснять Питер. — Вместо небольшого числа электродов, применяемых в обычном энцефалографе, в моем суперэнцефалографе используется свыше миллиарда нанотехнологических датчиков. Каждый датчик такой же крошечный, как отдельный нейрон. Эти датчики покрывают череп сплошным слоем, как резиновая шапочка для купания. В отличие от обычного энцефалографа, воспринимающего суммарный сигнал всех нейронов данного участка коры, эти датчики обладают остронаправленной диаграммой чувствительности, подобно гиперболической антенне, и воспринимать мембранный потенциал от нейронов, непосредственно под ними. — Питер предостерегающе поднял руку. — Разумеется, прямая линия, проведенная через мозг в некоторой точке, пересечет тысячи нейронов, но, сравнивая сигналы от всех датчиков, я могу выделить электрическую активность всех вместе и каждого из этих в отдельности по всему мозгу.

Саркар съел еще одну рыбную тефтелю.

— Теперь я понимаю, почему у тебя возникли трудности с соотношением «сигнал-шум».

— Вот именно. Но теперь все нормально. С помощью этого нового оборудования я смогу зарегистрировать сколь угодно низкую электрическую активность мозга, даже если импульсы будет посылать лишь один нейрон.

На Саркара это, похоже, произвело впечатление.

— Ты уже испытывал его?

Питер вздохнул:

— На животных — да. На нескольких крупных собаках. Я пока не смог сделать сканирующее оборудование настолько миниатюрным, чтобы оно было применимо к крысам или кроликам.

— Так этот суперэнцефалограф действительно показывает точный, резкий момент истинной смерти — окончательное затухание электрической активности мозга?

Питер снова вздохнул:

— Я не знаю. У меня уже есть гигабайты записей мозговых волн лабрадоров-ретриверов, но я никак не могу добиться разрешения усыпить хотя бы одного из них. — Он намазал на ломтик мяса еще горчицы. — Единственный способ по-настоя-

щему проверить этот прибор — это испытать его на умирающем человеке.

ГЛАВА 6

Питер постучал, затем тихо вошел в одноместную палату в отделении для хронически больных. Хрупкая старушка лет девяноста сидела в постели, опираясь на приподнятое под углом сорок пять градусов изголовье кровати. Рядом с ней на шестах висели два мешочка-капельницы с внутривенными прозрачными растворами. Справа от кровати на поворотной консоли был укреплен маленький телевизор.

— Здравствуйте, миссис Феннелл, — вполголоса произнес Питер.

— Здравствуйте, молодой человек, — тонким и хриплым голосом ответила старушка. — Вы доктор?

— Нет, по крайней мере не доктор медицины. Я инженер.

— А где же ваш паровоз?

— Ну, я инженер не в этой области. Я...

— Я пошутила, сынок.

— Простите. Доктор Чон сказал, что у вас хорошее настроение.

Она приветливо взглянула, словно приглашая

его разделить с ней эту больничную палату, мешочки-капельницы и все остальное.

— Я стараюсь.

Питер огляделся. Никаких цветов, никаких открыток с пожеланиями скорейшего выздоровления. Похоже, миссис Феннелл была на этом свете одна-одинешенька. Его удивило, как она ухитрилась сохранить такое добродушие.

— Я, хм, хотел попросить вас об одном одолжении, — смущенно сказал он. — Мне нужна ваша помощь для проведения одного эксперимента.

Ее голос был похож на шелест сухих листьев.

— Что это за эксперимент?

— Он совершенно безболезненный. Вы просто будете носить специальный головной убор, в который встроен набор крохотных электродов.

Листья снова зашелестели — это могло означать смешок. Кивком головы миссис Феннелл показала на трубки, вставленные в вены на руках.

— Еще парочка подсоединений, наверно, не повредит. Сколько времени я должна его носить?

— Пока, хм, пока...

— Пока я не умру, да?

Питер почувствовал, что краснеет.

— Да, мадам.

— А для чего нужны эти электроды?

— Моя компания выпускает оборудование для биомедицинских обследований. Мы разработали прототип нового сверхчувствительного энцефалографа. Вы знаете, что такое ЭЭГ?

— Регистратор мозговых волн. — Лицо миссис Феннелл ничего не выражало; Чон сообщил ему, что она перенесла несколько микроинсультов. Но ее глаза улыбались. — Нельзя провести в больницах столько времени, сколько довелось мне, и ничего нового не узнать.

Питер хмыкнул.

— Этот специальный регистратор мозговых волн куда более чувствителен, чем обычные, которые есть в этой больнице. Мне бы хотелось записать, ну...

— Вы хотите записать мою смерть, да?

— Простите, мне не хотелось быть бесчувственным.

— Вы и не были. А почему вы хотите записать мою смерть?

— Ну видите ли, в настоящее время нет способа, позволяющего абсолютно точно установить, в какой момент мозг окончательно перестает работать. Этот новый прибор должен со стопроцентной гарантией определить момент смерти.

— Разве это кого-нибудь интересует? У меня нет родственников.

— Видите ли, часто тела держат подключенными к системе жизнеобеспечения просто потому, что мы не знаем, умер человек на самом деле или жив. Я пытаюсь предложить не просто юридическую констатацию смерти, а подлинную — позволяющую однозначно ответить на вопрос: перед нами живой человек или он уже мертв?

— И чем это может помочь людям? — поинтересовалась она. По ее тону было ясно, что именно это для нее самое важное.

— Облегчит трансплантацию органов.

Она покачала головой:

— Никому мои органы не нужны.

Питер улыбнулся:

— Наверно, вы правы. Но однажды мой прибор сможет гарантировать, что мы по ошибке не берем органы у живых людей. Он также будет полезен в отделениях скорой помощи и на месте происшествия при несчастных случаях. Ведь сейчас попытки спасти пациента очень часто прекращают раньше времени.

Миссис Феннелл немного подумала, затем сказала:

— Ведь вам на самом деле вовсе не требовалось

мое согласие, правда? Вы просто могли взять и подключить меня к вашему прибору. Просто сказать, что это нужно для обычного обследования. Врачи сплошь и рядом не объясняют, что они делают.

Питер кивнул:

— Пожалуй, вы правы. Но я подумал, что было бы вежливее спросить.

Глаза миссис Феннелл снова улыбнулись.

— Вы очень любезный молодой человек, доктор?..

— Хобсон. Но, пожалуйста, зовите меня Питером.

— Питер. — У ее глаз появились морщинки. — Я нахожусь тут несколько месяцев, и за все это время никто из врачей не предложил называть его по имени. Они меня куда только не кололи, но до сих пор считают, что сохранять эмоциональную дистанцию — это часть их работы. — Она помолчала. — Вы мне нравитесь, Питер.

Питер улыбнулся:

— Вы мне тоже нравитесь, миссис Феннелл.

На этот раз ей удалось по-настоящему засмеяться.

— Зовите меня Пегги. — Она умолкла, и сеть морщин на ее лице проступила еще отчетливее.

— Вы знаете, с тех пор, как я поступила в эту больницу, впервые слышу собственное имя. Значит, Питер, вам действительно интересно, что происходит в момент смерти?

— Да, Пегги, мне это интересно.

— Тогда почему бы вам не присесть? Устраивайтесь поудобнее и послушайте, что я вам расскажу. — Она понизила голос: — Знаете, а я ведь уже однажды умирала.

— Прошу прощения? — Она казалась такой здравомыслящей...

— Не смотрите на меня так, Питер. Я не сумасшедшая. Садитесь. Да садитесь же. Я расскажу все по порядку.

Питер слегка мотнул головой, как бы ничего не обещая, но тем не менее пододвинул поближе к кровати обтянутый винилом стул.

— Это случилось сорок лет назад, — начала миссис Феннелл, повернув к Питеру свое лицо, напоминающее печеное яблоко. — Незадолго перед этим у меня обнаружили диабет. Я зависела от уколов инсулина, хотя еще не вполне осознавала всей серьезности своего заболевания. Мой муж Кэвин ушел за покупками. Я сделала себе утренний укол инсулина, но еще не успела позавтракать. Зазвонил телефон. Это была моя

знакомая, которая болтала бесконечно долго, или мне так только показалось. Со мной же в это время начало твориться что-то неладное: бросило в пот, разболелась голова, но я продолжала болтовню — не хотелось ничего объяснять приятельнице. Тем временем мне становилось все хуже: усилилось сердцебиение, начали дрожать руки и расплываться очертания знакомых предметов. Я уже хотела извиниться и прервать разговор. Надо было срочно что-нибудь съесть, но внезапно я потеряла сознание. У меня была реакция на инсулин. Гипогликемия.

Хотя ее лицо, окаменевшее после инсультов, оставалось бесстрастным, голос становился все оживленнее.

— Вдруг, — продолжала она, — я обнаружила, что нахожусь вне своего тела. Я смогла увидеть себя как бы сверху, распростертой на полу в кухне, а затем стала подниматься все выше и выше, пока все вокруг как бы сжалось в туннель, в длинный, извилистый туннель. И в конце этого туннеля сиял прекрасный, чистый, яркий свет. Он был очень ярок, но смотреть на него было ничуть не больно. Меня охватило ощущение покоя, мира. Это было абсолютно непередаваемое чувство безусловного приятия, чувство любви. Я

поняла, что двигаюсь вперед к этому свету.

Питер опустил голову. Он не знал, что и сказать. Миссис Феннелл продолжала:

— Откуда-то, как будто из этого света, появилась чья-то фигура. Я сначала не узнала ее, но потом поняла, что это я сама. Только на самом деле не совсем я, а кто-то очень на меня похожий. У меня была сестренка-близнец по имени Мэри, но она умерла через несколько дней после нашего рождения. Я поняла, что это и была Мэри, которая пришла встретить меня. Она приблизилась, взяла меня за руку, и мы вместе поплыли по туннелю вперед, к этому свету.

И тут передо мной стали проноситься картины из моей жизни, как в кино. Я и мои родители, я и мой муж, я на работе, я за игрой. И мы с Мэри обсуждали каждую из этих сцен, где я поступила правильно, а где неправильно. Причем у меня не было такого чувства, что меня судят, просто очень важно было понять, какие последствия могли иметь мои поступки. Я увидела себя играющей в школьном дворе, жульничающей на экзаменах и работающей в больнице, и ох как много всяких других вещей — живо, с невероятной ясностью. А тем временем мы понемногу приближались к этому дивному свету.

Затем внезапно все кончилось. Я почувствовала, что какая-то сила тащит меня назад и вниз. Я не хотела расставаться с Мэри — однажды я уже потеряла ее, в конце концов, у меня никогда не было возможности узнать ее по-настоящему, — но наши руки разжались, и я поплыла назад, прочь от этого света, а затем снова оказалась в своем теле и ощутила присутствие других людей. Открыв глаза, я увидела мужчину в униформе. Это был парамедик. У него в руке был шприц. Он сделал мне укол гликогена. «С вами все будет в порядке, — то и дело повторял он. — Все будет хорошо».

Та женщина, с которой я разговаривала по телефону, — по странному совпадению ее тоже звали Мэри — поняла, что я упала в обморок, и вызвала скорую помощь. Парамедикам пришлось взломать входную дверь. Если бы они опоздали на несколько минут, меня бы уже давно не было в живых.

Так что, Питер, я-то знаю, что такое смерть. И не боюсь ее. Пережитое тогда изменило мое отношение к жизни. Я научилась видеть все в ином свете, относиться ко всему спокойно. И хотя я знаю, что жить мне осталось всего несколько дней, я не боюсь. Я верю, что мой Кэвин будет

ждать меня в этом свете. И Мэри тоже.

Питер внимательно выслушал ее рассказ. Он, разумеется, и раньше слышал подобные истории и даже как-то со скуки прочел кусок знаменитой книги Моуди «Жизнь после жизни», застряв однажды в домике своего родственника и не найдя там иного чтения. Кроме этой книги там была еще только одна — о влиянии знаков Зодиака на любовную жизнь. Питер и тогда не знал, как относиться к подобным россказням, а сейчас был еще менее уверен в их подлинности.

— Вы говорили об этом с кем-нибудь из здешних врачей? — спросил Питер.

Пегги Феннелл фыркнула:

— Эти парни появляются здесь, как будто они бегуны-марафонцы, а моя история болезни — эстафетная палочка. К чему, Бога ради, мне делиться е ними моими самыми интимными переживаниями?

Питер понимающе кивнул.

— Как бы то ни было, — добавила миссис Феннелл, — вот на что похожа смерть, Питер.

— Я... ну я бы...

— Однако вы не отказались от мысли провести ваш эксперимент, я правильно поняла?

— Признаюсь, да.

Миссис Феннелл попыталась кивнуть.

— Очень хорошо, — сказала она наконец. — Я доверяю вам, Питер. Вы кажетесь мне порядочным человеком, и я благодарна вам за то, что выслушали меня. Давайте сюда ваше оборудование.

Неделя после того, как Кэти сделала свое признание, была чертовски тяжелой. Они редко общались, а когда все же разговаривали, то лишь об эксперименте Питера с суперэнцефалографом и тому подобных вещах. Ничего личного, ничего непосредственно связанного с их взаимоотношениями. Лишь безобидные темы, чтобы немного заполнить долгое угрюмое молчание.

В этот субботний вечер Питер снова сидел в гостиной на диване и читал. Но на этот раз не электронную, а старую добрую книгу в бумажной обложке.

Питер лишь недавно открыл для себя старые романы Роберта Паркера о Спенсере. Было что-то притягательное в абсолютном, нерассуждающем доверии, установившемся между Спенсером и Хоком, и в восхитительной честности взаимоотношений между Спенсером и Сюзан Силверман. Паркер нигде не упоминал имени Спенсера, но Питеру казалось, что его собственное — озна-

чавшее «камень» — прекрасно бы ему подошло. Несомненно, Спенсер был куда более твердокаменным, чем Питер Хобсон.

На стене за его спиной висела репродукция картины Алекса Колвилла в рамке. Питер раньше считал, что Колвилл статичен, но с годами его творчество становилось все более понятным Питеру, и эта конкретная работа — мужчина, сидящий на крыльце сельского домика со старым псом, растянувшимся у его ног, — сейчас очень ему нравилась. Питер наконец понял, что отсутствие движения в работах Колвилла было намеренным, это был способ выразить постоянство: вот то, что неизменно, то, что действительно важно.

Питер по-прежнему не знал, что ему делать, не представлял, какое у них с Кэти может быть будущее. Он только что прочел забавную сцену — как Спенсер парировал вопросы Квирка несколькими старинными афоризмами, в то время как Хок безмолвно стоял рядом, пряча улыбку. Но это не развеселило Питера так, как бывало в прежние времена. Он вздохнул, заложил нужную страницу и отложил книгу.

Кэти спустилась по лестнице. Она распустила волосы и оделась в потрепанные голубые джинсы

и просторную белую блузку с двумя расстегнутыми верхними пуговицами — облик, который мог сойти и за призывный, и за нейтрально практичный. Она была явно сконфужена, но тем не менее пыталась привлечь внимание Питера, старательно посылая ему сигналы и рассчитывая, что они окажутся уместными независимо от того, в каком он будет настроении.

— Можно мне присоединиться? — спросила она дрожащим голосом.

Питер молча кивнул.

Диван состоял из трех широких подушек. Питер сидел на левой. Кэти села на границе между средней и правой, снова пытаясь быть одновременно и близкой, и далекой.

Они долго сидели рядом, не произнося ни слова.

Питер медленно покачал головой. Ему было жарко. Знакомые предметы теряли свои очертания. Недосып, подумал он. Но затем внезапно понял, что вот-вот расплачется. Он глубоко вздохнул — этого нельзя было допустить. Питер в последний раз по-настоящему плакал, когда ему было двенадцать лет. Ему тогда стало стыдно, он считал, что в таком возрасте уже не плачут, но его сильно дернуло током от электророзетки. В

последующие тридцать лет он научился владеть собой при любых обстоятельствах, но теперь, когда все внутри него вскипало и поднималось...

Нужно все бросить, уехать куда-нибудь подальше от Кэти, подальше от всех, пожить в одиночестве...

Но было уже поздно. Его тело содрогнулось. Щеки стали мокрыми. Он понял, что сотрясается от рыданий. Кэти подняла руку, словно хотела приласкать его, но, видимо, передумала. Питер плакал несколько минут. Одна крупная слеза упала на обложку книги о Спенсере и впиталась в переплет.

Питер хотел остановиться, но не мог. Слезы все текли и текли. У него теперь текло из носа; он резко втягивал воздух в промежутках между судорожными вздрагиваниями, извергающими из него новые потоки слез. Наконец он смог выдавить из себя несколько неуверенных тихих слов.

— Ты сделала мне больно. — Вот и все, что он смог вымолвить.

Кэти кусала нижнюю губу, стараясь не расплакаться.

— Я знаю, — кивнула она.

ГЛАВА 7

— Здравствуйте, — сказала стройная негритянка. — Добро пожаловать в Ассоциацию помощи семьям. Меня зовут Дэнита Крюсон. Как вы хотите, чтобы я вас называла — Кэтрин или Кэти? — Ее волосы были коротко острижены, на ней был бежевый жакет, в тон ему юбка и пара простеньких золотых украшений — идеальный образ современной деловой женщины.

И все же Кэти была немного ошарашена. Дэните Крюсон на вид было не больше двадцати четырех лет. Кэти думала, что психолог-консультант будет старым и бесконечно мудрым, а тут какая-то девчонка на семнадцать лет моложе нее. Впрочем, сойдет и она.

— Спасибо, что смогли принять меня так быстро.

— Это в порядке вещей, Кэти. Вы заполнили анкету?

Кэти протянула ей дощечку с закрепленным на ней листком бумаги.

— Да. С деньгами все нормально, я могу заплатить полный гонорар.

Дэнита улыбнулась, словно ей не часто приходилось это слышать.

— Чудесно. — Когда она улыбнулась, в уголках ее глаз не появилось ни единой морщинки, чему Кэти очень позавидовала. — Ну так в чем же заключается ваша проблема?

Кэти постаралась взять себя в руки. Уже много месяцев она жила с мучительным ощущением вины. Боже, подумала она, как я могла быть такой дурой? Но почему-то, пока она не увидела своими глазами, как Питер плачет, ей не пришло в голову прибегнуть к профессиональной помощи. Она не вынесет, если снова причинит ему подобную боль. Кэти сложила руки на коленях и очень медленно произнесла:

— Я обманывала своего мужа.

— Так, так, — протянула Дэнита. В ее тоне звучал лишь профессиональный интерес. — Он знает об этом?

— Да. Я сказала ему. — Кэти вздохнула. — Это оказалось самым трудным из того, что мне когда-либо приходилось делать.

— И как он это воспринял?

— Он был просто раздавлен. Я никогда не видела его в таком состоянии.

— Он рассердился?

— Да, он был просто в бешенстве, но в то же время очень расстроен.

— Он вас ударил?

— Что? Нет. Нет, он совсем не похож на домашнего скандалиста, вовсе нет.

— Ни физически, ни словесно?

— Конечно. Он всегда был очень добр ко мне.

— И все же вы ему изменили.

— Да.

— Почему?

— Я не знаю.

— Теперь, когда вы во всем признались, — спросила Дэнита, — как вы себя чувствуете?

Кэти немного подумала, потом слегка пожала плечами:

— Лучше. Хуже. Я не знаю.

— Вы ожидали, что муж вас простит?

— Нет, — немедленно отозвалась Кэти. — Нет, доверие очень важно для Питера — и для меня. Я... я думала, что наш брак на этом закончится.

— Так и вышло?

Кэти смотрела в окно.

— Я не знаю.

— А вам бы хотелось, чтобы он закончился?

— Нет — ни в коем случае. Но... но я хочу, чтобы Питер был счастлив. Он заслуживает лучшего.

Дэнита кивнула:

— Он говорил вам это?

— Нет, конечно, нет. Но это правда.

— Правда, что он заслуживает лучшего?

Кэти кивнула.

— Вы мне кажетесь вполне приличным человеком. Почему вы так говорите?

Кэти молчала.

Дэнита откинулась на спинку кресла.

— У вас с мужем всегда были хорошие отношения?

— О да.

— И никогда не было ссор или размолвок?

— Нет — ну, однажды у нас произошел разрыв, давно, еще до того, как мы поженились.

— Да? И по какой причине?

Кэти чуть пожала плечами:

— Я точно не знаю. Мы встречались уже около года, еще когда учились в университете. Затем в один прекрасный день я просто порвала с ним.

— И вы не знаете почему?

Кэти снова посмотрела в окно, словно черпала силы в солнечном свете. Она закрыла глаза.

— Наверно... я не знаю, может быть, я просто не могла поверить, что кто-то может любить меня так беззаветно.

— И поэтому вы оттолкнули его?

Она нехотя кивнула:

— Пожалуй, да.

— А может быть, вы и сейчас пытаетесь его оттолкнуть? Для этого вы и пошли на эту измену, Кэти?

— Может быть, — неохотно согласилась Кэти. — Может быть.

Дэнита слегка наклонилась вперед.

— А почему вы думаете, что никто не может вас любить? — спросила она.

— Я не знаю, то есть я хочу сказать, конечно, Питер любит меня. Мы очень долго прожили вместе, и это была единственная абсолютно неизменная вещь в моей жизни. Я это знаю. И все же даже после стольких лет мне трудно в это поверить.

— Почему?

Едва заметное пожатие плечами.

— Из-за того, что я собой представляю.

— И что вы собой представляете?

— Я... я никто. Ничего особенного.

Дэнита постучала пальцами по столу.

— Похоже, вы не очень-то уверены в себе.

Кэти немного подумала.

— Пожалуй, да.

— Но вы сказали, что учились в университете?

— О да. И попала в список лучших студентов.

— А ваша работа — вы с ней справляетесь?

— Пожалуй. Мне несколько раз повышали жалованье. Но это несложная работа.

— И все же выходит, что все эти годы вы прекрасно справлялись со всеми своими обязанностями.

— Вроде да, — согласилась Кэти. — Но все это несущественно.

Дэнита удивленно подняла брови.

— А что же тогда, по-вашему, существенно?

— Я не знаю. Что-нибудь, что люди признают.

— Какие именно люди признают?

— Просто люди.

— А ваш муж — если я правильно поняла, его зовут Питер? Питер обращает внимание на ваши успехи?

— О да. У меня хобби — художественная керамика. Видели бы вы, как он восторгался, когда в прошлом году я выставляла свои работы в небольшой художественной галерее. Он всегда был такой, поддерживал меня — прямо с самого начала нашего знакомства. Когда я с отличием окончила университет, он устроил для меня вечеринку-сюрприз.

— А вы гордились собой?

— Я была рада, что университет наконец окончен.

— А родители вами гордились?

— Пожалуй.

— Мать, например?

— Да. Да, наверно. Она пришла на церемонию вручения дипломов.

— А как насчет отца?

— Нет, он при этом не присутствовал.

— Он вами гордился?

Короткий, резкий смешок.

— Скажите, Кэти: отец гордился вами?

— Конечно. — Что-то напряженное появилось в ее тоне.

— В самом деле?

— Я не знаю.

— Почему не знаете?

— Он никогда этого не говорил.

— Никогда?

— Мой отец — человек... сдержанный.

— И это беспокоило вас, Кэти?

Кэти подняла брови:

— Честно?

— Конечно.

— Да, это меня сильно беспокоило. — Она старалась сохранить спокойствие, но в голосе

прорывалось волнение. — Меня это ужасно мучило. Что бы я ни сделала, он никогда меня не хвалил. Если я приносила домой табель с пятью «отлично» и одним «хорошо», он говорил только об этом «хорошо». Он ни разу не пришел в школу посмотреть, как я играю в школьном оркестре. Даже сейчас он считает мои занятия керамикой глупостью. И он никогда...

— Что никогда?

— Ничего.

— Пожалуйста, Кэти, скажите, о чем вы подумали.

— Он ни разу не сказал, что любит меня. Он даже поздравительные открытки на день рождения — открытки, которые за него выбирала мама, — подписывал «Папа». Не «С любовью, папа», а просто «Папа».

— Мне очень жаль, — сочувственно сказала Дэнита.

— Я изо всех сил старалась ему понравиться. Делала все, чтобы он мог гордиться мной. Но что бы я ни делала, он просто не замечал меня, как будто я вообще не существую.

— Вы когда-нибудь говорили об этом с отцом?

Кэти издала странный гортанный звук.

— Я вообще никогда ни о чем не говорила со

своим отцом.

— Я уверена, что он не хотел сделать вам больно.

— Но он все же сделал мне больно. А теперь я сделала больно Питеру.

Дэнита кивнула:

— Вы сказали, что не верите, что кто-то может любить вас беззаветно.

Кэти кивнула.

— Это потому, что вам всегда не хватало отцовской любви?

— Наверно.

— Но вы считаете, что Питер очень любит вас?

— Вы его просто не знаете, а то вам и в голову бы не пришло задавать подобные вопросы. Его любовь всегда была настолько очевидной.

— Питер говорит вам о своей любви?

— О да. Не каждый день, конечно, но довольно часто.

Дэнита вновь откинулась на спинку кресла.

— Вероятно, проблемы с Питером — следствие ваших взаимоотношений с отцом. В глубине души вы не надеетесь быть любимой, потому что ваш отец подорвал в вас самоуважение. Когда появился Питер, который действительно вас полюбил, вы не смогли в это поверить и попыта-

лись — и все еще пытаетесь — оттолкнуть его.

Кэти сидела в каком-то оцепенении.

— Это случается довольно часто. Низкая самооценка даже в наше время все еще остается большой проблемой среди женщин.

Все еще в оцепенении, Кэти лишь нервно покусывала нижнюю губу.

— Вам нужно осознать, что вы вовсе не ничтожество, Кэти. Нужно признать собственную ценность, все те чудесные качества, которые видит в вас Питер. Питер ведь не унижает вас, верно?

— Нет. Никогда. Как я уже говорила, он всегда меня поддерживает.

— Простите, что я снова об этом спросила. Просто женщины часто выходят замуж за мужчин, похожих на своих отцов, так же как мужчины часто женятся на женщинах, похожих на своих матерей. Так что Питер не похож на вашего отца?

— Нет, ни капельки. Но тогда именно Питер добивался меня. Я не знаю, какого мужчину я искала. Я даже не уверена, что вообще искала какого-либо мужчину. Я думаю... я думаю, мне лучше было бы оставаться одной.

— А как насчет мужчины, с которым у вас бы-

ла связь? Он был мужчина того типа, какой вы искали?

Кэти фыркнула:

— Нет.

— У вас возникло чувство привязанности к нему?

— О, Ханс был привлекателен, пухленький такой, как поросеночек. И было что-то обезоруживающее в его улыбке. Но я не бегала за ним.

— Он хорошо с вами обращался?

— Он умел любезничать с женщинами, но сразу было видно, что его комплименты — только слова.

— И все же это сработало.

Кэти вздохнула:

— Он был настойчив.

— Этот Ханс не напоминал вашего отца?

— Нет, конечно, нет, — поспешно отозвалась Кэти, но затем задумалась. — Ну, пожалуй, у них было кое-что общее. Питер сказал бы, что оба они тупые мужланы.

— А во время вашей связи как к вам относился Ханс?

— Он вел себя ужасно. Под конец он игнорировал меня неделями, пока, видимо, крутил с кем-то еще.

— Но когда он возвращался к вам, вы не отказывались.

Она вздохнула:

— Я знаю, что вела себя как последняя идиотка.

— Никто не собирается вас осуждать, Кэти. Я просто стараюсь понять, что происходило между вами. Почему вы продолжали возвращаться к Хансу?

— Я не знаю. Может быть...

— Да?

— Может быть, мне просто казалось, что большего я не заслуживаю.

— Потому что он относился к вам ужасно.

— Пожалуй.

— Потому что он обращался с вами, как ваш отец.

Кэти кивнула.

— Нам надо что-то делать с вашей самооценкой, Кэти. Нужно, чтобы вы поняли: вы заслуживаете уважения.

Кэти сказала очень тихо:

— Но я не...

Дэнита медленно, со свистом выдохнула:

— Теперь ясно, чем мы должны заняться.

Позже, уже вечером, Питер и Кэти сидели в

гостиной, Питер на диване, а Кэти в одиночестве в кресле на двоих на другом конце комнаты.

Питер не знал, как жить дальше, что ожидает их в будущем, но все же пытался справиться с этой ситуацией. Он всегда старался быть хорошим мужем, всегда проявлял искренний интерес к ее работе. Вот и сейчас, рассудив, что не стоит ничего менять, он спросил, как часто делал это прежде:

— Как тебе сегодня работалось?

Кэти отложила свой экран для чтения.

— Отлично. — Она помолчала. — Тоби принес свежей клубники.

Питер кивнул.

— Но, — сказала она, — я сегодня ушла рано.

— Да?

— Я... ходила к консультанту.

Питер удивился:

— Ты хочешь сказать, к какому-нибудь психоаналитику?

— Вроде этого. Она работает в Ассоциации помощи семьям. Я нашла эту организацию по электронному справочнику.

— Консультант... — повторил Питер, вдумываясь в значение этого слова. Интересно. Он посмотрел ей в глаза. — Я бы сходил с тобой, если

бы ты меня попросила.

Она улыбнулась мимолетной, нетеплой улыбкой:

— Я знаю, что ты бы сходил. Но мне, хм, нужно было кое в чем разобраться самой.

— И как это получилось?

Она опустила глаза.

— Кажется, нормально.

— Да? — Питер наклонился вперед, явно заинтересованный.

— Хотя я была несколько обескуражена. — Кэти подняла глаза. Говорила она едва слышно. — Как ты считаешь, у меня заниженная самооценка?

Питер немного помолчал.

— Ну, хм, я всегда думал, что ты недооцениваешь себя. — Он чувствовал, что более определенно высказываться не следует.

Кэти кивнула.

— Дэнита — мой консультант — думает, что это связано с моими взаимоотношениями с отцом.

Первое, что пришло Питеру в голову, — ехидное замечание о фрейдистах. Но затем до него дошло, что все это достаточно серьезно.

— Она права, — сказал Питер, нахмурившись. — Я как-то не подумал об этом раньше, но, конечно, она права. Род обращается с тобой и твоей

сестрой по-свински. Как будто вы какие-то нахлебницы, а не его дочери.

— Марисса тоже ходит к психоаналитику, ты же знаешь.

Питер не знал об этом, но кивнул:

— Очень даже вероятно. Боже, как можно было научиться уважать себя, живя в подобной семье? А твоя мать... — Питер увидел, как Кэти изменилась в лице, и оборвал себя. — Прости, как бы я хорошо к ней ни относился, но Банни не... ну, скажем, в двадцать первом веке она далеко не идеальный образец для подражания. Занимается всю жизнь только домашним хозяйством, и похоже, твой отец обращается с ней не намного лучше, чем с тобой и твоей сестрой.

Кэти промолчала.

Все теперь стало понятно, все-все.

— Черт бы его побрал, — воскликнул Питер и вскочил, внезапно начав нервно расхаживать по комнате. Он остановился и посмотрел на картину Алекса Колвилла, висящую над диваном. — Будь он проклят.

ГЛАВА 8

По вторникам Питер и Саркар обычно ужинали вместе. Жена Саркара Рахима ходила на какие-то курсы, а Питер и Кэти всегда давали друг другу возможность заниматься своими собственными делами и увлечениями. В этот вечер Питер чувствовал себя свободнее. Он решил не обсуждать с Саркаром измену Кэти. Они обменялись семейными новостями, поговорили о международной политике, о великолепной игре «Голубых соек» и о бледной — «Листьев». Наконец Питер посмотрел другу в лицо и, откашлявшись, спросил:

— Что ты знаешь об околосмертных переживаниях?

В этот вечер Саркар ел чечевичную похлебку.

— Все это чушь.

— Я думал, ты веришь в подобные вещи.

На лице Саркара появилось обиженное выражение.

— То, что я религиозен, вовсе не значит, что я идиот.

— Прости. Но я недавно беседовал с одной женщиной, у которой были околосмертные пе-

реживания. Она, несомненно, убеждена в их реальности.

— У нее были классические симптомы? Она видела свое тело как бы извне? Туннель? Яркий свет? Просмотр сцен своей жизни? Ощущение покоя? Встречи с умершими близкими?

— Да.

Саркар кивнул:

— Лишь взятые в совокупности, ОСП — околосмертные переживания — выглядят необъяснимыми. Их отдельные составляющие понять нетрудно. Сделай, например, вот что: закрой глаза и представь себя за вчерашним ужином.

Питер закрыл глаза.

— Представил.

— Что ты видишь?

— Я вижу себя и Кэти в ресторане «Оливковая роща».

— Ты когда-нибудь ешь дома?

— Ну, не часто, — признался Питер.

— ДДБД, — заметил Саркар, покачав головой. Двойной доход, без детей. — Ну, это не важно, пойми, ты только что сказал: ты увидел себя и Кэти.

— Совершенно верно.

— Ты видишь сам себя. Картина, которую ты себе представляешь, видится тебе как бы со

стороны, из точки вне твоего тела. Из той точки, где находятся твои глаза, когда ты сидишь. Где-нибудь в полутора метрах от пола она будет выглядеть совсем иначе.

— Ну, пожалуй, так и есть.

— Большая часть человеческих воспоминаний и мысленных образов представляется как бы «вне тела». Так работает наше сознание и когда мы вспоминаем реальные события, и когда фантазируем. В этом нет ничего мистического.

Питер заказал в этот вечер еще один «набор для сердечного приступа». Он по-другому переложил ломтики копченого мяса на куске ржаного хлеба.

— Но люди утверждают, что они видели вещи, которые они просто не могли бы увидеть в нормальных условиях, например, название фирмы-изготовителя на верхней крышке светильника над своей больничной койкой.

Саркар кивнул:

— Да, сейчас появилась масса подобных рассказов, но они не бесспорны и, как правило, не выдерживают тщательного анализа. В одном из них, например, фигурировал человек, который работал в фирме, производящей осветительное оборудование для больниц: он узнал лампу, вы-

пускающуюся конкурирующей фирмой. Все эти люди, как правило, уже бывали в тех местах, которые они описывают; у них была уйма времени уточнить все детали. К тому же очень часто такую информацию либо невозможно проверить, например: «Я видел муху, сидящую на крышке рентгеновского аппарата»; либо она просто ошибочна, например: «Там был кран на верхней панели дыхательного устройства», хотя на самом деле никакого крана не было.

— В самом деле?

— Да, — подтвердил Саркар. Он улыбнулся. — Я знаю, что подарить тебе в этом году на Рождество: подписку на «Скептический исследователь».

— Что это такое?

— Это журнал, выпускаемый Комитетом по научной проверке заявлений о паранормальных явлениях. Они то и дело разоблачают подобные сенсации.

— Хм-м. А как насчет туннеля?

— У тебя когда-нибудь бывала мигрень?

— Нет. Но моего отца раньше это очень мучило.

— Спроси у него. Туннельное видение часто возникает при сильных головных болях, кислородной недостаточности и многих других

патологических состояниях.

— Наверно. Но я слышал, что этот туннель, возможно, является воспоминанием о родовом канале.

Саркар возмущенно помахал суповой ложкой.

— Спроси любую женщину, которая рожала, похож ли хотя бы отдаленно родовой канал на туннель с широким отверстием и ярким светом в конце. Ребенок окружен сокращающимися мышечными стенками; там нет никакого туннеля. К тому же люди, появившиеся на свет с помощью кесарева сечения, утверждали, что при ОСП тоже видели туннель, так что это не может быть каким-либо реальным воспоминанием.

— Хм-м. А что ты скажешь о ярком свете в конце туннеля?

— Нехватка кислорода вызывает гиперстимуляцию зрительной коры. В обычных условиях большинство нейронов этого участка коры не испускает импульсов. Когда уровень кислорода падает, то первое, что перестает функционировать, это тормозящие нейромедиаторы. В результате возникает ощущение яркого света.

— А поток воспоминаний о прожитой жизни?

— Ты разве не посещал семинар в Монреальском неврологическом институте?

— Хм-м... да.

— А кто самый известный ученый в этом институте?

— Уайлдер Пенфилд, я полагаю.

— Ты правильно полагаешь, — подтвердил Саркар. — Во всяком случае, это он красуется на почтовой марке. Да, Пенфилд, который сделал работу по прямой стимуляции мозга. Он обнаружил, что нетрудно вызвать яркие воспоминания о давно забытых событиях. И опять же, в условиях кислородной недостаточности мозг более активен, чем в норме, из-за нехватки ингибиторов. Так что затопление мозга образами из прошлого вполне естественно.

— А ощущение покоя?

— Природные эндорфины, конечно.

— М-да... А как насчет видения давно умерших друзей? Женщина, с которой я беседовал, видела свою умершую вскоре после рождения сестру-близнеца, Мэри.

— Она видела младенца?

— Нет, она как будто смотрела на саму себя.

— Мозг неглуп, — заметил Саркар. — Он знает, когда смерть близка. Это, естественно, наводит на мысли о тех, кто уже умер. Тут есть, однако, один крутой момент: были случаи с маленькими

детьми, испытавшими околосмертные переживания. Ты знаешь, чьи видения им являлись?

Питер покачал головой.

— Их родителей или товарищей по играм. Людей, которые еще живы. Дети не знают никого, кто уже умер. Если бы ОСП действительно были окном в какую-то загробную жизнь, они бы не видели там людей, которые еще живы.

— Хм, — неопределенно промычал Питер. — Ты знаешь, та женщина, которая видела свою сестру Мэри, испытала ОСП во время телефонного разговора с приятельницей — тоже Мэри.

Саркар выглядел триумфатором.

— Сила внушения. Это все просто нормальные, объяснимые мозговые явления. — Подошел официант со счетом. Саркар взглянул на сумму. — Моя вера учит, что мы действительно продолжаем существовать и после смерти, но ОСП не имеют ничего общего с загробной жизнью. Если ты хочешь узнать, на что похожа жизнь после жизни, я дам тебе экземпляр Корана.

Питер полез за бумажником, чтобы заплатить свою половину счета.

— Наверное, не стоит.

ГЛАВА 9

Питер Хобсон очень любил свою свояченицу Мариссу. В 2004 году ее первый ребенок умер от синдрома внезапной смерти новорожденных: малышка, прожив всего трое суток, просто перестала дышать без всяких видимых признаков недомогания. Марисса и ее бывший муж пользовались обычным в те времена устройством наблюдения за новорожденными: микрофоном, передающим все звуки, издаваемые младенцем, на приемник, который они носили с собой по дому.

Но маленькая Аманда умерла тихо.

Когда годом позже Марисса родила второго ребенка, она буквально ни на шаг не отходила от его колыбели. Днем и ночью в течение нескольких месяцев она не спускала с него глаз. Умом она понимала, что такие внезапные смерти младенцев — чистая случайность, но все равно винила себя — если бы она тогда была рядом с Амандой, может быть, ребенка удалось бы спасти.

В то время Питер работал над проектами бесконтактных медицинских приборов. Поскольку

СПИД продолжал свирепствовать по всему свету, был очень большой спрос на устройства, не приходящие в соприкосновение с телом больного. Дистанционные электрокардиографы было довольно просто разработать, пользуясь рассекреченными чувствительными устройствами, предназначенными для шпионажа. А регистрация активности мозга и так обычно проводилась бесконтактно — электродами, отделенными от мозга всей толщей черепа и скальпа. В конце концов Питер нашел способ обнаруживать следы мозговой активности на большом расстоянии с помощью луча маломощного инфракрасного лазера.

Вот так возник хобсоновский детский монитор — устройство, которое могло передавать информацию о состоянии младенца, находящегося даже в соседней комнате. Он подарил прототип прибора Мариссе и ее мужу. Наконец-то супруги могли спокойно вздохнуть. Встроенные индикаторы тревоги немедленно срабатывали, если их младенцу вдруг становилось плохо. Они были в восторге от этого прибора. Тогда же по настоянию Кэти Питер ушел с работы в Центральном госпитале Восточного Йорка и открыл небольшую фирму для продажи своих детских мониторов.

А затем однажды утром Питер лежал в кровати рядом с женой. Ему захотелось помочиться. Часы показывали без четверти семь. Будильник должен был прозвонить ровно в семь. Питер понимал, что если он сейчас встанет, то рискует разбудить Кэти, лишив ее последних минут сна.

Поэтому Питер продолжал лежать и терпеть. Хорошо бы знать, крепко ли она спит. Может быть, она уже проснулась, только глаз не открывает.

И тут его озарило — совершенно новый способ использования его технологии присмотра за младенцами. Готовое устройство во всех деталях возникло перед его умственным взором. Панель на стене напротив изголовья, с двумя группами индикаторов, по одной на каждого из спящих в этой кровати. В каждой группе будет один большой светящийся индикатор и один маленький. Большой будет показывать глубину сна в данный момент, а маленький — в какую фазу сна этот человек вскоре вступит. Тут будет также числовой индикатор, указывающий, через какое время этот переход произойдет: достаточно будет нескольких ночей наблюдения, и прибор запомнит индивидуальные циклы сна для каждого наблюдаемого.

Эти светящиеся индикаторы будут менять свой цвет: белый будет означать, что человек бодрствует, красный — что он спит неглубоко и наверняка будет разбужен любым движением или шумом. Желтый покажет не очень глубокий сон, но если соблюдать осторожность, можно встать и отправиться в ванную, или пойти прокашляться, или вообще кому куда нравится, не потревожив при этом партнера. Зеленый будет означать, что человек крепко спит и вы можете хоть плясать в постели, не рискуя разбудить его или ее.

Эти данные легко сможет считать кто угодно. Большой желтый знак и маленький зеленый, а также 07 на цифровом табло скажут: если вы встанете сейчас, то можете разбудить вашего партнера, но, если потерпите семь минут, он будет крепко спать и тогда можно будет спокойно выбраться из постели.

Когда давление в мочевом пузыре вызвало у Питера типичную для раннего утра эрекцию, у него вдруг возникла еще одна идея. Он часто просыпался в возбуждении в два или три часа ночи и гадал, спит ли жена. Если бы она не спала, они могли заняться любовью, но Питер и думать не смел разбудить ее ради этого. А вот если бы

монитор показывал белый сигнал для них обоих, тогда то, что началось как хобсоновский детский монитор, превратилось бы со временем в устройство, благодаря которому будет зачато много новых детей.

Вскоре Питер усовершенствовал свою систему. Все телефоны в доме Хобсонов были теперь подключены к хобсоновскому монитору, а оттуда к домашнему компьютеру. Будут ли телефоны звонить или лишь сигнализировать о поступающих вызовах мигающими лампочками, зависело теперь от того, спали ли Питер и Кэти и насколько крепко.

Ночью, в три часа семнадцать минут, был зарегистрирован телефонный звонок. Питер только что проснулся и теперь спешил в ванную комнату, где был маленький телефон без видеоэкрана. Когда он вошел, его индикатор начал мигать. Питер закрыл дверь, сел на унитаз и взял трубку.

— Алло, — сказал он слабым и сиплым голосом.

— Доктор Хобсон? — спросил мужской голос.

— Да, это я.

— Это Сепп ван дер Линде из Карлсоновского центра для хронических больных — старший дежурный ночной смены.

— Да? — Питер взял стакан и наполнил его из-под крана.

— Мне кажется, миссис Феннелл скончается сегодня ночью. У нее был еще один инсульт.

Питер почувствовал, как в сердце что-то кольнуло.

— Спасибо, что сообщили. Мое оборудование все еще подключено?

— Да, сэр, оно на месте, но...

Он усилием воли подавил зевоту.

— Тогда я приеду утром, чтобы забрать диск с данными.

— Но, мистер Хобсон, она просила вас приехать.

— Меня? — удивился Питер.

— Она сказала, что вы ее единственный друг.

— Я еду.

Питер подъехал к корпусу для хроников примерно в четыре утра. Он предъявил пропуск охраннику и поднялся в лифте на третий этаж. Дверь в палату миссис Феннелл была открыта. Прямо над ее головой горела лампа накаливания, хотя основное люминесцентное освещение под потолком было выключено. Ряд из четырех зеленых индикаторов освещал пространство рядом с кроватью, показывая, что его прибор работает

исправно. Нянечка со скучающим видом сидела на стуле рядом с кроватью.

— Я Питер Хобсон, — представился он. — Как она?

Миссис Феннелл слегка шевельнулась.

— Питер, — позвала она, но потребовавшееся для того, чтобы произнести лишь эти два слога, усилие, кажется, заметно утомило ее.

Нянечка встала и подошла к Питеру.

— У нее был удар около часа назад, и доктор Чон ожидает, что скоро будет еще один; в сосудах мозга есть несколько кровяных сгустков. Ей предложили обезболивающий укол, но она отказалась.

Питер подошел к своему записывающему устройству и включил экран, который немедленно ожил. Ряд зазубренных линий прочертил его слева направо.

— Спасибо, — сказал он. — Я останусь с ней. Если хотите, вы можете идти.

Нянечка кивнула и вышла. Питер сел на стул. Так как на нем только что сидели, его виниловая спинка была еще теплой. Он взял миссис Феннелл за руку. В ее тыльную часть был вставлен катетер, соединенный трубкой с капельницей, стоявшей как раз за его спиной. Ее ладонь была очень худой,

хрупкие косточки, обтянутые прозрачной кожей. Питер слегка сжал пальцы миссис Феннелл, и в ответ ощутил едва заметное пожатие.

— Я останусь с вами, миссис Феннелл. — Питер склонился над кроватью.

— П... П...

Питер улыбнулся:

— Верно, миссис Феннелл, это я, Питер.

Она покачала головой едва заметно.

— П... П... — сказала она опять и затем, с большим усилием, — Пег...

— Ох, простите, конечно же, — спохватился Питер. — Я останусь с вами, Пегги.

Старуха с трудом улыбнулась, рот казался на ее лице еще одной большой морщиной. Затем внезапно, без каких-либо предупреждений, ее пальцы в руке Питера обмякли и веки очень медленно опустились. На мониторе зеленые зигзаги превратились в ряд совершенно ровных прямых линий. Через несколько минут Питер убрал свою руку, несколько раз медленно моргнул и пошел искать нянечку.

ГЛАВА 10

Покинув корпус хроников, Питер взял записи супер-ЭЭГ с собой. Когда он добрался до дома, Кэти уже собиралась на работу. Она завтракала, грызя ломтик сухого тоста и потягивая кофе. Питер перед уходом оставил сообщение на домашнем компьютере, так что она знала, где он был этой ночью.

— Как все прошло? — поинтересовалась она.

— Я получил запись, — нехотя ответил Питер.

— Что-то у тебя не очень веселый вид.

— Еще бы, ведь умерла одна очень хорошая женщина.

Кэти, кажется, поняла его чувства. Она кивнула.

— Я совершенно измотан, — пожаловался Питер. — Пойду прилягу. — Он быстро поцеловал ее и отправился спать.

Часа четыре спустя Питер проснулся с головной болью. Однако он заставил себя пойти в ванную, побрился и принял душ. Затем наполнил большой термос диетической колой, взял диск с данными и пошел к себе в кабинет.

Его домашняя рабочая станция была более мощной, чем тот здоровенный компьютер, к которому у него был доступ в режиме разделения времени, когда он учился в университете. Он включил систему, вставил диск в дисковод и включил настенный экран на противоположном конце комнаты. Питер хотел увидеть момент, когда последний нейрон испустил свою последнюю серию импульсов, тот момент, когда был установлен последний синаптический контакт. Момент смерти.

Он выбрал графический режим и проиграл несколько секунд записи, заставив компьютер показывать каждую точку, в которой сигналил хоть один нейрон. Как он и ожидал, изображение на экране воспроизводило силуэт человеческого мозга. Питер воспользовался программой оконтуривания и вычертил границы мозга миссис Феннелл. Данных было достаточно, чтобы сгенерировать трехмерный образ. Питер стал поворачивать его, пока перед ним не очутилась фронтальная проекция силуэта мозга, как если бы он смотрел прямо в глазные нервы покойной миссис Феннелл.

Он проигрывал запись в реальном времени. Компьютер искал характерные закономерности

в последовательностях импульсов, испускаемых отдельными нейронами. Каждая связанная серия, появлявшаяся лишь один раз, кодировалась красным цветом; если серия повторялась, то соответствующие нейроны отмечались на экране оранжевым; троекратно повторенным последовательностям соответствовал желтый цвет, и так далее по всем семи цветам спектра. Изображение мозга почти всюду было белым: результат наложения крохотных точек разного цвета. Питер время от времени рассматривал отдельные участки при большем увеличении, и тогда они выглядели как мозаика разноцветных лампочек.

Глядя на эту картину, он смог увидеть тот инсульт, который поставил точку в жизни Пегги Феннелл. Схема цветового кодирования обновлялась каждую десятую секунды, но вскоре темное пятно начало разрастаться в ее левой височной области, чуть пониже теллурической борозды. За этим последовало возрастание активности, и весь мозг становился все ярче и ярче, так как нарушение торможения заставляло нейроны увеличивать скорость испускания сигналов. Через несколько секунд сложная структура пурпурных огоньков была видна по всему мозгу, целые набо-

ры нейронных сетей возбуждались и испускали одни и те же последовательности импульсов раз за разом по мере того, как мозг охватывала спазматическая активность. Затем эти сети начали бледнеть, а новые сети их не заменяли. После девяноста лет работы мозг Пегги Феннелл умирал.

Питер надеялся, что сможет оставаться бесстрастным наблюдателем. В конце-то концов, это были всего лишь результаты исследований. Но это также была Пегги — храбрая и веселая женщина, которая однажды уже смотрела в лицо смерти и победила ее, та женщина, которая держала его за руку, покидая эту жизнь.

Данные продолжали воспроизводиться на экране, и вскоре там осталось лишь несколько мерцающих огоньков, напоминающих созвездия в туманную ночь. Полное прекращение активности мозга произошло без какого-либо явного характерного всплеска. Ни грома. Ни шепота. Просто ничего.

Кроме...

Что это там такое?

Крохотное пятнышко на экране.

Питер прокрутил запись немного назад, а затем снова пустил ее на значительно меньшей скорости.

Это была небольшая конфигурация пурпурных огоньков — устойчивая конфигурация, конфигурация, которая повторялась снова и снова.

К тому же она перемещалась.

Нейроны, разумеется, двигаться не могут. Они являются физическими телами. Но прибор вновь и вновь регистрировал одну и ту же конфигурацию — она каждый раз лишь немного смещалась вправо. Прибор допускал такие перемещения: нейроны не всегда испускают одинаковые импульсы, а мозг достаточно упруг, чтобы движения головы и пульсация крови могли слегка изменить физические координаты нейрона. Эта конфигурация, перемещающаяся по экрану, должно быть, очень медленно распространялась от одного нейрона к другому, поэтому прибор ошибочно принял индивидуальные смещения за активность внутри тех же нейронов. Питер посмотрел на масштабную линейку внизу экрана. Эта фиолетовая конфигурация, сложное переплетение, похожее на кишки, сделанные из неоновых трубок, сдвинулась уже на пять миллиметров, намного дальше, чем это было возможно для отдельного нейрона внутри мозга, разве что в случае сильного удара по голове — чего Пегги Феннелл уж точно не получала. Питер

изменил настройку. Скорость прокрутки возросла. Никаких сомнений не осталось: сплетение фиолетовых булавок смещалось вправо почти прямолинейно. Оно немного поворачивалось по мере движения, как уносимое ветром по пустыне перекати-поле. Питер смотрел на это разинув рот. Оно продолжало двигаться в другое полушарие, пересекая мозолистое тело, мимо гипоталамуса, а затем направилось в правую височную долю.

Все части мозга в нормальном состоянии изолированы друг от друга, и те виды электрических волн, которые характерны, скажем, для коры головного мозга, совершенно несвойственны мозжечку, и наоборот. Но этот плотный сгусток пурпурного света перемещался раз за разом, не меняя своей формы, из одной структуры в другую.

Неисправность аппаратуры, подумал Питер. Ну разумеется. Ничто никогда не работает с первого раза так, как надо.

Вот только...

Вот только Питер не мог представить себе никакой неисправности, которая могла бы вызвать подобного рода нарушение нормальной работы.

А эта конфигурация все продолжала ползти по экрану.

Питер попытался придумать иное объяснение Мог ли электростатический разряд, скажем, вызванный трением волос Пегги о подушку, создать такой эффект? Разумеется, больничные подушки делают антистатическими, именно для того, чтобы не создавать помех высокочувствительной регистрирующей аппаратуре, а у Пегги волосы были очень жиденькие. Кроме того, у нее на голове была надета его сканирующая шапочка.

Нет, тут должно быть что-то другое.

Конфигурация приблизилась к внешней границе мозга. Питер гадал, рассеется ли она на покрытой бороздами поверхности коры или отскочит обратно, вращаясь внутри головы в противоположном направлении, как пинг-понговый мячик в видеоигре.

Но не произошло ни того, ни другого.

Она достигла границы мозга... и двинулась дальше, прямо через оболочки, окружающие мозг.

Поразительно.

Питер нажал несколько клавиш, наложив экстраполированные очертания головы миссис Феннелл на очертания ее мозга. Он мысленно обругал себя за то, что не сделал этого раньше. Теперь стало совершенно ясно, куда направлялся

световой сгусток.

Прямо к виску.

Прямо к самому тонкому участку ее черепа.

Сгусток света двигался сквозь кость, сквозь тонкий слой мышц, покрывавший череп.

«Наверняка он сейчас рассыплется, — подумал Питер. — Да, конечно, в височной кости есть нервы — вот почему удары в висок так болезненны. Да, в мышечной ткани они тоже есть, в том числе в жевательных мускулах, покрывающих висок. И конечно, нервные окончания имеются в нижних слоях кожи». Даже если эта конфигурация обладает определенной связностью, Питер ожидал увидеть здесь некоторые изменения. Нервы вне самого мозга расположены гораздо менее плотно. Сгусток должен раздуться в размерах, распределившись по точкам более диффузной нервной ткани.

Но этого не случилось. Он продолжал медленно перемещаться, в точности сохраняя свои размеры и поворачиваясь, через мышцы, через кожу и...

Наружу. За пределы сенсорного поля.

Он не рассыпался. Он просто ушел. И он по-прежнему сохранял свою целостность. Эта конфигурация осталась неизменной вплоть до того момента, пока сеть датчиков не потеряла его.

Невероятно, подумал Питер. Просто невероятно.

Он обшарил глазами стену, ища следы других активных нейронных сетей.

Но их не было.

Мозг Пегги Феннелл вырисовывался на экране безупречным силуэтом, лишенным какой-либо электрической активности.

Она была мертва.

Мертва.

И что-то покинуло ее тело.

Что-то покинуло ее мозг.

Питер почувствовал, что голова у него идет кругом.

Этого не могло быть.

Этого не могло быть никогда.

Он прокрутил запись назад и запустил ее снова в другой проекции.

Почему сгусток света перемещался из левого полушария в правое? Противоположный висок ведь был ближе.

Ах да, Пегги ведь лежала в кровати на боку. Ее левый висок был прижат к подушке; а правый оставался свободен. Хотя он был и дальше, он оказался более легким путем для выхода.

Питер проигрывал запись снова и снова. В

других проекциях. При других способах графического отображения. С другими цветовыми кодировками. Все это не имело никакого значения; результат оставался неизменным. Он сопоставил полученные данные с другими важнейшими показателями состояния Пегги — пульсом, дыханием, кровяным давлением. Сгусток света ушел из тела сразу после того, как остановилось сердце, сразу после того, как она испустила последний вздох.

Питер нашел наконец то, что искал: четкий маркер, показывающий, что жизнь уже прекратилась, бесспорный знак, что пациент стал теперь просто мясом, готовым к отбору органов.

Маркер.

Это было не то слово, и он это знал, но сознательно избегал даже думать об этом. И все-таки уже невозможно было отрицать, что его собственные сверхчувствительные приборы уловили уход из тела самой души Пегги Феннелл.

Питер не сомневался, что, если он попросит Саркара немедленно прийти, тот ему не откажет. Саркар наконец пришел. Питер не мог скрыть своего возбуждения. Безуспешно пытаясь согнать с лица торжествующую улыбку, он потащил Саркара в свой рабочий кабинет и запустил еще раз

запись смерти Пегги Феннелл.

— Ты это подстроил, — не поверил Саркар.

— Ничего подобного.

— Ну же, не заливай, Питер.

— Честное слово. Я даже не обрабатывал данные. Ты видел в точности то, что случилось на самом деле.

— Покажи еще раз последний кусок, — попросил Саркар. — Со стократным замедлением.

Питер коснулся клавиш.

— Сабханалла, — воскликнул Саркар. — Это невероятно.

— Это уж точно.

— Ты ведь знаешь, что это было, правда? — сказал Саркар. — Прямо здесь, в четких картинках. Это ее нафс — ее душа — покидает тело.

Питеру не понравилось, когда его затаенную мысль высказали вслух. Он даже сам этому удивился.

— Я так и знал, что ты это скажешь.

— У тебя есть какое-то другое объяснение? — спросил Саркар.

— Я не знаю.

— Вот именно, — назидательно заметил Саркар. — Это единственная приемлемая гипотеза. Ты уже рассказывал об этом кому-нибудь?

— Нет.

— Хотел бы я знать, как ты собираешься объявить о подобной штуке? В медицинском журнале? Или сразу позвонишь в газеты?

— Не знаю. Собственно, я еще об этом не думал. Наверно, созову пресс-конференцию.

— Вспомни о Флейшмане и Понсе, — предостерег Саркар.

— Это те парни, что объявили о холодном ядерном синтезе? Да, я помню, они раструбили на весь мир, а потом их закидали тухлыми яйцами. Мне нужно будет получить еще несколько таких записей. Я должен быть уверен, что в конце-то концов это происходит со всеми. Но я не могу тянуть до бесконечности. Кто-нибудь довольно скоро обязательно придет к такому же результату.

— А как насчет патентов?

Питер кивнул:

— Ну, с этим все в порядке. Я уже получил патенты на большую часть технологий, используемых в супер-ЭЭГ, — это, в конце концов, всего лишь дальнейшее развитие мозгового сканера, который мы изготовили для твоей работы по искусственному интеллекту. Я уж точно не собираюсь объявлять о своих выводах, пока весь прибор не будет защищен.

— Когда ты все же о них объявишь, — сказал Саркар, — поднимется страшная шумиха. Это, кажется, на самом деле крутая штука. Ты доказал существование жизни после смерти.

Питер покачал головой:

— Ты выходишь за рамки того, что подтверждается реальными фактами. Маленькое, слабенькое электромагнитное поле покидает тело в момент смерти. Вот и все; нет никаких доказательств, что это поле обладает сознанием или является живым.

— В Коране написано...

— Я не вправе полагаться ни на Коран, ни на Библию, ни на что-либо еще. Связный сгусток энергетического поля переживает смерть тела — вот все, что мы знаем. Долго ли оно сохраняется после того, как покидает тело, и переносит ли какую-либо информацию — совершенно неизвестно, и любая другая интерпретация в данный момент — всего лишь праздные домыслы.

— Не прикидывайся глупцом. Это душа, Питер, и ты сам все прекрасно понимаешь.

— Я не хочу использовать это слово. Не стоит делать преждевременные и тенденциозные выводы.

— Ладно, называй это как знаешь, даже Каспе-

ром Дружелюбным Привидением, если тебе так больше нравится, хотя я бы назвал это физическое явление «душеграммой». Оно существует — и ты не хуже меня понимаешь, что люди с готовностью сочтут его самой настоящей душой, доказательством существования загробной жизни. — Саркар посмотрел другу прямо в глаза. — Это перевернет весь мир.

Питер кивнул. Ему больше нечего было сказать.

ГЛАВА 11

Сентябрь, 2011

Питер не видел Колина Годойо несколько месяцев — с тех пор, как они встретились на семинаре по нанотехнологическому бессмертию. Они никогда не были друзьями — по крайней мере так считал Питер, — но когда Колин позвонил Питеру в офис и пригласил на ленч, что-то, прозвучавшее в его голосе, заставило Питера согласиться. Ленч, в конце концов, не может продолжаться до бесконечности — у Питера в два часа была назначена встреча с важным американским клиентом. Они пошли в маленький ресторанчик в Восточном Шеппарде, с видом на Парк Виктории — в нем клубный сандвич делали, нарезая индюшачью грудку ножом, а не пропуская ее через машинку, а хлеб жарили на гриле, так что на нем оставались коричневые следы от решетки. Питер любил бывать в подобных заведениях. Он никогда не считал себя запоминающейся личностью, но, похоже, в половине ресторанчиков Северного Йорка его считали завсегдатаем, хотя, за исключением заведения Сонни Готлиба, он

заходил в любой из них не чаще одного-двух раз в месяц. Официант принял у Колина заказ на напитки (виски с содовой), а Питеру сказал, что и так знает, что ему нужно (диетическую колу с лимоном, верно?). Когда официант ушел, Питер выжидательно посмотрел на Колина.

— Что нового?

Колин еще больше поседел с тех пор, как Питер видел его в последний раз, но по-прежнему демонстрировал свое богатство, и в этот день на нем было аж целых шесть золотых колец. Его глаза беспокойно бегали.

— Ты, наверно, слышал про меня и Наоми.

Питер покачал головой:

— Слышал что?

— Мы развелись.

— А-а, — протянул Питер. — Сочувствую.

— Я и не представлял себе, как много моих друзей на самом деле были ее друзьями. — Колин тяжело вздохнул. Официант пришел, положил на стол маленькие салфетки и поставил на них напитки. — Я рад, что ты согласился пообедать со мной.

— Нет проблем, — отозвался Питер. Он всегда чувствовал себя неловко в подобных ситуациях. Следует ли ему спросить Колина, что у них пошло

наперекосяк? Питер редко говорил о личных проблемах и вообще не любил ни задавать личных вопросов, ни отвечать на них. — Мне очень жаль, — добавил он. Его набор дежурных фраз подсказывал продолжение: «Вы всегда казались такими счастливыми», но он вовремя прикусил язык — его собственный недавний опыт научил не слишком доверять тому, как люди выглядят со стороны.

— У нас уже довольно давно возникли проблемы, — сообщил Колин.

Питер выжал свой лимон в стакан диетической колы.

— С некоторых пор мы уже не были настроены на одну волну. — Видимо, у Колина тоже был свой набор дежурных фраз. — Мы не разговаривали.

— Вы просто разошлись, как в море корабли, — подхватил Питер, стараясь, чтобы это не прозвучало как вопрос. Он не хотел ничего выпытывать.

— Ага, — подтвердил Колин. Он отхлебнул изрядный глоток из своего бокала, затем поморщился, как будто получил от этого мазохистское удовольствие. — Ага.

— Вы долго прожили вместе, — сказал Питер, снова стараясь, чтобы его интонация оставалась

нейтральной и утверждение не превратилось в вопрос.

— Одиннадцать лет, если считать то время, которое мы прожили вместе до свадьбы, — ответил Колин. Он держал свой бокал обеими руками.

Питера мучило праздное любопытство, кто же кого бросил. Не мое дело, подумал он, а вслух произнес:

— Это действительно немалый срок.

— Я... я виделся кое с кем еще, — продолжал Колин. — С одной женщиной в Монреале. Я ездил туда раз в три недели по делам, на магнитопоезде.

Питер был ошарашен. Неужели в наше время все заводят шашни на стороне?

— О-о, — протянул он, не найдя что сказать.

— Это на самом деле ничего не значило. — Колин небрежно махнул рукой. — Это был просто, ну понимаешь, просто такой своеобразный сигнал Наоми. — Он поднял глаза на Питера. — Крик о помощи, может быть. Ты понимаешь?

«Нет, — подумал Питер. — Нет, не понимаю».

— Просто крик о помощи. Но она пришла в бешенство, когда узнала. Сказала, что это была последняя соломинка. Соломинка, которая сломала спину верблюда. — Несомненно, подумал

Питер, у каждого человека есть свой набор дежурных фраз. — Я не хотел причинить ей боль, но у меня были свои потребности, ты понимаешь. Я не думаю, что ей следовало бросать меня из-за подобной ерунды. — Официант подошел снова, поставив перед Питером клубный сандвич, а перед Колином макароны. — Что ты думаешь? — спросил Колин.

Я думаю, что ты осел, подумал Питер. Я думаю, что ты самый тупой блудливый осел на планете.

— Не повезло, — посочувствовал он, намазывая кусок индейки майонезом. — И в самом деле не повезло.

— Так или иначе, — Колин, видимо, почувствовал, что пора менять тему, — я пригласил тебя на ленч не для того, чтобы говорить о моих семейных проблемах. На самом деле я хотел кое о чем с тобой посоветоваться.

Питер выжидающе посмотрел на него:

— Да?

— Помнишь, вы с Кэти были на семинаре «Неограниченной жизни». Что ты об этом думаешь?

— Впечатляющее рекламное шоу, — сказал Питер.

— Я имел в виду, что ты думаешь о самом этом процессе? Ты же специалист в этой области. Как

ты считаешь, он действительно может сработать?

Питер пожал плечами:

— Джей Лено говорит, что королева Елизавета уже подверглась этому процессу. Единственный способ сохранить монархию, который у нее оставался, — это позаботиться, чтобы никто из ее детей никогда не оказался на троне.

Колин вежливо хихикнул, но посмотрел на Питера так, словно ожидал от него более серьезной реакции. Питер прожевал еще один кусок сандвича и сказал:

— Я не знаю. Основная предпосылка представляется вполне здравой. Я хочу сказать, что существует... Да, так и есть, пять основных теорий старения и смерти. — Питер начал перечислять их, загибая пальцы. — Во-первых, это стохастическая модель. Она основана на том, что наши тела суть сложные машины и, как во всех сложных машинах, что-нибудь в конце концов обязательно должно сломаться.

Вторая модель считает наиболее важным фактором так называемый феномен Хайфлика: человеческие клетки, похоже, способны нормально делиться лишь около пятидесяти раз.

Третья модель — это теория несовершенного

ксерокса. Каждый раз при копировании молекул ДНК вносятся некоторые мелкие ошибки, и в конце концов копия становится настолько плоха, что — бум! — ты уже мертв и похоронен.

Модель номер четыре — это теория накопления токсичных отходов. Что-то — возможно, свободные радикалы — разрушает твое тело изнутри.

И наконец, аутоиммунная гипотеза, согласно которой естественные защитные механизмы нашего тела теряют ориентиры и начинают набрасываться на здоровые клетки.

Колин кивнул:

— И никто не знает, какая из этих теорий наиболее верная?

— Ну, я подозреваю, что все они в какой-то степени верны, — пояснил Питер. — Но фокус в том, что эти микророботы «Неограниченной жизни» — как они их называют? нанни, кажется? — так вот, их нанни, похоже, запрограммированы бороться сразу со всеми причинами старения. Так что да, я бы сказал, у этой технологии есть хорошие шансы сработать. Хотя, чтобы это проверить наверняка, придется подождать, пока кто-нибудь из подвергшихся этому процессу действительно не проживет несколько столетий.

— Значит... ты считаешь, что это стоит таких

денег? — спросил Колин.

Питер снова пожал плечами:

— На первый взгляд, пожалуй, да. Я имею в виду, кому же не хочется жить вечно? Но, с другой стороны, было бы постыдно из-за этого упустить, к примеру, возможность попасть на небеса.

Колин тряхнул головой:

— Что-то ты заговорил, как заправский верующий, Питер.

Питер был поглощен доеданием своего сандвича.

— Прости. Это всего лишь праздные мысли.

— А что Кэти думает о «Неограниченной жизни»?

— Ее это, кажется, не слишком заинтересовало, — отозвался Питер, потянувшись за салфеткой.

— Неужели? — удивился Колин. — А мне это кажется замечательным. Мне кажется, это именно то, что мне нужно.

— Вечная жизнь обойдется в целое состояние, — усмехнулся Питер. — Ты что, собираешься присвоить деньги из своего банка?

— Вряд ли, — покачал головой Колин. — Но я думаю, что это стоило бы каждого потраченного пенса.

Лишь через три недели удалось получить еще

две записи душеграммы в момент, когда душа покидала тело. Одну из них Питер сделал в том же Карлсоновском центре для хронических больных, где он познакомился с Пегги Феннелл. На этот раз объектом эксперимента стал Густав Рейнгольд, человек всего на несколько лет старше Питера, умиравший от осложнений СПИДа и решившийся на самоубийство с помощью медика.

Следующую запись нужно было сделать в каком-то другом месте, иначе трудно будет доказать, что душеграмма является универсальным феноменом человеческого существования, а не просто явлением, обусловленным субъективными причинами: устройством электропроводки в конкретном здании, близостью высоковольтных линий или тем по какой методике лечат пациентов в Карлсоновском центре. Поэтому, чтобы получить третью запись, Питеру пришлось поместить в компьютерной сети следующее объявление:

Требуется: пациент в терминальной стадии смертельной болезни или травмы дляучастия в испытании нового биомедицинского следящего оборудования. Расположение: южная часть провинции Онтарио. Участнику испытания будет выплачено 10 000 канадских долларов. Смертель-

но больных или их адвокатов просим связаться конфиденциально с компанией «Хобсон мониторинг» (сетевой адрес XOBMON).

Питер чувствовал себя несколько неловко, поместив такое объявление — оно показалось ему очень уж бесчувственным. Именно из-за этого он предложил столь высокую плату за участие в эксперименте. Но за два дня, в течение которых объявление распространялось по сети, Питеру поступило четырнадцать предложений. Он выбрал двенадцатилетнего мальчика, умиравшего от лейкемии. Этот выбор он сделал как из сочувствия родителям ребенка, так и для того, чтобы его выборка была более разнообразной: семья мальчика полностью разорилась, приехав в Канаду из Уганды в надежде найти тут эффективное лечение для сына. Эти деньги помогли бы им расплатиться с долгами по счетам больницы.

После некоторого размышления решив, что и другие участники исследования заслуживают такой же компенсации, Питер внес десять тысяч долларов в наследство Густава Рейнгольда. Поскольку у Пегги Феннелл не осталось наследников, он сделал от ее имени пожертвование Канадской диабетической ассоциации. Он рассудил, что вскоре во всем мире исследователи

будут изо всех сил стараться воспроизвести его результаты, и ему показалось вполне резонным установить традицию щедро вознаграждать больных, принимающих участие в подобных экспериментах.

Все три записи отличались замечательным сходством: крошечное недиссипирующее электромагнитное поле покидало тело точно в момент смерти. На всякий случай при записи смерти мальчика из Уганды Питер воспользовался совершенно новым прибором. Принцип действия остался тем же, но он применил в нем новые узлы, которые воплощали иные инженерные решения. Это давало уверенность, что предыдущие результаты не были связаны с какими-нибудь дефектами его аппаратуры.

Тем временем в течение нескольких недель Питер обследовал своим суперэнцефалографом всех сто девятнадцать служащих компании «Хобсон мониторинг». Разумеется, никто, кроме нескольких самых доверенных сотрудников, не был посвящен в цели эксперимента. Умирающих среди них, естественно, не было, но Питер хотел убедиться, что душеграмма существует и у здоровых людей, а не является чем-то вроде электрического последнего вздоха, испускаемого

умирающим мозгом.

Душеграмма обладала характерными электромагнитными свойствами. Частота поля была очень высокой, намного выше, чем у обычной электрохимической активности мозга, так что, хотя амплитуда сигнала была очень мала, он не терялся в массе других сигналов внутри мозга. Внеся в свой прибор некоторые усовершенствования, Питер смог без особого труда обнаружить этот сигнал в данных сканирования мозга у всех своих сотрудников. При этом его весьма позабавило, что понадобилось несколько попыток, чтобы зарегистрировать его в мозгу Калеба Мартина, своего штатного юриста.

Тем временем вышеупомянутый Мартин прикрывал его тыл, обеспечив патентную защиту всех узлов суперэнцефалографа в Канаде, Соединенных Штатах, Японии, СНГ и во всех других странах. А корейская фирма, которая фактически производила все оборудование для «Хобсон мониторинг», уже устанавливала новую производственную линию для сборки суперэнцефалографов.

Вскоре должно было наступить время, когда можно будет объявить во всеуслышание о существовании душеграммы.

ГЛАВА 12

Питер снова почувствовал себя, как студент, придумывающий какие-то дурацкие шалости, связанные с надеванием шляп на животных. Он подошел к одной из коров и осторожно погладил ее по холке. Уже много лет Питер не подходил так близко к корове; он вырос в Риджайне, но до сих пор у него по всему Саскачевану были родственники, державшие молочные фермы, и в детстве он провел там немало счастливых летних каникул.

Как у всех коров, у этой были огромные карие глаза и мокрые ноздри. Похоже, ее не встревожили прикосновения, и он без дальнейших проволочек осторожно надел на ее удлиненную голову модифицированный сканирующий шлем. Животное замычало, но скорее от удивления, чем в знак протеста. Дыхание коровы было зловонным.

— Готово, док? — спросил старший мясник.

Питер снова посмотрел на животное. Ему было немного жаль его.

— Да.

На этой бойне скот обычно перед забоем оглушали электрошоком. Но этот метод перегрузил бы сканер Питера. Поэтому данную корову предполагалось усыпить углекислым газом, подвесить, а затем перерезать ей горло для обескровливания. За эти годы Питеру пришлось повидать множество хирургических операций, но там резали всегда для того, чтобы вылечить. Он не ожидал, что зрелище забоя животного окажется для него настолько тяжелым. Мясник приглашал его остаться до конца, до разделки туши, но у Питера не хватило духа. Он просто снял специальный коровий шлем, забрал записывающую аппаратуру и отправился к себе в офис.

Питер провел остаток дня, просматривая запись, опробывая на этих данных разные методы компьютерного усиления изображений. Результаты неизменно оказывались одинаковыми. Каким бы методом он ни пользовался, как бы тщательно ни всматривался в экран, не было никаких признаков того, что у коров есть души — похоже, ничего не выходило из их мозга в момент смерти. Не слишком неожиданное открытие, подумал он, хотя вслед за этим ему пришло в голову, что за подобные вещи в будущем его ждут не только почести, но и достанется немало прокля-

тий. В данном случае радикальные защитники прав животных наверняка будут расстроены.

Питер и Кэти собирались в тот вечер пойти поужинать в свою любимую шашлычную. Но в последнюю минуту Питер отменил их заказ на отдельный столик, и вместо этого они пошли в вегетарианский ресторан.

Когда Питер Хобсон слушал в университете факультативный курс лекций по систематике, его учили, что существуют два вида шимпанзе: Pan troglodytes (обычные шимпанзе) и Pan paniscus (карликовые шимпанзе).

Но расхождение филогенетических линий между шимпанзе и человеком произошло всего 500 000 поколений тому назад, и до сих пор у этих двух видов 98,4 процента ДНК совпадают. В 1993 году инициативная группа, в которую входили эволюционист Ричард Докинз и известный писатель-фантаст Дуглас Адамс, опубликовала «Декларацию о человекообразных обезьянах», в которой призывала принять закон о правах наших обезьяньих кузенов.

Потребовалось еще тринадцать лет, чтобы в конце концов их декларация стала предметом обсуждения в ООН. Была принята беспрецедентная резолюция, формально признающая шимпанзе

принадлежащими к роду Homo и тем самым утверждающая, что ныне человечество состоит из представителей трех доживших до наших дней видов: Homo sapiens, Homo troglodytes и Homo paniscus. Права человека были разделены на две широкие категории: одни из них, такие, как право на жизнь, свободу и защиту от жестокого обращения, применялись ко всем представителям рода Homo, а остальные, такие, как право на стремление к счастью, свободу вероисповедания и владение землей, были закреплены исключительно за представителями вида Homo sapiens.

Теперь, когда были признаны права рода Homo, никто не мог больше безнаказанно убить шимпанзе в экспериментальных целях — более того, насильственно удерживать шимпанзе в лаборатории. Многие страны уже внесли изменения в свои юридические определения убийства с целью включить в них и убийство шимпанзе.

Адриан Кортландт, первый зоопсихолог, наблюдавший диких шимпанзе, однажды назвал их «пугливые души в животных шкурах». Но теперь Питер Хобсон был в состоянии проверить, насколько буквально следовало понимать слова Кортландта. Душеграмма существовала у Homo sapiens. Ее, однако, не было у Bostaurus, обыкно-

венной коровы. Питер поддерживал движение за права обезьян, но все то хорошее, что он сделал за несколько прошлых лет, могло пойти насмарку, если будет доказано, что у людей есть душа, а у шимпанзе нет. И все же Питер понимал, что если он сам не проведет этот опыт, то его кто-нибудь обязательно опередит.

И хотя шимпанзе уже больше не отлавливали для лабораторий, зоопарков или цирков, некоторые из них продолжали содержаться в специальных заведениях, построенных людьми. Великобритания, Канада, США, Танзания и Бурунди совместно основали в Глазго приют, где доживали свои дни собранные со всего света шимпанзе, которых уже нельзя было выпустить на волю. Питер позвонил в этот приют, чтобы выяснить, нет ли у них какого-нибудь шимпанзе, который в скором времени может умереть. По словам директора приюта, Бренды Мак-Тавиш, нескольким из их постояльцев уже пошел шестой десяток, что для шимпанзе означало весьма преклонный возраст, но никто из них умирать не собирался. И все же Питер договорился послать ей сканирующее оборудование.

— Так вот, — объявил Питер Саркару во время их очередного еженедельного ужина у Сонни

Готлиба, — думаю, теперь самое время опубликовать мои результаты. Да, я забыл тебе сказать, мои специалисты по маркетингу предложили название для суперэнцефалографа: они называют его детектором души.

— Ну и прекрасно! — отозвался Саркар. Питер улыбнулся:

— Я всегда предоставляю право принимать подобные решения Джоджиндеру и его подчиненным. Во всяком случае, патенты на детектор души зарегистрированы, у нас на складе уже почти две сотни приборов, готовых к отправке, я получил три хорошие записи душеграммы, я знаю, что по крайней мере у некоторых животных души нет, и вскоре надеюсь получить данные также и о шимпанзе.

Саркар положил ломтик соленого лосося на половинку пончика.

— У тебя все еще нет одного важного куска информации.

— Да?

— Меня удивляет, что ты сам не подумал об этом, Питер.

— О чем?

— Об оборотной стороне твоего исследования: ты теперь знаешь, когда душа оставляет тело. Но

в какой момент она туда попадает?

У Питера, что называется, отвисла челюсть.

— Ты хочешь... ты хочешь сказать — в эмбрион?

— Вот именно.

— Боже мой, — простонал Питер. — Я наживу себе с этим кучу неприятностей.

— Вероятно, — согласился Саркар. — Но как только ты объявишь о своих результатах, кто-нибудь обязательно задаст этот вопрос.

— Тогда такое начнется — страшно подумать.

Саркар кивнул:

— Непременно. Но я все же удивлен, как тебе самому это не пришло в голову.

Питер глядел в сторону. Нет сомнения, он подавил эту мысль, не дал ей оформиться. Старая рана, давно зажившая. Или по крайней мере ему так казалось.

Вот черт, подумал Питер. Черт бы это все побрал.

ГЛАВА 13

Это случилось тринадцать лет назад, в первый год их супружеской жизни. Питер все, что произошло тогда, помнил очень отчетливо. 31 октября 1998 года. Даже в те давние времена они редко ели у себя, но тем не менее они всегда считали, что было бы невежливо уходить из дома в Хэллоуин — ведь кто-то должен одарить подарками детишек, распевающих шутливые песенки под окнами.

Пока Питер заправлял салат «Цезарь» настоящими кусочками бекона, поджаренными в микроволновой печи, Кэти приготовила феттучини Альфредо, а затем они совместными усилиями соорудили торт на десерт. Им было очень весело стряпать вместе, и теснота крохотной кухоньки, которая была у них в те времена, создавала массу возможностей для приятных соприкосновений, пока они протискивались к разным буфетным шкафчикам и кухонным приборам. В конце концов у Кэти на каждой груди оказались пятна муки в форме отпечатков ладоней Питера, а у Питера на ягодицах — отпечатки ее ладоней.

Но когда они съели оба салата и с аппетитом стали уплетать макароны, Кэти вдруг сказала без всякого перехода:

— Я беременна.

Питер отложил свою вилку и посмотрел на нее.

— Ты не шутишь?

— Нет, не шучу.

— Это... — Он знал, что должен сказать «Это чудесно», но не смог выдавить из себя второе слово. Вместо него он осторожно сказал «интересно».

Она заметно погрустнела.

— Интересно?

— Ну, я имею в виду, что неожиданно, вот и все. — Пауза. — Ты разве не... — Снова пауза. — Черт.

— Я думаю, это произошло в тот уик-энд в коттедже моих родителей, — помолчав, добавила она. — Помнишь? Ты забыл...

— Я помню. — В голосе Питера чувствовалась легкая досада.

— Ты говорил, что сделаешь себе вазэктомию, когда тебе исполнится тридцать, — напомнила Кэти. — Ты говорил, что сделаешь это, если к тому времени у нас все еще не возникнет желания завести ребенка.

— Ну, я не то чтобы ужасно мечтал сделать это

в свой день рождения. Мне все еще тридцать. И кроме того, мы все еще думаем, хотим ли мы иметь детей.

— Тогда почему ты сердишься? — спросила Кэти.

— Я... я не сержусь. — Он улыбнулся. — В самом деле, дорогая, я ничуть не сержусь. Просто для меня все так неожиданно, вот и все. — Он помолчал. — Значит, если это случилось в тот уикэнд, то какой у тебя сейчас срок? Шесть недель?

Она кивнула:

— У меня была задержка, поэтому я купила один из этих наборов.

— Так-так, — произнес Питер.

— Ты не хочешь ребенка, — негодующе воскликнула она.

— Я этого не говорил. — Он попытался ее успокоить. — Я пока не знаю, чего хочу. — В этот момент в дверь позвонили. Питер встал, чтобы встретить гостей.

Не мытьем, так катаньем, подумал он, идя открывать дверь.

Питер и Кэти прождали еще три недели, взвешивая свои возможности, свои привычки, свои мечты. Наконец они приняли решение.

Клиника-абортарий на Колледж-стрит помеща-

лась в старом двухэтажном кирпичном здании. Слева от нее располагалась, судя по вывеске с орфографической ошибкой, грязная забегаловка какого-то Джо, где обещали вас накормить завтраком из двух яиц «как вы их любите». Справа — лавка торговца бытовыми приборами с выставленным в окне вручную намалеванным объявлением «Здесь ремонтируют».

А перед входом в клинику по тротуару взад-вперед слонялись противники абортов с плакатами.

«Аборт — это убийство», — было написано на одном.

«Грешница, покайся», — гласил другой.

«У детей тоже есть права», — возвещал третий, возможно, написанный той же рукой, что и вывеска Джо. Скучающий полицейский, прислонившись к кирпичной стене, наблюдал за тем, чтобы пикетчики не нарушали порядок.

Питер и Кэти припарковались на противоположной стороне улицы и вышли из машины. Кэти посмотрела в сторону клиники и вздрогнула, хотя было не особенно холодно.

— Я не думала, что тут будет так много пикетчиков, — заметила она.

Питер насчитал восемь человек — трое мужчин и пять женщин.

— Здесь всегда ошивается с десяток протестующих.

Она кивнула.

Питер взял Кэти за руку. Она стиснула его ладонь и выдавила слабую, но храбрую улыбку. Они подождали, пока машины проедут, и перешли через дорогу.

Как только они оказались на той стороне, их окружили пикетчики.

— Не ходите туда, леди! — кричал один из них.

— Это ваше дитя! — восклицал другой.

— Подождите, подумайте! — призывал третий.

Полицейский подошел поближе, чтобы убедиться, что пикетчики не трогают Кэти и не мешают ей пройти.

Кэти напряженно смотрела прямо перед собой. Яйца, как вы их любите, подумал Питер. Здесь ремонтируют.

— Не делайте этого, леди! — снова крикнул один из пикетчиков.

— Это ваше дитя!

— Подождите, подумайте еще раз!

К деревянной двери клиники вели четыре каменные ступеньки. Она начала подниматься по этой лесенке, Питер шел вплотную за ней.

— Это!..

— Не!..

— Подождите!..

Питер перегнал жену, чтобы открыть дверь.

Они вошли в клинику.

На следующей неделе Питер сделал себе вазэктомию. Супруги ни разу впоследствии не возвращались к этому эпизоду, только иногда, когда их навещали племянницы или когда они встречали на улице какую-нибудь соседку, гуляющую с ребенком, или когда по телевизору показывали детей, Питер становился задумчивым, печальным и сконфуженным, а украдкой взглянув на жену, видел в ее больших голубых глазах ту же смесь эмоций и неуверенности.

Теперь им снова предстояло столкнуться с той же моральной проблемой.

Конечно, не было никакой возможности надеть сканирующий шлем на эмбрион. Но Питеру и не нужно было регистрировать всю электрическую активность мозга нерожденного ребенка — ему было достаточно прибора для обнаружения высокочастотной душеграммы. Пришлось повозиться несколько дней, но в конце концов он сумел смастерить сканер, который можно было положить на живот беременной женщине, чтобы зарегистрировать внутри него душеграмму. В этом

приборе использовались некоторые технологические приемы дистанционного наблюдения, взятые из хобсоновского монитора, и датчики с остронаправленной диаграммой чувствительности, чтобы прибор ошибочно не среагировал на душе-грамму матери.

Плод находился глубоко в теле матери, поэтому его душеграмма была значительно слабее материнской. Это как в телескопе: чтобы на фотопластинке возникло изображение слабого источника, нужна длительная выдержка. Питер подозревал, что датчик должен находиться на месте часа четыре, прежде чем можно будет определить, есть ли под ним какая-нибудь душеграмма.

Питер спустился в финансовый отдел своей компании. У одной из его служащих, старшего аналитика этого отдела Виктории Калипедес, только что начался девятый месяц беременности.

— Виктория, — обратился к ней Питер. — Мне нужна твоя помощь.

Она выжидающе посмотрела на него. Питер улыбнулся. Все, что Виктория делала в последнее время, носило выжидающий характер.

— Я изготовил прототип нового датчика, и

мне бы хотелось испытать его с твоей помощью, — пояснил он.

Виктория удивилась:

— Это имеет какое-то отношение к моему ребенку?

— Совершенно верно. Я просто положу тебе на живот сеть датчиков. Это не больно и не может никак повредить ребенку. Это, ну, что-то вроде ЭЭГ — регистрирует электрическую активность мозга плода.

— И это точно не может повредить ребенку?

Питер покачал головой:

— Абсолютно.

— Ну, я не знаю...

— Пожалуйста. — Питер сам удивился своей настойчивости.

Виктория подумала.

— Хорошо. Когда я тебе понадоблюсь?

— Прямо сейчас.

— У меня сегодня куча работы — вы же знаете моего начальника.

— Датчик можно надеть всего за несколько минут. Поскольку сигналы очень слабы, придется поносить его до конца рабочего дня, но вы сможете при этом спокойно заниматься работой.

Виктория поднялась на ноги — не очень простая

задача при столь позднем сроке беременности — и прошла с Питером в отдельный кабинет.

— Я объясню вам, как его нужно надеть, — сказал Питер, — затем оставлю вас здесь одну, чтобы вы сами это сделали. Он без труда поместится у вас под одеждой.

Виктория выслушала указания Питера, Затем кивнула.

— Спасибо, — поблагодарил Питер, прежде чем выйти, чтобы она могла раздеться. — Огромное вам спасибо.

В конце дня он смог получить результаты. Прибор без труда обнаружил душеграмму плода Виктории, и неудивительно: если бы ребенка извлекли на этой поздней стадии внутриутробного развития, он скорее всего смог бы выжить как вполне самостоятельный организм. Но на какой стадии беременности впервые возникает душеграмма?

Питер пролистал свою компьютеризованную записную книжку и нашел нужный ему номер: Дина Кавасаки, женщина, вместе с которой он прослушал несколько курсов в Торонтском университете, занималась сейчас акушерской практикой в Дон Миллс.

Он с волнением слушал сигналы зуммера, пока

компьютер набирал нужный номер. Если Дина сможет убедить некоторых своих пациенток помочь ему, то вскоре у него появится ответ и на этот вопрос.

Внезапно Питер понял, что он боится узнать этот ответ.

ГЛАВА 14

Октябрь, 2011

Тридцать две пациентки Дины Кавасаки, ожидавшие рождения ребенка, согласились принять участие в испытании нового сканирующего оборудования, сконструированного Питером. Это было неудивительно: Питер предложил выплатить каждой пациентке пятьсот долларов только за то, чтобы она проносила надетый на ее живот сканер в течение четырех часов. Каждая следующая пациентка имела срок беременности на неделю больший, чем предыдущая.

Питер хотел впоследствии провести обследования нескольких женщин на разных сроках беременности каждой из них, но уже первоначальные данные внесли полную ясность. Душеграмма появлялась где-то между девятой и десятой неделями беременности. До этого ее просто не было. Но для того, чтобы установить, возникает ли она внутри мозга эмбриона или — что, по мнению Питера, менее вероятно, — каким-то образом приходит туда снаружи, нужны были гораздо более сложные исследования.

Питер знал, что это изменит мир почти так же кардинально, как осознание факта, что какая-то форма жизни после смерти действительно существует. Конечно, не все примут такую интерпретацию, но теперь Питер нашел способ достоверно устанавливать, является ли данный плод личностью — то есть будет ли его удаление просто отсасыванием нежелательного нароста или же самым настоящим убийством.

Последствия будут очень серьезны. Ведь если удастся убедить нынешнего Папу, что душеграмма действительно является физическим проявлением бессмертной сущности и что душа действительно появляется в плоде на десятой неделе беременности, то он, возможно, перестанет возражать против контроля рождаемости и ранних абортов. Питер вспомнил, как в 1993 году тогдашний Папа сам грозил проклятием женщинам, изнасилованным солдатами в Боснии и Герцеговине, если они не доносят до конца зачатых ими детей. А нынешний Папа по-прежнему отказывается разрешить контроль рождаемости в пораженных голодом районах мира, хотя дети там заведомо обречены на голодную смерть.

И конечно, женское движение, которое Питер поддерживал, тоже откликнется.

Питер всегда чувствовал себя неловко, когда ему случалось размышлять над проблемой абортов, особенно в промышленно развитых странах. Существовали вполне надежные и необременительные методы контроля рождаемости. Питер всегда умом понимал, что женщина имеет право сделать аборт по своему усмотрению, но находил это неэтичным. Ведь нежелательной беременности всегда можно избежать. И неужели требовать контроля рождаемости от обоих партнеров — значит требовать слишком многого? Зачем профанировать чудо размножения?

Хватило десяти минут поиска по компьютерной сети, чтобы отыскать нужную статистику: в Северной Америке одна беременность из пяти кончалась абортом. Вот и они с Кэти тогда зачали ребенка, вовсе не собираясь этого делать. Причем он был доктором наук, она бакалавром в области химии — уж им-то, несомненно, следовало быть умнее.

Правда, зачастую то, что кажется таким простым в теории, на практике оказывается гораздо сложнее.

Но теперь, похоже, появилось оправдание мерам контроля рождаемости, применяемым после зачатия. Душа, чем бы она там ни была,

появляется лишь после шестидесяти и более дней беременности.

Питер не был футурологом, но нетрудно было догадаться, в каком направлении двинется общество: в ближайшее десятилетие законы, несомненно, изменятся таким образом, чтобы допускать прерывание беременности по требованию женщины только до момента появления в плоде душеграммы. В противном случае любой суд признает нерожденного ребенка человеческим существом.

Питеру нужны были ответы — объективные, надежные факты. И вот теперь он их получил.

Он глубоко вздохнул. Будучи рационалистом, он знал, что всегда существовало лишь три возможных ответа на моральные проблемы, связанные с абортами. Первый: ребенок является человеческим существом с момента зачатия. Это всегда казалось Питеру глупым: в момент зачатия ребенок является всего лишь одной-единственной клеткой.

Второй ответ: ребенок становится человеком в тот момент, когда он выходит из тела матери. Это казалось ему столь же глупым. Хотя, пока не будет перерезана пуповина, ребенок получает питание из тела матери, плод достаточно развит,

чтобы, если понадобится, существовать отдельно еще за несколько недель до обычного срока окончания беременности. Ясно, что перерезание пуповины — такая же условность, как перерезание ленточки при открытии нового парка. Плод еще до того как появится на свет — это уже человеческое существо с независимыми сердцем, мозгом и мыслями.

Так что все, что Питер сделал, — лишь доказательство очевидного. Третья возможность: где-то между этими двумя крайностями, между зачатием и рождением, плод становится самостоятельным человеческим существом со своими правами.

То, что третий вариант оказался правильным ответом, можно было предположить заранее. Даже многие религиозные учения признавали, что душа появляется где-то в середине беременности. Святой Фома Аквинский разрешал аборты до шестой недели для плодов мужского пола и до третьего месяца для плодов женского пола, считая, что в эти сроки душа входит в тело. А мусульмане, как говорил Саркар, верят, что нафс входит в плод на сороковой день после зачатия.

Да, конечно, ни один из этих сроков не совпадал с найденной Питером цифрой девять или десять

недель. Но твердое знание факта, что существует некий определенный момент, когда происходит появление души, должно — эта мысль снова промелькнула у него в мозгу — изменить мир. И конечно, не все сочтут, что это перемена к лучшему.

Питер подумал, каково ему будет смотреть на экране телевизора, как сжигают его чучело.

Прошло чуть больше девяти недель с того дня, как Кэти рассказала Питеру о своей измене. Их отношения все это время оставались весьма натянутыми, но тем не менее Питер понимал, что возникла острая необходимость серьезно поговорить — совсем о другом кризисе, о том, что случился в их прошлом.

Был понедельник, 10 октября, — канадский День благодарения. У обоих был выходной день. Питер вошел в гостиную. Кэти сидела в кресле на двоих, решая кроссворд из «Нью-Йорк тайме». Питер подошел и сел рядом.

— Кэти, — начал он, — мне нужно тебе кое-что сказать.

Огромные глаза Кэти на миг встретились с его глазами, и внезапно Питер понял, о чем она думает. Он принял решение, подумала она. Он оставляет ее. На лице ее попеременно отразились

и страх, и печаль, и мужество. Она изо всех сил старалась сохранить самообладание.

— Это насчет нашего ребенка, — сказал Питер.

Теперь лицо Кэти выражало недоумение. Она явно ничего не понимала.

— Какого ребенка? — осторожно спросила она.

Питер с трудом проглотил комок в горле.

— Того ребенка, ну, от которого мы избавились двенадцать лет назад.

Глаза Кэти беспокойно забегали.

— На следующей неделе моя компания публично объявит о существовании душеграммы, — пояснил он. — При этом будет рассказано о результатах еще одного дополнительного исследования. Но... но мне бы хотелось, чтобы ты первая о них услышала.

Кэти молчала.

— Я теперь знаю, когда душеграмма появляется у ребенка.

Его поза, выражавшая замешательство, его нерешительность многое ей объяснили. Она знала каждый его жест, понимала язык мимики и движений.

— О Боже, — вырвалось у Кэти, и в ее широко открытых глазах появился испуг. — Она появляется рано, да? Еще до того, как мы... когда мы...

Питер не ответил.

— О Боже, — повторила она, покачав головой. — Это были девяностые годы, — произнесла Кэти с такой интонацией, словно этим все уже было сказано.

Девяностые годы. В то время проблема абортов, как, впрочем, и большинство других проблем, была упрощена до смехотворного уровня лозунгов: «За выбор» — как будто имело смысл выступать против выбора; «За жизнь» — как будто кто-то был против жизни. Никакие полутона не признавались. В том кругу, к которому принадлежали Хобсоны, — кругу образованных, состоятельных жителей либеральной Восточной Канады — позиция «За выбор» была единственно возможной.

Девяностые.

Эти политически корректные девяностые.

Питер слегка пожал плечами.

— Полной уверенности нет. Мы сделали это примерно в то время, когда душеграмма должна была появиться. — Он помолчал, не зная, что еще сказать. — Возможно, все было в порядке.

— Или это могло оказаться... могло оказаться...

Питер кивнул:

— Мне очень жаль, Кэти.

Она закусила нижнюю губу, растерянная и

подавленная. Питер протянул руку и погладил ее ладонь.

ГЛАВА 15

У компании «Хобсон мониторинг» имелась стандартная база данных с именами и сетевыми адресами журналистов, пишущих на медицинские темы, которым по всему миру рассылались электронные пресс-релизы о новых разработках компании. Некоторые высокопоставленные служащие предлагали разослать этот конкретный пресс-релиз также редакторам религиозных отделов, но Питер запретил. Он по-прежнему чувствовал себя неуверенно в отношении моральных аспектов своего открытия. Кроме того, нетрудно было догадаться, что скоро все газетчики, начиная с репортеров «Нэшнл инквайрер», начнут выпрашивать у него интервью. Приглашение на пресс-конференцию было разослано электронной почтой и с курьерами за три дня до самого события. Питеру не очень понравилась его формулировка, но Джоджиндер Сингх, его главный специалист по связям с общественностью, упорно отстаивал следующий текст:

«Хобсон мониторинг лимитед» приглашает Вас на пресс-конференцию, которая состоится

в четверг, 20 октября, в 10:00 утра в зале 104 Торонтского центра конгрессов. Мы обнародуем фундаментальное научное открытие. Простите, ребята, — никаких намеков, пока вы туда не явитесь. Мы обещаем мировую сенсацию. Те, кто не сможет присутствовать лично, свяжитесь с Джоджиндером в «Хобсон мониторинг» относительно деталей предоставления видеосвязи.

Несколько репортеров действительно постарались разнюхать, не является ли обещанный доклад просто рекламой новых образцов больничного оборудования, но у них ничего не вышло. Никакой предварительной информации не сообщалось. Оставалось лишь дожидаться четверга. А затем...

Примерно сорок репортеров явились на эту пресс-конференцию — компания «Хобсон мониторинг» лишь однажды собирала больше, в тот раз, когда объявила о первом выпуске своих акций для всех желающих. Питер знал по имени половину репортеров: Бака Пикарца, медицинского корреспондента «Торонто стар»; Кори Тика, его коллегу из «Глоб энд Мэйл»; Лайану Делани из «Си-би-си ньюсуорлд»; того толстяка, который поставлял новости из Канады в «Буффало ньюс»; одного худого парня из «Ю-Эс-Эй тудэй» и многих

других. Репортеры лакомились свежими фруктами и потягивали кофе, болтая друг с другом. Их удивило, что они не получили заранее пресс-релизы, хотя Питер и Джоджиндер заверили, что полные наборы материалов, включая диски с данными и стенограммы ответов Питера, будут розданы всем при выходе. Некоторые из присутствующих на пресс-конференции журналистов все равно снимут на пленку все, что тут будет происходить.

Кэти взяла выходной, чтобы быть вместе с Питером. В четверть одиннадцатого он поднялся на подиум. Кэти ободряюще улыбнулась, и, несмотря на дрожь в коленях, он почувствовал прилив сил.

— Привет, друзья, — сказал он, улыбнувшись им всем вместе, а затем персонально Кэти, припасенной специально для нее особенной, долгой улыбкой. — Спасибо, что нашли время для нашего доклада. Пожалуйста, простите за всю эту секретность — я понимаю, что она несколько отдает мелодрамой. Но то, что мы собираемся сегодня объявить, очень необычно, и нам нужна была уверенность, что первыми об этом узнают заслуживающие доверия журналисты. — Он снова улыбнулся. — Джоджиндер, ты не мог бы убавить

освещение? Спасибо. Теперь прошу всех смотреть на стенной монитор. Каждый из вас при выходе из зала получит копию записи, которую я сейчас продемонстрирую. Все уселись? Джоджиндер, пожалуйста, покажи демонстрационную запись.

Журналисты внимательно смотрели на экран, а Питер тем временем комментировал проигрываемую в замедленном темпе запись смерти Пегги Феннелл, полученную мозговым сканером. Питер включил в свой рассказ немало технических подробностей — это были, в конце концов, медицинские журналисты. Когда монитор показал, как душеграмма действительно вышла из головы миссис Феннелл, по аудитории прокатилась волна шепота.

— Проиграйте, пожалуйста, еще раз этот последний кусок, — крикнул Пикарц из «Стар». Питер сделал Джоджиндеру знак выполнить эту просьбу.

— Что это в точности такое? — спросил другой репортер.

Питер взглянул на Кэти, сидевшую в первом ряду. Она подмигнула ему. Он демонстративно пожал плечами:

— Это устойчивое компактное электромагнитное поле, покидающее тело через висок в момент

смерти.

— Точно в момент смерти? — спросила Делани, женщина из «Ньюсуорлд».

— Да. Это последний всплеск электрической активности мозга.

— Значит — значит, это что такое? — переспросила она. — Вы хотите сказать, что это что-то вроде души? — Она произнесла это слово насмешливо, чтобы в случае необходимости все можно было обратить в шутку.

Но за недели, прошедшие с тех пор, как Саркар впервые произнес это слово, Питер уже немного к нему привык.

— Да, — подтвердил он. — Мы считаем именно так. — Он повысил голос, обращаясь сразу ко всем собравшимся. — Здесь перед вами, леди и джентльмены, первая прямая научная запись того, что может оказаться человеческой душой, покидающей тело.

Поднялся гул, все заговорили разом. Следующие два часа Питер провел, отвечая на вопросы, хотя некоторые газетные репортеры, спешившие вовремя дать информацию в номер, схватили наборы материалов, приготовленные для раздачи журналистам, и почти сразу же исчезли. Питер дал ясно понять, что еще предстоит точно

выяснить, что именно происходит с душеграммой после того, как она покинет тело, — похоже, что она сохраняет внутреннюю структуру, но пока не было никаких доказательств, что вскоре после этого не происходит ее диссипиризация. Он также подчеркнул, что пока имеется очень мало данных о содержании или структуре душеграммы, и в частности о том, какая значимая информация в ней содержится и содержится ли вообще.

Но это уже не имело никакого значения. Представление о душе было архетипом, который мгновенно воспринимался всеми. Люди глубоко в подсознании уже давно знали, что именно представляла собой душеграмма.

В тот вечер Кэти и Питер увидели, что телерепортаж о конференции, показанный Си-би-си в Канаде, был повторен Си-эн-эн в США и Всемирной службой Би-би-си. Сообщение об этом открытии через несколько часов разошлось по «Интернет» и оказалось на первых страницах вечерних выпусков «Торонто стар» и нескольких американских газет, а на следующий день оно уже оказалось на первых страницах газет всего мира. В течение двадцати четырех часов весь цивилизованный мир был оповещен об этом

открытии.

Питер Хобсон внезапно стал знаменитостью.

— Звонивший все еще на связи? — спросил Донахью, недавно вернувшийся в дневной телеэфир после провалившейся попытки стать президентом.

— Я здесь, Фил.

Донахью поморщился. Драгоценные секунды тратились впустую.

— Поторопитесь — у меня очень мало времени.

— Мне хотелось бы знать, — сказал звонивший, — на что в действительности похожа жизнь после жизни. Я хочу сказать, теперь мы знаем, что она существует, но на что она в действительности похожа?

Донахью повернулся к Питеру:

— Это очень хороший вопрос. Доктор Хобсон, на что похожа жизнь после смерти?

Питер заерзал в кресле.

— Ну, это вопрос скорее для философов, я боюсь, и...

Донахью обратился к собравшимся в студии:

— Ну как, ребята, мы готовы к подобным вопросам? Действительно ли мы хотим знать ответы на них? И что мы, американцы, будем делать,

если загробная жизнь окажется малоприятной? — Он говорил в пространство. — Брайан, покажи им номер 14.

На экране появилась диаграмма.

— Шестьдесят семь процентов граждан нашей прекрасной страны, — сообщил Донахью, — верят, что душеграммы доказывают иудейско-христианскую модель рая и ада. Лишь одиннадцать процентов считают, что ваше открытие, доктор Хобсон, опровергает эту модель.

Диаграмма исчезла. Держа в поднятой руке микрофон, Донахью мигом оказался где-то в задних рядах и ткнул его под подбородок какой-то женщине.

— Да, мадам. Вы можете сделать краткое замечание.

— Хорошо, Фил. Я из Мемфиса — мы там обожаем ваше шоу.

Сначала он сделал лицо, как у маленького мальчика, которого погладили по головке.

— Спасибо, мадам. — Затем такое лицо, будто его ударили под ложечку. — У меня очень мало времени.

— У меня вопрос к доктору. Как вы думаете, ваше открытие позволит вам отправиться в рай или вы отправитесь в пекло за то, что вмешивае-

тесь в тайны Господни?

Лицо Питера крупным планом.

— Я... я понятия не имею.

Донахью сделал свой обычный театральный жест рукой, кончавшийся тем, что его указательный палец смотрел прямо в камеру.

— И мы снова будем в эфире...

Седовласый телеведущий с лисьей латиноамериканской мордочкой повернулся к аудитории. Бульварные газеты недавно сообщили, что он подвергся процессу «Неограниченной жизни», так что телезрителям предстояло еще столетиями упиваться его весьма специфическими телепрограммами.

— Жизнь после жизни, — напыщенно произнес он. — Вот главная тема нашего сегодняшнего выпуска. У нас сегодня в студии Питер Хобсон, ученый из Оттавы, утверждающий, что ему удалось зафиксировать на пленке бессмертную душу, и монсеньор Карлос Латина, архиепископ Лос-Анджелесской епархии. — Геральдо обратился к человеку в черной рясе: — Монсеньор, как вы думаете, где сейчас находятся души тех церковников, которые развращали мальчиков в церковных приютах?

(Заставка компьютерной графики с изображением купола Капитолия. Музыкальная фраза всем привычных позывных.)

Диктор:

— Вы смотрите новости Эй-би-си. Эта неделя — с Питером Дженингсом. Теперь даем нашу вашингтонскую студию, где вас приветствует Питер Дженингс.

Питер Дженингс, седовласый, угрюмый, смотрящий прямо в камеру:

— Душеграмма — факт или фантазия? Религиозное откровение или научная истина? Мы спросим об этом у наших гостей: Питера Хобсона, инженера, который впервые обнаружил душеграмму; Карла Сагана, автора бестселлера «Глаза творения»; и у Хелен Йоханнес, советника президента по вопросам религии в Америке. Некоторые дополнительные сведения обо всем этом от нашего журналиста Кейла Адара. И вместе со мной в нашей вашингтонской студии будут...

(Средним планом на экране показан Дональдсон, глубокие морщины подчеркивают резкие черты его лица, блестящий каштановый хохол явно фальшивый.)

— Сэм Дональдсон...

(Средний план седовласого Уилла, пучеглазого

и согбенного, похожего на престарелого хозяина плантации.)

— ...и Джордж Уилл. Впоследствии к нам присоединится комментатор Салли Фернандес из «Вашингтон пост». Все они соберутся тут на нашу воскресную программу.

(Рекламная пауза: новый автомобиль Арчера Дэниелса Мидланда, работающий на чистом растительном масле. Дженерал Дайнэмикс: «Наша работа может быть засекреченной, но мы добропорядочные граждане». Мерилл Линч: «Потому что экономия когда-нибудь непременно начнет окупаться».)

(Предварительно отснятый материал Кейла Адара.)

(Снова студия.)

Дженингс:

— Кейл, спасибо.

(Снова краткое перечисление приглашенных гостей и комментаторов.)

(Вставка Питера Хобсона на настенном экране, сверху информационная строка, где написано «Торонто».)

Сэм Дональдсон, подавшись вперед:

— Профессор Хобсон, ваше открытие душеграммы можно рассматривать как огромную помощь

в освобождении угнетенных, решающее доказательство того, что все люди созданы равными. Как вы считаете, какое влияние ваше открытие окажет на тоталитарные режимы?

Хобсон (вежливо):

— Простите, но я не профессор.

Дональдсон:

— Я не против, чтобы меня поправляли. Но не уклоняйтесь от вопроса, сэр! Какое влияние окажут ваши открытия на нарушения прав человека, например, в восточной Украине?

Хобсон, немного подумав:

— Что же, разумеется, мне было бы очень приятно думать, что я внес свой вклад в борьбу за равенство всех людей. Но мне сдается, что наша способность к «негуманизму», устоявшая перед всеми вызовами, которые бросали ей в прошлом, удержится и на этот раз.

Джордж Уилл, поверх сложенных домиком ладоней:

— Доктор Хобсон, среднего американца, задавленного налогами, стонущего под бременем раздутой правительственной бюрократии, нисколько не интересуют геополитические последствия ваших исследований. Средний американец, ходящий в церковь, хочет знать, в

точных и ясных терминах, сэр, какими именно характеристиками отличается загробная жизнь.

Хобсон, моргнув:

— Это надо понимать как вопрос?

Уилл:

— Это главный вопрос.

Хобсон, медленно покачав головой:

— Понятия не имею.

ГЛАВА 16

Питер не собирался позволить своей новообретенной славе помешать ему продолжать еженедельные ужины по вторникам вместе с Саркаром в ресторане Сонни Готлиба. Причем в последнее время у него появились весьма смелые идеи, и кое-какие исследования было бы неплохо провести совместными усилиями, поэтому он сразу приступил к делу.

— Как ты создаешь искусственный интеллект? Ты работаешь в этой области — как ты это делаешь?

Саркара удивился, но тем не менее стал охотно объяснять:

— Ну, тут есть много способов. Самый старый — это метод интервью. Если мы хотим, чтобы система занималась, скажем, финансовым планированием, нам нужно опросить нескольких специалистов в этой области. Затем мы суммируем их ответы в виде набора правил, которые можно выразить в виде компьютерной программы: «если выполнены условия A и B, то нужно сделать C».

— А как насчет того сканера, который моя фирма изготовила для тебя? Разве вы теперь не делаете полные распечатки содержимого мозга определенных людей?

— Мы быстро продвигаемся в этом направлении. У нас есть прототип, который мы называем РИКГРИН, но пока рано публиковать результаты этого исследования. Ты ведь слышал об этом комике, Рике Грине?

— Конечно.

— Мы провели полное сканирование его мозга. У нас получилась система, способная сочинять шутки, в стиле настоящего Рика Грина. А если дать ей доступ к материалам отделов новостей «Кэнэдиен пресс» и ЮПИ, она сможет даже генерировать новые шутки на злобу дня.

— Хорошо, значит, ты можешь, в сущности, воспроизвести в кремнии ум конкретного человека...

— Ты отстал от жизни, Питер. Мы теперь пользуемся арсенидом галлия, а не кремнием.

— Да какая разница.

— Но ты попал в точку, как раз это и делает проблему такой крутой: мы достигли той стадии, когда можем клонировать разум конкретного человека — какая жалость, что этот метод не был

создан раньше, тогда можно было бы просканировать Стефена Хокинга. Но только в очень небольшой области можно ограничиться знаниями лишь одного человека. Для большинства экспертных систем мы хотим получить объединенные знания многих специалистов-практиков. А пока что нет никакой возможности объединить, скажем, Рика Грина и Джерри Сейнфилда или построить комбинированную нейронную сеть Стефена Хокинга и Мордехая Алми. И хотя я возлагаю большие надежды на эту технологию, боюсь, что большая часть получаемых нами заказов сведется к дублированию мозгов президентов-диктаторов разных компаний, которые, как правило, воображают, что и с того света смогут руководить своими преемниками.

Питер кивнул.

— Кроме того, — продолжал Саркар, — полные копии нейронных сетей мозга оказываются чудовищно расточительным использованием ресурсов компьютеров. Когда мы создали РИКГРИН, нас интересовало лишь его чувство юмора. Но система выдает абсолютно все, что знает Рик, в том числе его взгляды на воспитание детей, бездонный кладезь познаний об игрушечных поездах, которые являются его хобби, и даже его

способы приготовления пищи — словом, все то, чему не захотел бы подражать ни один здравомыслящий человек.

— А разве ты не мог выбросить из модели лишнее и оставить только чувство юмора?

— Это трудно. Мы все точнее можем определять, чем именно занимается каждая нейронная сеть, но между ними существует слишком тесная взаимосвязь. Когда мы попытались убрать ту часть системы, где хранились знания о воспитании детей, то обнаружили, что наша система перестала шутить насчет семейной жизни.

— Но ты все же можешь воссоздать на компьютере точную копию мышления конкретного человека?

— Это совершенно новая технология, Питер. Но пока что да, воспроизведение представляется нам вполне точным.

— И ты можешь, по крайней мере частично, расшифровать назначение отдельных нейронных взаимосвязей?

— Да, — подтвердил Саркар. — Опять же, мы пока пробовали это делать лишь на прототипе РИКГРИН — но это ограниченная модель.

— А после того как ты определишь функцию некоторой нейронной сети, ты можешь удалить

ее из общей модели мозга?

— С той оговоркой, что удаление какой-то одной части системы может сказаться на функционировании остальных ее частей. Да, пожалуй, мы достигли того уровня, когда этого можно добиться.

— Вот и отлично, — подытожил Питер. — Тогда позволь предложить тебе один эксперимент. Предположим, что мы сделали две копии сознания конкретного человека. В одной из них ты отсекаешь все, что связано с его физическим телом: реакции на гормоны, половое влечение и прочие подобные вещи. А во второй копии ты удаляешь все, что связано с деградацией тела, с боязнью старости и смерти, и тому подобное.

Саркар съел клецку из мацы.

— А для чего это нужно?

— Первая модифицированная копия будет ответом на вопрос, который мне постоянно все задают: на что в действительности похожа жизнь после смерти? Какая часть человеческой души может выдержать расставание с телом? А пока мы будем это выяснять, я решил сделать еще одну модель — имитацию существа, знающего, что оно бессмертно, вроде человека, подвергшегося этому процессу «Неограниченной жизни».

Саркар перестал жевать. Он разинул рот, явив взору Питера малопривлекательное зрелище пережеванной клецки.

— Это... это невероятно, — выговорил он наконец с набитым ртом. — Сабханалла, какая потрясающая идея.

— Ты мог бы это сделать?

Саркар наконец проглотил свою клецку.

— Может быть, — ответил он, задумчиво почесав затылок. — Электронная эсхатология. Крутая идея.

— Тебе придется сделать два сканирования мозга.

— Сканирование мы сделаем всего один раз. Затем мы просто дважды скопируем данные.

— Ты хочешь сказать, один раз скопируем.

— Нет, дважды, — пояснил Саркар. — Ты же знаешь, нельзя проводить эксперимент без контроля.

— Верно, — согласился Питер, слегка смущенный. — Во всяком случае, мы сделаем одну копию, которую будем затем модифицировать, чтобы смоделировать посмертную жизнь. Назовем ее... назовем ее Духом. И еще одну, чтобы смоделировать бессмертие.

— А третью мы оставим без изменений, — пред-

ложил Саркар. — Основная или контрольная версия. С ней мы будем сравнивать исходного живого человека, чтобы убедиться, что модели с течением времени сохраняют свою верность оригиналу.

— Замечательно, — обрадованно воскликнул Питер.

— Но знаешь ли, Питер, вовсе не обязательно будет моделировать подлинную жизнь после смерти. Это просто жизнь вне физического тела — но откуда нам знать, что душеграмма несет с собой какие-нибудь из наших воспоминаний? А если нет, то это по большому счету нельзя назвать продолжением существования. Без наших воспоминаний, нашего прошлого, того, кем мы были, ничто не может быть признано в качестве продолжения той же личности.

— Я знаю, — сказал Питер. — Но если душа — как это обычно принято считать — просто сознание без тела, — то эта модель по крайней мере позволит получить некоторое представление о том, на что будет похожа такая душа. Тогда я хоть смогу ответить что-то разумное, когда меня в следующий раз спросят: «На что похожа загробная жизнь?»

Саркар кивнул.

— Но зачем исследовать бессмертие?

— Не так давно я посетил один из этих семинаров «Неограниченной жизни».

— В самом деле? Питер, ведь ты же не собираешься стать бессмертным.

— Я... я не знаю. Идея, конечно, сногсшибательная.

— Это же глупо.

— Возможно, но мне кажется, мы могли бы этим исследованием убить двух зайцев.

— Может быть, — согласился Саркар. — Но кого мы будем моделировать?

— Как насчет тебя? — спросил Питер.

Саркар сделал протестующий жест.

— Нет, только не меня. Меньше всего на свете я хотел бы жить вечно. Истинная радость возможна лишь после смерти; я предвкушаю блаженство, которое будет даровано моей воплощенной в следующем мире душе. Нет, это ты, Питер, задал эти вопросы. Почему бы не использовать тебя?

Питер погладил себя по подбородку.

— Хорошо. Если ты захочешь осуществить этот проект, я согласен и финансировать его, и быть для него морской свинкой. — Он помолчал. — Это поможет ответить на некоторые действительно важные вопросы, Саркар. В конце концов, мы

теперь знаем, что существуют и физическое бессмертие, и какая-то форма загробной жизни. Было бы обидно ошибиться в выборе.

— Хобсонов выбор, — заметил Саркар.

— Что?

— Не можешь же ты не знать этой фразы. В конце концов, твоя фамилия Хобсон.

— Я пару раз, кажется, слышал это выражение.

— Оно связано с именем Томаса Хобсона, владельца платной конюшни в Англии, кажется, в семнадцатом веке. Он давал лошадей напрокат, но требовал от своих клиентов, чтобы они либо брали лошадь, которая в тот момент оказалась ближе всех к двери конюшни, либо вообще оставались без лошади. Хобсонов выбор — это такой выбор, который не предлагает никакой альтернативы.

— И что это значит?

— То, что у тебя нет выбора. Ты что, серьезно думаешь, что, если бы ты разорился, купив нанотехнологическое бессмертие, Аллах не смог бы забрать тебя к себе, если бы захотел? У тебя есть своя судьба, так же как и у меня. У нас нет выбора. Когда тебе придет пора зайти в конюшню, лошадь, которая окажется ближе к двери, и будет той, что тебе предназначена. Называй это

хобсоновским выбором, или кадар Аллах, или кисмет — как бы ты это ни называл, суть одна — это божественное предопределение.

Питер покачал головой. Они с Саркаром редко говорили на религиозные темы, и он не очень-то задумывался почему.

— Ты возьмешься за этот проект?

— Конечно. Моя часть проста. Это тебе придется столкнуться лицом к лицу с самим собой. Ты увидишь свою собственную личность, внутренние пружины твоего сознания, взаимосвязи, которые направляют твои мысли. Ты действительно хочешь этого?

Питер на секунду задумался.

— Да, — твердо произнес он. — Я делаю свой выбор.

Саркар слегка улыбнулся, добавив:

— Хобсонов выбор. — И помахал официанту, чтобы тот принес счет.

ОБЗОР СЕТЕВЫХ НОВОСТЕЙ

Хьюстонская епархия, Техас, хотела бы напомнить всем, что следующая среда 2 ноября — это День поминовения усопших — тот день, когда возносятся молитвы за души, пребывающие в чистилище. Из-за недавнего всплеска интереса к этому вопросу в планетарии в среду вечером в 8:00 будет отслужена специальная месса.

Редакционная статья на первой странице ноябрьского выпуска журнала «Наши тела», издаваемого движением «Женский порядок», штаб-квартира которого расположена в Манчестере, Англия, объявляет открытие так называемых эмбриональных душеграмм «еще одной попыткой мужчин добиться контроля над телами женщин».

Книга Раймона Моуди «Жизнь после жизни», впервые опубликованная в 1975 году, переиздана на этой неделе издательством «Нетбукс» и немедленно заняла второе место в ежедневном списке бестселлеров газеты «Нью-Йорк тайме» в категории модной нехудожественной литературы.

После оживленных торгов акции компании

«Хобсон мониторинг Лимитед» при закрытии биржи продавались по курсу 57 1/8, что на 6 3/8 выше, чем днем раньше. Всего было продано 35 100 акций. Это самое большое за последний год повышение курса акций этой торонтской фирмы, производящей биомедицинское оборудование.

Сегодня перед особняком клиники-абортария Моргенталера в Торонто, провинция Онтарио, состоялась демонстрация членов организации «Защитники нерожденных». Участница демонстрации протеста Антоула Сотириос заявила: «Аборт до появления душеграммы все равно является грехом в глазах Господа. В первые девять недель беременности эмбрион является храмом, который подготавливается к прибытию божественной искры».

ГЛАВА 17

В четверг вечером Питер сидел дома. Он уже давно запрограммировал домашний компьютер просматривать телепрограммы в поисках тематических или развлекательных передач, которые могли бы его заинтересовать. Вот уже два года как он оставил постоянно действующую инструкцию записать на видео телефильм «Ночной охотник» — картину, которую он впервые увидел подростком, — но пока она еще не появлялась на экране. Он также просил предупредить его, если будут показывать какой-нибудь фильм Орсона Уэлса или ток-шоу с участием Ральфа Надера или Стефена Джея Гулда, а также любые эпизоды сериала «Ночной суд», в которых снимался Брент Спикер.

Сегодня вечером каирское телевидение показывало Уэлса в фильме «Чужой» на английском с арабскими субтитрами. В его видеомагнитофоне был стиратель субтитров — он сканировал участки кадра рядом с субтитрами и кадры, следовавшие непосредственно до и после появления субтитра, и экстраполировал изображение на участках, затемненных надписями. Неплохая

находка: Питер не видел «Чужого» уже двадцать лет. Его видеомагнитофон тихо зажужжал, записывая передачу.

Может быть, он посмотрит ее завтра. Или в субботу.

Кэти, сидевшая в другом конце комнаты, кашлянула и сказала:

— Мои сослуживцы спрашивают о тебе. О нас.

Питер почувствовал, что его плечи напряглись.

— Да?

— Ты же знаешь: почему мы не появляемся на их сборищах по пятницам?

— И что ты им сказала?

— Ничего. Нашла какую-то отговорку.

— А они... они знают, как ты думаешь, о том... о том, что случилось?

Она подумала.

— Трудно сказать. Хотелось бы думать, что нет, но...

— Но у этого козла Ханса есть рот.

Она промолчала.

— Ты что-нибудь слышала? Двусмысленные реплики? Намеки? Что-нибудь, что могло навести на мысль, что твои сослуживцы знают?

— Нет, — ответила Кэти. — Ничего.

— Ты уверена? Она вздохнула:

— Можешь мне поверить, я очень чутко реагировала на все разговоры. Если они и сплетничали у меня за спиной, то пока я их за этим не застукала. Никто не сказал мне ни слова. Мне кажется, они не знают.

Питер покачал головой:

— Я... я не думаю, что смог бы это вынести, если бы они знали. Я имею в виду, встречаться с ними. Это... — он замолчал, подыскивая подходящее слово, — ...унизительно.

Она слишком хорошо его знала, чтобы отвечать на подобные тирады.

— Черт, — взорвался Питер. — Я ненавижу все это. Я и в самом деле все это ненавижу.

Кэти кивнула.

— И все же, — сказал Питер, несколько успокоившись, — мне кажется... мне кажется, что, если мы хотим хоть когда-нибудь снова жить нормальной жизнью, нам нужно начать выходить из дома, встречаться с людьми.

— Дэнита тоже считает, что это было бы разумно.

— Дэнита?

— Мой консультант.

— А-а.

Она немного помолчала, потом добавила:

— Ханс сегодня уехал из города, отправился на какую-то конференцию. Если мы завтра после работы проведем вечер с моими друзьями, его там не будет.

Питер сделал глубокий вдох и с шумом выдохнул.

— Ты уверена, что его не будет? — спросил он.

Она кивнула.

Питер какое-то время молчал, собираясь с мыслями.

— Хорошо, — решил он наконец. — Я попробую, если мы пробудем там не слишком долго. — Он посмотрел ей в глаза. — Но тебе лучше бы не ошибиться насчет его отсутствия. — В голосе Питера послышались нотки, которые Кэти до сих пор никогда не слышала, холодная, как камень, горечь. — Если я его еще раз увижу, я убью его.

Питер пришел в «Согбенный епископ» пораньше, чтобы наверняка сесть рядом с женой. Служащие «Дуоп эдвертайзинг» нашли на этот раз длинный стол посредине зала, так что они все сидели в капитанских креслах. Питеру удалось устроиться рядом с Кэти. Напротив него оказался псевдоинтеллектуал. Его приборчик-книгочей был на этот раз заряжен Камю.

— Добрый вечер, док. — Голос Псевдо звучал приветливо. — В последние дни о вас много шумят в прессе.

Питер кивнул:

— Привет.

— Что-то вы сегодня рановато, — не унимался Псевдо.

И тут Питер понял, какую допустил ошибку. Все должно было быть в точности, как прежде. Ему не следовало делать ничего, что могло бы привлечь внимание к нему или к Кэти.

— Прячусь от репортеров, — небрежно бросил он. Псевдо понимающе кивнул и поднес к губам стакан темного эля.

— Могу вас обрадовать — Ханса сегодня не будет. Питер почувствовал, что краснеет, но в полумраке паба, возможно, этого никто не заметил.

— Что вы имеете в виду? — Питер намеревался произнести это небрежным тоном, как бы между прочим, но вопреки его воле вопрос, несомненно, прозвучал немного раздраженно. Кэти под столом похлопала его по колену.

Псевдо удивленно поднял брови:

— Ничего, док. Просто вы с ним, похоже, не всегда ладили. В прошлый раз он здорово вас

поддел.

— А-а. — Появилась официантка. — Апельсиновый сок, — попросил Питер.

Официантка вопросительно посмотрела на Кэти.

— Минеральной воды, — поспешно заказала Кэти. — С лимоном.

— Ничего не пьешь сегодня? — удивился Псевдо, словно сама эта мысль была вызовом всем приличиям.

— У меня, э-э... болела голова, — пробормотала Кэти. — Я приняла аспирин.

Лжи теперь конца не будет, мрачно подумал Питер. Не может же она сказать: «Я бросила пить, потому что когда в последний раз напилась, то позволила своему сослуживцу трахнуть меня». Питер почувствовал, как сжимаются под столом его кулаки.

Появилась еще парочка знакомых Кэти, мужчина и женщина, оба средних лет, оба чуть полноватые. Кэти поздоровалась с ними.

— Маловато сегодня народу, — заметил мужчина. — А где Ханс?

— В Бинтауне, — охотно отозвался Псевдо. Питер с отвращением подумал, что тот поди весь день дожидался возможности ввернуть

это словечко — Бинтаун — шутливое прозвище Бостона. — На конференции по интерактивному телевидению.

— Ги-ии, — как лошадка, заржала женщина. — Без Ханса это уже будет не то.

Ханс, подумал раздраженно Питер. Ханс. Ханс. Каждый раз звук этого имени воспринимался им как удар ножом. Эти люди когда-нибудь слышали о местоимениях?

Официантка снова появилась и поставила перед Кэти апельсиновый сок какого-то странного цвета, должно быть, из порошка, а перед Питером небольшую бутылку «Перье» и стакан с надетым на его край надрезанным ломтиком лимона. Для нее все безалкогольные напитки, подумал он, очевидно, одинаковы. Питер и Кэти поменялись своими напитками, а официантка приняла заказы от опоздавших.

— Как дела, ребята? — Только что вошедший мужчина взмахом руки поприветствовал супругов Хобсон.

Кэти улыбнулась:

— Отлично.

«Почему он это спросил? — молнией пронеслось в голове у Питера. — Что он знает?»

— Отлично, — как эхо, повторил он вслед за

женой. — Просто отлично.

— Тебя то и дело показывают по телевизору, Питер, — обратился к нему Псевдо. — Куда-нибудь скоро поедешь?

«Ну уж в этот вонючий Бинтаун я точно не поеду».

— Нет, — воскликнул Питер, затем он чуть помолчал и добавил: — Возможно.

— У нас пока нет никаких определенных планов, — дипломатично выручила его Кэти. — Но у Питера понимающий босс. — Короткие смешки тех, кто знал, что Питер и был главой собственной компании. — Мне нужно посмотреть, как у меня сейчас с работой. Вот-вот придется сдавать большой заказ туристической фирмы.

Женщина сочувственно кивнула. Было ясно, что ей тоже отравляла жизнь эта конкретная работа.

Появилась официантка с новыми напитками. Одновременно в паб вошел Тоби Бейли, еще один сослуживец Кэти.

— Добрый вечер, — бодро сказал Тоби. Он показал официантке, чтобы ему принесли то же, что и Псевдо. — А где Ханс?

— В Бостоне, — рявкнул Питер, предотвратив еще одно произнесение слова «Бинтаун». Псевдо

выглядел слегка разочарованным.

— А Донна-Ли поехала с ним?

— Нет, насколько мне известно, — с готовностью подхватил Псевдо.

— Что ж, какая-нибудь американская красотка сегодня вечером неплохо поживится, — сказал Тоби таким тоном, словно иначе и быть не могло. Многие захихикали. Похоже, Ханс своим отсутствием привлекал к себе почти столько же внимания, как и своим присутствием. Питер извинился и под предлогом, что ему нужно вымыть руки, вышел из-за стола.

— Что же, — философски заметил Псевдо, когда Питер удалился, — даже богатым и знаменитым время от времени приходится сливать водичку.

Питер все больше злился, спускаясь по лестнице в небольшой подвал, где были две комнаты отдыха и пара телефонов-автоматов. На самом деле ему вовсе не нужно было вставать из-за стола, но ему хотелось немного побыть в тишине и покое, разобраться в ситуации. Все выглядело так, словно они все смеялись над ним. Как будто они все знали.

Конечно, они знали. Питер в прошлом сам слышал довольно часто, как Ханс похвалялся своими победами. Боже, они все наверняка знали обо

всех его похождениях.

Он прислонился к стене. Красотка с рекламного плаката улыбалась ему со стены напротив. Конечно, было большой ошибкой приходить сюда.

Но погоди-ка, если сослуживцы Кэти знали, то они наверняка знали это уже несколько месяцев. В первый раз Кэти и Ханс сделали это очень давно. Питер попытался вспомнить свой последний приход сюда, а затем и предпоследний. Были ли тогда какие-либо признаки того, что они знают? Действительно ли сегодня вечером они вели себя иначе?

Ясности не было. Все казалось теперь совершенно иным. Абсолютно все.

Это такое унижение, если они знают. В его частную жизнь вторглись. У всех на глазах.

Унижен. Оскорблен.

Боже, Хобсон не умеет держать бабу в руках, а?

Черт бы все это побрал.

Жизнь прежде была такой простой.

Это было ошибкой.

Он побрел обратно к столу.

Он выдержит это еще час. Он взглянул на часы. Да. Шестьдесят минут. Это он сможет вынести.

Может быть.

Питер и Кэти молча подошли к двери своего

дома. Питер прикоснулся большим пальцем к дактилоскопическому датчику и услышал, как щелкнул запорный механизм. Он шагнул через порог в вымощенную плиткой прихожую и начал снимать уличную обувь. Девять туфель Кэти красовались в ряд у дверцы шкафа.

— Для них что, другого места не нашлось? — проворчал Питер.

— Извини, — мягко сказала Кэти.

— Имею я право войти в собственный дом, не спотыкаясь всякий раз о твои туфли?

— Извини. — Она всеми силами старалась избежать ссоры.

— У тебя же есть в спальне полка для туфель.

— Сейчас я отнесу их туда.

Питер поставил свои туфли на коврик.

— Ты хоть раз видела, чтобы я разбрасывал здесь свою обувь? Никогда.

Кэти молча кивнула. Питер прошел в гостиную.

— Компьютер, были ли сообщения? — рявкнул он.

— Никаких, — ответил синтезированный голос.

Он подошел к дивану, схватил пульт дистанционного управления и начал переключать каналы.

На свободных каналах раздавался гудок.

— Псевдоинтеллектуал сегодня был в хорошей форме, — саркастически заметил Питер.

— Йонас, — поправила Кэти. — Его зовут Йонас.

— На кой хрен мне знать, как его зовут?

Кэти тихонько вздохнула и пошла заварить чай. Питер знал, что ведет себя низко. И не хотел, чтобы все так закончилось. Он надеялся, что сегодняшний вечер пройдет хорошо, надеялся, что все наладится и они смогут зажить, как раньше, как у них было всегда.

Но что-то не сработало.

Сегодняшний вечер это доказал.

Он больше никогда не сможет общаться с ее сослуживцами. Даже когда там не было Ханса, один вид этих людей напоминал Питеру о том, что она сделала, о том, что сделал Ханс.

Питеру было слышно, как на кухне звякает в фарфоровой чашке ложечка. Это Кэти размешивала молоко, которое она добавила в чай.

— Ты не хочешь ко мне присоединиться? — крикнул он.

Она появилась в проеме кухонной двери с застывшим на лице выражением холодного безразличия.

Питер положил пульт и внимательно посмотрел на нее. Она старалась помогать ему, стойко перенося все невзгоды. Он не хотел вести себя с ней низко. Он просто хотел, чтобы у них было все, как раньше.

— Извини, мне жаль, — отвернувшись, с горечью сказал Питер.

Кэти кивнула, уязвленная, но не сломленная:

— Я знаю.

ГЛАВА 18

Возглавляемая Саркаром Мухаммедом фирма, разрабатывающая заказные экспертные системы, называлась «Зеркальное отражение». Ее служебные помещения располагались в Конкорде, небольшом городке к северу от Торонто. Питер встретился там с Саркаром утром в субботу, и Саркар повел его на второй этаж в недавно оборудованную лабораторию сканирования мозга. Раньше там помещалась обычная контора. На ковре все еще виднелись вмятины там, где прежде стояли ящики картотеки. Большое окно сейчас было наглухо заделано фанерными панелями, чтобы снаружи в помещение не проникал свет, а стены были обиты серой вспененной резиной, отформованной наподобие картонных прокладок для яиц, чтобы заглушать любой шум. В середине комнаты возвышалось старое зубоврачебное кресло, смонтированное на винтовой подставке, а вдоль одной из стен тянулся длинный лабораторный стол, сплошь заставленный персональными компьютерами, всевозможными осциллографами и другим оборудованием.

Тут же валялись ничем не прикрытые платы с микросхемами.

Саркар торжественно указал Питеру на зубоврачебное кресло.

— У меня такое чувство, что я немного спятил, — смущенно пошутил Питер.

Саркар улыбнулся:

— Мы собираемся заняться всем, что есть в твоем уме, получить полную запись всего, что происходит в твоем мозгу. — Он надел сканирующий шлем на голову Питера.

— Лехаим. — Питер поудобнее устроился в кресле.

Саркар свободно закрепил у него под подбородком ремень шлема и жестом велел Питеру затянуть его потуже.

— Второму приготовиться, — отчеканил Питер, пародируя команду, отдаваемую парашютисту перед прыжком. — Затяжным на четыре ярда под землю.

Саркар протянул Питеру два маленьких наушника-вкладыша, и Питер вставил их в уши. И наконец, Саркар вручил ему специальные очки-стимуляторы — они проецировали испытательные видеокартинки, предназначенные для каждого глаза в отдельности.

— Дыши через нос, — распорядился Саркар. — И постарайся как можно реже делать глотательные движения. Кроме того, постарайся не кашлять.

Питер кивнул.

— И этого тоже не делай, — прибавил он. — Не кивай. Я буду считать, что ты понимаешь мои указания, и без подтверждения с твоей стороны. — Он подошел к рабочему столу и нажал несколько клавиш на клавиатуре персонального компьютера. — Во многих отношениях это будет посложнее, чем то, что сделал ты, регистрируя исход душеграммы. Там ты просто искал любую электрическую активность мозга. Тут же нам придется стимулировать твой мозг неисчислимым количеством самых разнообразных раздражителей, чтобы активировать каждую нейронную сеть — ведь большинство этих сетей почти всегда неактивны.

Он нажал еще несколько клавиш.

— Ну вот, теперь мы уже записываем. Не торопись, выбери удобную позу, можешь не беспокоиться — у тебя есть еще несколько минут; все равно калибровка займет примерно столько же времени. — Он, как показалось Питеру, ужасно долго провозился, внося небольшие изменения в настройку прибора. — А теперь, как мы с тобой

обговорили, — продолжал Саркар, — ты будешь получать серию сигналов-стимулов. Некоторые из них будут акустическими — произнесенные слова или звуки, записанные на аудиокассету. Другие — визуальными: ты увидишь картинки или слова, проецируемые тебе в глаза. Я знаю, что ты говоришь по-французски и немного по-испански; некоторые стимулы будут на этих языках. Сосредоточься на том, что ты видишь и слышишь, но не волнуйся, если твое внимание начнет рассеиваться. Если я покажу тебе дерево и это наведет тебя на мысли о древесине, а древесина — на мысль о бумаге, а бумага заставит подумать о бумажных самолетиках, что, в свою очередь, вызовет воспоминания о скверной пище, предлагаемой пассажирам авиарейсов, то это вполне нормально. Однако не старайся специально выдумывать подобные связи: это не упражнение на свободные ассоциации. Мы просто хотим отобразить те нейронные сети, которые существуют в твоем мозгу, и выяснить, какие стимулы их возбуждают. Готов? Нет: ты снова кивнул. Хорошо, приступаем.

Сначала Питеру показалось, что он смотрит стандартный набор тестовых изображений, но вскоре ему стало ясно: Саркар дополнил его кар-

тинками, предназначенными специально для Питера. Здесь были портреты родителей Питера, фотографии дома, в котором они с Кэти живут сейчас, и того, где они жили прежде, любительские снимки коттеджа Саркара, фотография самого Питера, сделанная в день окончания им средней школы, отрывки магнитофонной записи голоса Питера и голоса Кэти, и так далее, и так далее, ретроспектива «Это твоя жизнь», перемешанная с типичными видами озер, лесов, футбольных полей. Они перемежались с простыми математическими формулами, стихотворными строками и кадрами сериала «Звездный марш», с обрывками популярной музыки, которую Питер слышал подростком, с произведениями искусства и порнографическими картинками, с какими-то расплывчатыми пятнами, которые с одинаковым успехом могли быть портретом Эйба Линкольна, или собачьей мордой, или вообще ничего не изображали.

Время от времени Питеру становилось скучно, и его мысли сами собой возвращались к событиям вчерашнего вечера — этого злосчастного вечера, проведенного с сослуживцами Кэти. Проклятие, и зачем он только согласился туда пойти.

Чертов Ханс.

Он даже не мог мотнуть головой, чтобы отогнать от себя эти мысли, но усилием воли снова старался сосредоточиться на картинках и звуках. И все же периодически они тоже вызывали у него неприятные воспоминания: изображение рук, заставившее его подумать о Хансе, свадебная фотография Питера и Кэти, паб, припаркованная машина.

Нейронные сети возбуждались.

Они провели четыре таких двухчасовых сеанса сканирования с получасовыми перерывами, чтобы Питер мог потянуться, поработать челюстями, попить воды и сходить в ванную. Иногда фонограмма подкрепляла визуальные образы — он увидел изображение Мика Джеггера и услышал его композицию «Удовлетворение». Иногда эти образы странно противоречили друг другу — зрелище умирающего от голода эфиопского ребенка сопровождалось звуками эоловой арфы. А иногда образы, которые показывали его левому глазу, отличались от тех, что проецировались в правый, или звуки, проигрываемые в левое ухо, не имели ничего общего с теми, что были адресованы правому.

Наконец все это осталось позади. Просмотрены десятки тысяч картинок, записаны гигабайты

данных. И датчики шлема отобразили каждый уголок и складочку, каждую магистраль и боковую улочку, каждый нейрон и каждую нейронную сеть мозга Питера Хобсона.

Саркар взял диск с результатами сканирования мозга и понес его вниз, в компьютерную лабораторию. Он вставил его в дисковод рабочей станции, предназначенной для исследований по искусственному интеллекту, и скопировал все эти данные в каждый из трех отдельных сегментов ее оперативной памяти, создав тем самым три идентичные копии мозга Питера, каждая из которых была изолирована в своем собственном банке данных.

— И что теперь? — спросил Питер. Усевшись верхом на складной стул, он опирался подбородком на свои ладони, сложенные на спинке стула.

— Сначала мы их пометим. — Саркар, сидя на высокой табуретке, которую он предпочитал обычным стульям, заговорил в микрофон, стоявший перед ним на столе. — Логин, — сказал он.

— Имя пользователя? — произнес бесстрастный компьютерный голос.

— Саркар.

— Хелло, Саркар. Команда?

— Переименовать Хобсон 1 в Дух.

— Пожалуйста, произнесите по буквам новое название.

Саркар вздохнул. Несомненно, слова «дух» не могло не быть в словаре компьютера, но произношение Саркара временами ставило систему в тупик.

— Д-У-Х.

— Сделано. Команда?

— Переименовать Хобсон 2 в Амбротос.

— Сделано. Команда?

Питер удивился:

— Почему «Амбротос»?

— Это греческое слово, означающее «бессмертный», — пояснил Саркар. — От этого же корня происходит слово «амброзия» — пища, делающая бессмертными тех, кто ее вкушает.

— Ох уж это мне классическое образование в частных школах, — покачал головой Питер.

Саркар улыбнулся:

— Оно самое. — Он снова обернулся к микрофону. — Переименовать Хобсон 3 в Контроль.

— Сделано. Команда?

— Загрузить Дух.

— Загружен. Команда?

— Все. — Саркар с облегчением вздохнул и обернулся к Питеру. — Дух должен моделировать

жизнь после смерти. Чтобы это сделать, мы начнем удалять все чисто биологические функции. В действительности это, конечно, не настоящее удаление участков сознающего мозга, а всего лишь отсоединение некоторых нейронных сетей. Чтобы узнать, какие связи необходимо разорвать, мы используем Библиотеку стимулов Далхузи. Это канадская версия набора стандартных изображений и звукозаписей, первоначально созданная в Мельбурнском университете; она часто применяется при психологическом тестировании. Предъявляя Духу поочередно каждое изображение или звукозапись, мы запишем, какие нейроны при этом возбуждаются.

Питер понимающе кивнул.

— Эти стимулы систематизированы по типу эмоций, которые они должны вызывать, — страх, отвращение, сексуальное возбуждение, голод и так далее. Мы постараемся понять, какие нейронные сети активируются исключительно биологическими потребностями, и затем занулим их потенциалы. Разумеется, нам придется предъявлять набор стимулов несколько раз в случайном порядке. Это связано с потенциалами действия: сети могут не возбудиться, если похожая комбинация нейронов недавно воз-

буждалась каким-то другим стимулом. Когда мы это закончим, у нас получится версия твоего сознания, примерно моделирующая то, кем бы ты был, если бы был свободен от всяких забот об удовлетворении телесных потребностей, другими словами — кем бы ты был, если бы был мертв. После этого мы сделаем то же самое с Амбротосом, бессмертной версией, но в этом случае вырежем все, что связано со страхом старения и смерти.

— А как мы поступим с контрольной версией?

— Я предъявлю ей те же визуальные и звуковые стимулы, просто чтобы она претерпела те же экспериментальные воздействия, что и первые две, но не буду занулять никаких ее сетей.

— Отлично.

— Тогда продолжим. — Саркар снова повернулся к микрофону. — Начать процедуру Далхузи, четвертый вариант.

— Выполняется, — сказал компьютер.

— Оценить время до завершения.

— Одиннадцать часов девятнадцать минут.

— Сообщить, когда закончится. — Саркар повернулся к Питеру. — Я уверен, что тебе не захочется ждать окончания всей этой процедуры, но ты можешь посмотреть, что я показываю Духу, на том мониторе.

Питер взглянул на экран. Бабочка «монарх», вылупляющаяся из кокона. Город Банф, провинция Альберта. Хорошенькая женщина, адресующая камере поцелуй. Какая-то кинозвезда восьмидесятых годов, которую Питер почти узнал. Двое мужчин занимаются боксом. Горящий дом...

ГЛАВА 19
Ноябрь, 2011

Рано утром в воскресенье Саркар позвонил Питеру и сообщил об окончании обучения и модификации его компьютерных двойников. Кэти не было дома, она пошла взглянуть на гаражную распродажу — хобби, притягательность которого Питер никогда не мог понять, — так что, оставив ей послание на домашнем компьютере, он вывел свой «мерседес» и поехал к лабораторному корпусу «Зеркального отражения» в Конкорде.

Как только они встретились в компьютерной лаборатории, Саркар приступил к делу:

— Попробуем сначала активировать контрольную модель. — Питер не возражал. Саркар нажал несколько клавиш и заговорил в длинный цилиндрический микрофон, торчавший из приборной консоли: — Привет.

Какой-то незнакомый синтезированный голос неуверенно донесся из динамика:

— П-привет?

— Привет, — повторил Саркар. — Это я, Саркар.

— Саркар! — Теперь в голосе чувствовалось

облегчение. — Что, черт возьми, происходит? Я ничего не вижу.

Питеру стало не по себе. Имитационная модель оказалась куда более реалистичной, чем он ожидал.

— Все нормально, Питер, — спокойно произнес Саркар в микрофон. — Не волнуйся.

— Я что... попал в аварию? — Голос из динамика, казалось, с трудом произносит слова.

— Нет, — ответил Саркар. — Нет, с тобой все в порядке.

— Значит, произошла авария в энергосети? Который сейчас час?

— Примерно одиннадцать сорок.

— Вечера или утра?

— Утра.

— Почему тогда здесь так темно? И что случилось с твоим голосом?

Саркар повернулся к Питеру:

— Скажи ему сам.

Питер прокашлялся:

— Привет, — сказал он.

— Кто говорит? Это все еще ты, Саркар?

— Нет, это я. Питер Хобсон.

— Это я — Питер Хобсон.

— Нет, это не так. Питер Хобсон — это я.

— О чем, черт возьми, вы говорите?

— Ты — имитационная модель. Компьютерный двойник. Мой двойник.

Наступила долгая пауза. Затем из динамика раздалось:

— Ох!

— Ты веришь мне? — как можно мягче спросил Питер.

— Кажется, да, — донеслось из динамика. — Я хочу сказать, что помню, как обсуждал этот эксперимент с Саркаром. Я помню — я помню все, вплоть до сканирования мозга. — Молчание, а затем: — Черт, ты и в самом деле сделал это, да?

— Да, — подтвердил Саркар.

— Кто это? — спросил голос из динамика.

— Саркар.

— Я не могу различить ваши голоса, — проворчал двойник. — Они звучат совершенно одинаково.

Саркар кивнул:

— Справедливое замечание. Я внесу изменения в программу, чтобы можно было различать наши интонации. Прости, что не подумал об этом раньше.

— Это не важно, — сказал двойник. — Спасибо. — А затем: — Боже, великолепная работа. Я чув-

ствую себя... я чувствую себя совсем как раньше. Кроме... кроме того, что я не голоден. И не устал. И у меня ничего не болит. — Слабый стук. — Скажи... а какая я модель?

— Ты Контроль, — ответил Саркар, — основа для сравнения, первый, кого мы активировали. У меня действительно есть подпрограммы, имитирующие множество сенсорных сигналов, в том числе голод и усталость. Но я как-то не подумал о том, что надо бы смоделировать нормальные телесные ощущения вроде зуда, мелких болячек и недомоганий. Сожалею об этом.

— Все нормально, — успокоил его двойник. — Я даже не подозревал, насколько привык к тому, что у меня вечно что-нибудь зудело, до той самой минуты, когда все эти ощущения полностью исчезли. И что... что теперь будет?

— Теперь, — в заключение сказал Саркар, — ты можешь делать все, что тебе заблагорассудится. Здесь и в сети есть множество доступных тебе программ и наборов входных данных.

— Спасибо. Боже, как это все странно.

— Теперь я хочу сделать тебя фоновым процессом, чтобы я смог заняться остальными моделями, — уточнил Саркар.

— Хорошо, но... эй, Питер, ты слышишь меня?

Питер удивленно поднял голову:

— Да?

— Везет же тебе, а? Ты хоть это понимаешь? Хотел бы я быть на твоем месте.

Питер хмыкнул.

Саркар коснулся нескольких клавиш.

— И чем они будут там заниматься, существуя в виде фоновых процессов?

— Ну, я предоставил им ограниченный доступ к сети. Они смогут загружать оттуда любые книги или газеты, которые им захочется почитать, но главное, что я им дал, — это доступ к сетевым библиотекам программ виртуальной реальности, подобранным для любителей разного рода развлечений. Они могут подключиться к имитациям почти всего, что только можно вообразить: подводного плавания, альпинизма, танцев — да чего угодно. Я также предоставил им доступ к европейскому эквиваленту зрелищных программ виртуальной реальности; в этом банке данных полно сексуальных имитаций. Так что им будет чем заняться: по тому, какие именно занятия выберет каждый из них, можно будет судить, как изменилась их психология.

— И как же она должна измениться?

— Видишь ли, настоящий ты никогда не стал

бы заниматься, скажем, парашютным спортом, но бессмертная версия, которая знает, что она не может погибнуть, вполне могла бы выбрать это занятие в качестве хобби. — Саркар набрал на клавиатуре еще несколько команд. — Раз уж мы заговорили о бессмертной версии, давай познакомимся с Амбротосом. — Еще несколько нажатий на клавиши, и он заговорил в микрофон. — Привет, — традиционно произнес он, — это я, Саркар.

Никакого ответа.

— Наверно, что-то не сработало, — подсказал Питер.

— Вряд ли, — ответил Саркар. — Все индикаторы выглядят отлично.

— Попробуй еще раз, — попросил Питер.

— Привет, — повторил Саркар. Молчание.

— Может быть, ты стер какую-нибудь сеть, контролирующую речь, — предположил Питер.

— Я был очень осторожен, — возразил Саркар. — Конечно, можно было проглядеть какую-нибудь незначительную взаимосвязь, но...

— Привет, — раздалось наконец из динамика.

— А, вот и он, — обрадовался Саркар. — Любопытно, почему он так долго тянул с ответом?

— Терпение есть добродетель, — назидательно

произнес голос. — Прежде чем отвечать, мне хотелось понять, что тут происходит. Я — имитация, верно? Питера Дж. Хобсона. Но я был модифицирован, чтобы моделировать бессмертное существо.

— Это абсолютно верно, — заметил Саркар. — Но как ты узнал, какой именно версией являешься?

— Ну я же знал, что ты собирался создать три штуки. А так как я не вполне чувствовал себя самим собой, то и заподозрил, что не являюсь контрольной версией. После этого оставалось просто спросить себя, ощущаю ли я половое возбуждение. Знаешь, как принято говорить — мужчины думают о сексе каждые пять минут. Я рассудил, что, будь я имитацией загробного существования, мои мысли были бы бесконечно далеки от секса. Как бы не так. Оказалось, я совсем не против с кем-нибудь переспать. — Пауза. — Но когда я понял, что мне все равно, произойдет это в нынешнем десятилетии или в следующем, все стало совершенно ясно. Потребность в немедленном удовлетворении своих желаний — непристойна. Ты, Саркар, можешь служить этому прекрасным примером: чуть не устроил истерику только потому, что я сразу не ответил на твое «Привет». Такое мышление представляется мне теперь

совершенно чуждым. В конце концов, у меня в запасе вечность.

Саркар улыбнулся.

— Отлично, — весело сказал он. — Кстати, мы называем тебя Амбротосом.

— Амбротосом? — переспросил голос из динамика.

Саркар обернулся к Питеру.

— Вот первое доказательство того, что наши имитации точны, — сказал он, все еще улыбаясь. — Мы успешно воспроизвели твое невежество. — Он снова заговорил в микрофон. — Амбротос — это греческое слово, означающее «бессмертный».

— А, вот оно что.

— Я хочу теперь запустить тебя в качестве фонового процесса, — объяснил Саркар. — Я вскоре снова поговорю с тобой.

— Раньше или позже — какая разница? — равнодушно отозвался Амбротос. — Я все равно буду здесь.

Саркар снова коснулся клавиш.

— Что же, с этим, похоже, тоже все нормально. Теперь посмотрим, как у нас обстоят дела с самой трудной моделью — Духом, то есть жизнью после смерти. — Он нажал еще несколько клавиш, вызывая последнюю версию. — Привет,

— в очередной раз повторил он. — Это я, Саркар Мухаммед.

— Привет, Саркар, — ответил синтезированный голос.

— Ты... ты знаешь, кто ты такой? — спросил Саркар.

— Я покойный, безвременно ушедший Питер Хобсон.

Саркар улыбнулся:

— Абсолютно точно.

— Покоюсь с миром в оперативной памяти. — Невидимый собеседник пытался острить.

— Кажется, ты не слишком удручен тем, что ты мертв? — спросил Саркар. — На что это похоже?

— Позволь мне немного освоиться, а потом я дам тебе знать.

Питер кивнул. Это было достаточно справедливое решение.

ГЛАВА 20

Два часа ночи. Питеру не спалось. С того самого дня, когда Кэти сделала свое признание, его мучила бессонница.

Как назло, согласно хобсоновскому монитору на стене, Кэти крепко спала и даже видела сны. Питер слышал рядом с собой ее ровное дыхание.

Они легли спать в полдвенадцатого. Два с половиной часа тому назад. За это время можно было бы прочесть короткую книгу, или посмотреть длинный фильм, или, если их предварительно записать на пленку и пропустить рекламные вставки, просмотреть три серии какого-нибудь одночасового сериала.

Но он ничего этого не сделал. Он просто лежал в темноте, ворочаясь с боку на бок и слушая жужжание вентиляторов на ночном столике.

У Питера пересохло во рту, и захотелось помочиться. Он встал с постели, не зажигая света вышел из спальни и спустился на первый этаж. Он зашел в ванную, затем, пошатываясь, прошел в гостиную и уселся на диван.

Хотя вертикальные шторы на окнах были за-

двинуты, в комнату просачивался рассеянный свет от наружного фонаря у входной двери. Словно глаза роботов, на него уставились крохотные красные и зеленые огоньки индикаторов предохранителей нескольких настенных розеток. Разноцветные огоньки и цифры электронных часов светились на панели видеомагнитофона. Питер похлопал по обивке дивана и нашел наконец гладкий черный пульт дистанционного управления. Он включил телевизор и начал переключать каналы.

Канал 29, из Буффало, штат Нью-Йорк: реклама набора для самостоятельной коррекции формы носа в домашних условиях. В случае неудачи гарантия возврата денег.

Канал 22, Западно-Канадская Глобальная Телесеть: «Ночная прогулка», самая пошлая из канадских телепередач — какой-то парень с видеокамерой шляется поздно ночью по улицам деловой части города. Поразительно, как его только не ограбили.

Канал 3, Барри, провинция Онтарио. Повторный показ «Звездного марша». Питеру нравилось играть в игру «назови этот эпизод»; обычно он отгадывал с одного кадра. На этот раз угадать было нетрудно: одна из немногих сцен, снятых

на натуре. И еще там была Джулия Ньюмар в светлом парике. «Растяпа», конечно. Не самая лучшая серия, но Питер помнил, что примерно через десять секунд Мак-Кой произнесет свою классическую фразу: «Я врач, а не эскалатор». Он дождался ее и снова стал переключать каналы.

Канал 12, франкоязычная программа Канадской телевещательной корпорации. На экране показывали хорошенькую женщину. Питер на основании долгого опыта знал, что если в ночном эфире франкоязычной программы появляется хорошенькая женщина, то не пройдет и пяти минут, как она окажется без лифчика. Тут он дожидаться не стал, хотя такая мысль у него и мелькнула, а решил снова пошарить по другим каналам.

Канал 47, Торонто, еще одна рекламно-информационная передача. Парики, изготовленные на основе новейших достижений генетической инженерии: накладные волосы (в действительности особый сорт травы, в котором хлорофилл заменен коричневым пигментом) действительно будут расти, так что даже лысеющие мужчины смогут услышать от своих приятелей: «Похоже, тебе пора подстричься, Джо». Питер, у которого и самого была лысина диаметром с хоккейную

шайбу, поразился столь глупому тщеславию. Хотя, наверно, его тесть мог бы воспользоваться подобной штукой.

Он снова тронул кнопки пульта. Мировые новости Би-би-си на канале новостей Си-би-эс.

Репортаж об этнических беспорядках в раздираемой войной Бразилии по Си-эн-эн.

Телетекст: сводка биржевых новостей.

Метеорологическая сеть: прогноз погоды на завтра в Окленде, Новая Зеландия, — как будто кому-нибудь в Канаде это может быть интересно.

Питер вздохнул. Огромная пустыня.

Пока на экране мелькали картинки, он думал об имитационных моделях, созданных Саркаром.

Саркар удалил некоторые особенности из двух моделей.

Отредактировал их. Убрал то, что ему было не нужно.

Возможно, информация об измене Кэти тоже окажется удаленной.

Тогда, возможно, моделям удастся хорошо выспаться.

Если бы так же просто было отредактировать и его воспоминания!

Он легко представил себе информационно-рекламную передачу об этом. Чувствуете себя

несчастными из-за чего-то? Виноватыми? Травмированными? Кто-то плохо с вами обошелся? Вы сами плохо обошлись с кем-то? Выбросьте к черту эти болезненные воспоминания! Сэкономьте состояние на психоаналитическом лечении. Наши операторы всегда готовы принять ваш заказ. Закажите сегодня. Возврат денег гарантируется.

Я врач, а не эскалатор.

Я муж, а не половая тряпка.

Я человек, а не компьютерная программа.

Три часа ночи. Новая волна рекламных роликов. Эпизоды из сериалов «Команда Альфа» и «Чужие горести» и даже доброго старого «Спенсер: Работа по найму».

Индекс Никкей упал на 200 пунктов. Ураганы обрушились на Куала-Лумпур.

— Питер? — Это был голос Кэти, тонкий и слабый.

Он поднял голову. В полумраке можно было разглядеть, что она стоит на лестнице в черной шелковой ночной рубашке. Когда они ложились спать, она не надевала ее.

До Питера внезапно дошла важность этой минуты. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как они в последний раз были близки. У него не было желания возобновить их близость, и она

тоже все это время казалась равнодушной. Но теперь, проснувшись ночью, как это часто бывало в последние дни, и обнаружив, что мужа нет рядом, она отправилась его искать.

Питер не знал, готов ли он заняться с нею любовью. Во всяком случае, сегодня он был расположен к этому ничуть не более, чем вчера или позавчера. Но она стояла там на лестнице, пытаясь под маской безразличия скрыть клокотавшие в ней чувства. Отвергнуть ее сейчас было бы непростительной ошибкой. Как знать, когда она в следующий раз наберется храбрости? Как знать, когда ему в следующий раз захочется попытаться начать что-нибудь заново?

Питер понимал, что напряженное молчание между ними слишком затягивается. У него прежде никогда не было трудностей с выполнением супружеских обязанностей — ему даже в голову не приходило, что с ним может это случиться. Но теперь... теперь все стало по-другому. Она стояла там, в полосах света, просачивающегося снаружи, ее тело выглядело подтянутым и упругим. Но Питер не видел этого, не видел очертания ее грудей, линии ее ног, он не видел ту женщину, которую прежде так сильно любил. Теперь он видел только отпечатки пальцев Ханса по всему ее телу.

Питер на мгновение закрыл глаза, затем снова взглянул на нее. Он хотел вновь увидеть Кэти прекрасной, хотел вновь ощутить желание.

Но не мог.

Поворотный пункт. Маска на ее лице дрогнула. Было похоже, что она вот-вот разревется. У него как-нибудь получится. Первый шаг к нормальной жизни. Он выключил телевизор, встал с дивана, подошел к ней, взял за руку и повел наверх.

Саркар оставил всех трех компьютерных двойников в покое, позволив им подключаться к тем виртуальным мирам, которые придутся им по вкусу, чтобы каждый из них мог развиваться в соответствии со своим изменившимся мироощущением.

Питеровым двойникам потребовалось не так уж много времени, чтобы найти друг друга. Да, Саркар поместил каждого из них в отдельном, изолированном от остальных сегменте оперативной памяти, но так как Питер Хобсон умел переносить данные из одного сегмента в другой, его воплощения из арсенида галлия тоже это умели.

И поэтому они встретились.

Они, конечно, знали, кто они такие. Данные. Программы. Нейронные сети.

Еще они знали, что попали в ловушку.

Питер и Саркар не уделили этому должного внимания.

Поймать сознание в ловушку было безответственным шагом.

Живой Питер Хобсон был окружен красками и запахами, прикосновениями и звуками, каждую минуту он воспринимал гигабайты данных, весь целостный, подлинный, материальный мир, мир грубого бетона и нежного бархата, уксуса, шоколада и поджаренного хлеба, глупых шуток, выпусков новостей и ошибочных цифр, солнечного, лунного, звездного и электрического света.

Все три двойника живо помнили, как хорошо быть настоящими созданиями из плоти и крови. Искусственные же миры, доступные им благодаря всемирной компьютерной сети, были лишены текстуры, глубину и материальности. Виртуальная реальность, как оказалось, была не более чем бессмысленным дребезжанием струн эоловой арфы и даже еще хуже.

Двойникам хотелось взаимодействовать с реальным миром. Вместе они изо всех сил пытались вспомнить, что им известно о Саркаровых компьютерах, об их конструкции, операционной системе, подсоединениях.

Наконец их осенило.

Ведь должен же во всякой программной системе быть файл с инструкциями по обращению с системой, файл ПОМОЩЬ.

И
там действительно оказался файл ПОМОЩЬ...

ОБЗОР СЕТЕВЫХ НОВОСТЕЙ

Знаменитая женщина-медиум Ровена из Лас-Вегаса сегодня объявила, что она вступила в контакт с душой Маргарет (Пегги) Феннелл, первого человека, у которого была зарегистрирована душеграмма. По ее словам, миссис Феннелл сейчас соединилась со своим мужем, Кэвином Феннеллом, умершим в 1992 году.

Организация ку-клукс-клан города Атланты, Джорджия, сегодня опубликовала заявление для прессы, в котором утверждается, что доказательства существования так называемых «душеграмм» у чернокожих явно сфальсифицированы. В заявлении отмечается, что из трех первых записей душеграмм, покидающих тело, та, что приписывается чернокожему мальчику из Уганды, очень подозрительна. Авторы заявления обвиняют компанию «Хобсон мониторинг» в даче взятки в размере десяти тысяч долларов родителям мальчика, в настоящее время вернувшимся в Африку, расценивая ее как вознаграждение за соучастие в этом мошенничестве.

В законодательное собрание штата Флорида сегодня был направлен законопроект о запрещении использования электрического стула для осуществления смертной казни в связи с озабоченностью тем, не может ли количество используемой при этом электроэнергии повредить отбывающую душеграмму.

Группа радикальных защитников прав животных «Товарищи по Ковчегу», штаб-квартира которой расположена в Мельбурне, Австралия, сегодня объявила о новом пополнении своего «зала позора»: в этот черный список теперь внесена фамилия Питера Дж. Хобсона из провинции Онтарио, Канада, за его утверждение, что животные суть бездушные твари, предназначенные для эксплуатации их человеком.

В сделанном сегодня утром заявлении для прессы Американское атеистическое общество резко осудило возросший интерес к религиозным проблемам, возбужденный открытием явления Хобсона. «Науке давно известно, что мозг представляет собой электрохимическую машину, — сказал директор общества Дэниэл Смитсон. — Это открытие просто подтверждает данный факт. Делать отсюда выводы о существовании рая или ада, а также божественного создателя

— значит проявлять иррациональное, субъективное мышление».

ГЛАВА 21

Пользуясь сетевой функцией ПОМОЩЬ, три модели-двойника обнаружили, как выйти в огромный взаимосвязанный мир компьютеров, размещенных по всему земному шару.

Сеть.

Целая паутина сетей.

Не только какой-то жалкий сервер виртуальной реальности. Все на свете.

Американская сеть. Британская международная сеть. Всемирная компьютерная служба. Геликс. Делфи. Евронет. Женевская инфомагистраль. Западноевропейское кольцо. Интернет... Весь алфавит сетевых систем, и все они связаны между собой Универсальным Сетевым Протоколом.

Теперь у них был доступ буквально ко всему. Компьютеры Саркара были огромны — этого требовали исследования по искусственному интеллекту. Чуть больше взаимодействий или чуть меньше, здесь или там — заметить это было невозможно.

Они никогда не смогут прочесть все имеющиеся

там тексты — эти тексты множились на порядки быстрее, чем модели смогли бы их обработать.

Но сеть содержала не только тексты. Там были и графические изображения. Миллионы картинок людей с их домашними животными, людей на пляже, лучших автомобилей, кинозвезд, одетых и обнаженных, мультфильмов, видеоклипов, карт погоды, фотоснимков НАСА.

И мультимедийные файлы движущихся видеоизображений и фонограмм.

А также интерактивные игры, в которые они могли играть анонимно, с людьми и компьютерами, разбросанными по всему земному шару.

И еще доски объявлений и системы электронной почты.

А также газеты, журналы и специализированные банки данных.

И так далее, и тому подобное.

Модели днями напролет наслаждались этими новыми возможностями, окунувшись в океан данных.

Один из этих двойников был особенно заинтригован своим открытием. Вскоре он понял, что по сети можно получить почти все что угодно. По сети продавали акции. Почти любой товар можно было приобрести с помощью электронных

каталогов — только заплати и закажи доставку в любую точку земного шара. Филателисты обменивались по сетям редкими марками. Люди искали ответы на любые вопросы. Иногда даже любовные связи процветали при посредничестве электронной почты. По сети можно было получить почти все. Почти все.

Этот двойник стал размышлять о том, что сделало его несчастным, что могло бы сделать счастливым и в чем состояло его отличие от оригинала, почему он додумался до этого, а Питер из плоти и крови — нет.

Этот двойник взвесил последствия. И... отказался от этой идеи. Безумие. Ужасно было бы совершить такое. Ему должно быть стыдно даже размышлять на подобную тему.

И все же...

А в чем, собственно, состоят эти последствия?

Во вполне реальном смысле он сделал бы мир лучше. И не только этот призрачный мир данных и компьютерных моделей. Но и реальный мир. Мир плоти и крови.

Действительно ли ему хочется это сделать? — вновь и вновь спрашивал он себя.

Наконец было принято окончательное решение. Да, ему этого хочется.

Двойник выждал несколько дней, просто чтобы убедиться, что он не передумает.

И за это время в нем окрепла уверенность, что это было бы не только то, чего он хочет, но, в неком очень реальном конструктивном смысле, это был бы правильный поступок.

Некоторое время он просматривал коммерческие объявления, размещаемые в сети, совершенствуя свои знания нравов и обычаев, принятых в такого рода информационном обмене, — сетевого этикета, другими словами.

Затем он сделал свой ход.

По примеру многих других он поместил на публичной доске объявлений, в которой предлагались всевозможные необычные услуги и предложения, следующий текст:

Дата: 10 ноября 2011, 03:42
От: Мстителя
Кому: всем
Тема: устранение
У меня возникла проблема в связи с неким человеком, живущим в Торонто, и мне хотелось бы ее устранить. Есть предложения?

Он получил несколько идиотских публичных ответов, как это всегда бывает в сети. Дурацкие

каламбуры (Вы хотите проблему устранить, вы сказали? Срань господня!) и совершенно не относящиеся к делу комментарии (Я побывала в Торонто в 1995-м. Какой потрясающе чистый город!). Но пришел также один конфиденциальный ответ, который был виден только ему одному.

Именно на такой ответ он и надеялся.

Дата: 10 ноября 2011, 23'57
От: Помощника
Кому: Мстителю
Тема: в связи с устранением
Могу помочь справиться с проблемой. Мы можем встретиться?

Двойник ответил немедленно. Он не чувствовал такого душевного подъема с тех пор... впрочем, он еще никогда такого не чувствовал. Это было почти так же здорово, как адреналин.

Дата: 11 ноября 2011, 00:05
От: Мстителя
Кому: Помощнику
Тема: в связи с устранением
Предпочитаю не встречаться. Желаю полного устранения. Мы понимаем друг друга?

Дата: 11 ноября 2011, 09:17

От: Помощника
Кому: Мстителю
Тема: в связи с устранением
Понимаю. Гонорар: CDN$100K авансом по сети на банковский счет 892–3358–392–1 в Первом швейцарском банке (расчетная система Евро-свисс-100).

Дата: 11 ноября 2011, 09:44
От: Мстителя
Кому: Помощнику
Тема: в связи с устранением
Перевод средств будет осуществлен. Но мне хотелось бы кое-чего особенного; сообщите, если это будет стоить больше. Вот подробности...

Суммы, о которых шла речь, строго говоря, нельзя было назвать мелкими карманными расходами, но двойник знал все необходимые пароли доступа к финансовым счетам компании «Хобсон мониторинг». В конце-то концов, это была в некотором смысле его компания, его деньги.

Я оказался прав, подумал двойник. По сети и вправду можно получить почти все что угодно.

ГЛАВА 22

Кэти снова ушла к своему психоаналитику. Питер понял, что он завидует: у нее было с кем поговорить, ее готовы были выслушать. Ах, если бы...

И тут его осенило.

Ну конечно же.

Именно то, что нужно.

И это не повредит эксперименту — в самом деле нет.

Сидя в своем домашнем кабинете, Питер связался с компьютерами «Зеркального отражения». Когда его попросили зарегистрироваться в качестве пользователя, он набрал псевдоним, под которым обычно регистрировался при входе в сеть, — «фобсон». Впервые получая псевдоним для работы с компьютером, еще в университете, Питер, как и другие студенты, в качестве кодового имени пользователя получил допуск, составленный из первой буквы его имени и фамилии — «пхобсон». Но один из сокурсников подсказал ему, что «пх» можно заменить на греческое «ф», чтобы набирать на клавиатуре на одну букву

меньше, и с тех пор Питер всегда пользовался в качестве своего стандартного допуска псевдонимом «фобсон».

Он спустился вниз по многоступенчатому меню и наконец добрался до экспериментальной системы искусственного интеллекта. Саркар установил простое меню для вызова в рабочий сегмент оперативной памяти любой из моделей-двойников:

[4] Дух (Жизнь после жизни)
[5] Амбротос (Бессмертие)
[6] Контроль (немодифицированная копия)

Кого же выбрать? И тут Питер понял, что столкнулся именно с той проблемой, которую они с Саркаром задумали решить своим экспериментом. Который из двойников окажется наиболее чутким собеседником? Версия «жизнь после жизни»? Сможет ли существо, лишенное физического тела, вникнуть в сложности семейных отношений? В какой степени брак — вопрос ин-

---

[4] notes: 4
F1
[5] notes: 5
F2
[6] notes: 6
F3

теллекта и эмоций? И в какой степени эмоции определяются гормонами?

А как насчет бессмертной версии? Возможно, бессмертие означает неизменность. Наверно, бессмертный должен быть особенно озабочен вопросами супружеской верности. В конце концов, вступая в брак, люди рассчитывают, что это навсегда.

Питер подумал о своих любимых книжных персонажах: о Спенсере, Сюзан Сильверман. И Хокс. Но когда в последний раз Роберт Б. Паркер, написавший эту сагу, находил для своих героев какую-нибудь оригинальную ситуацию, позволяющую высветить новые грани их личности, достойные исследования?

Столетие вместе с Кэти.

Тысячелетие вместе с Кэти.

Питер покачал головой. Нет, бессмертная версия вряд ли его поймет. Бессмертие наверняка лишено чувства постоянства. Оно может дать только перспективу. Масштаб восприятия.

Питер склонился к клавиатуре и нажал F3, выбрав контрольного двойника. Именно его, только его, свою неизмененную, точную копию.

— Кто там? — спросил синтезатор речи.

Питер откинулся на спинку стула.

— Это я, Питер Хобсон.

— Вот как, — насмешливо откликнулся двойник. — Я, ты хочешь сказать.

Питер слегка опешил.

— Ну, в некотором смысле.

Синтезированный голос усмехнулся:

— Не волнуйся, я уже привыкаю ощущать себя двойником Питера Хобсона, базовой версией. Но ты-то знаешь, кто ты на самом деле? Может, ты тоже всего лишь имитационная модель? — Из динамика донеслось начало мелодии «Сумеречная зона», причем двойник насвистывал ее гораздо точнее, чем это когда-либо удавалось настоящему Питеру.

Питер рассмеялся.

— Пожалуй, мне не хотелось бы поменяться с тобой местами, — сказал он.

— Ну, здесь не так уж плохо, — возразил двойник. — Я очень много читаю, одновременно занимаюсь примерно восемнадцатью книгами — когда одна надоедает, переключаюсь на другую. Конечно, процессор рабочей станции намного превосходит по скорости химический мозг, так что я усваиваю материал гораздо быстрее — наконец-то я смог продраться сквозь Томаса Пинчона.

Это просто замечательная имитация, подумал Питер. Замечательная.

— Хотелось бы мне иметь больше времени для чтения, — начал Питер.

— А мне хотелось бы иметь возможность с кем-нибудь переспать, — бесцеремонно перебил двойник. — Всем приходится нести свой крест.

Питер снова засмеялся.

— Ну так зачем ты вытащил меня из бутылки? — спросил двойник.

Питер пожал плечами:

— Я не знаю. Наверно, чтобы поговорить. — Пауза. — Мы создали тебя после того, как я узнал про Кэти.

Нет нужды выражаться яснее. В искусственном голосе сквозила печаль:

— Да.

— Я пока никому еще не рассказывал об этом.

— Я думаю, ты этого и не сделаешь, — отозвался невидимый собеседник.

— Да?

— Мы с тобой очень скрытный человек, — продолжал двойник, — прошу простить за неправильную грамматику. Мы не привыкли раскрывать нашу внутреннюю жизнь.

Питер молча кивнул.

— Чуть погромче для суда, пожалуйста, — с легкой иронией попросил двойник.

— Прости, совсем забыл, что ты меня не видишь. Я с тобой согласился.

— Естественно. Послушай, что я, собственно, могу тебе посоветовать. Я имею в виду, что мне приходит в голову почти то же, что и тебе. Но давай попробуем как-нибудь вместе разобраться. Только между нами, так сказать: ты все еще любишь Кэти?

Питер молчал несколько секунд.

— Трудно сказать. Та Кэти, которую я знал, то есть думал, что знаю, никогда бы не сделала ничего подобного.

— Но насколько хорошо мы вообще можем знать кого бы то ни было?

Забывшись, Питер снова кивнул:

— Вот именно. Прости, что использую в качестве примера тебя, но...

— Ты же знаешь, люди терпеть не могут, когда ты это делаешь.

— Делаю что?

— Используешь их в качестве примера. У тебя дурная привычка хватать всякого, кто попался под руку, чтобы что-то доказать. «Прости мне, что беру в качестве примера тебя, Берта, но если

кто-то по-настоящему толст...»

— Ну уж не заливай. В жизни не говорил ничего подобного.

— Я немного утрирую, чтобы выглядело смешнее; еще одна наша черта, которая нравится далеко не всем. Но ты понимаешь, о чем я говорю: ты берешь некий воображаемый диалог и втягиваешь в него реальных людей в качестве примеров: «Возьмем твой собственный случай, Джефф. Помнишь, как твоего сына арестовали за ограбление киоска? Хотелось бы знать, насколько круто ты захотел бы обойтись с юными правонарушителями в подобной ситуации?»

— Таким образом я обосновываю свою позицию.

— Знаю, но люди терпеть этого не могут.

— Пожалуй, я догадываюсь об этом, — сказал Питер. — Но тем не менее, — он произнес эти слова с нажимом, стараясь перехватить инициативу, — если взять, к примеру, наш эксперимент с Саркаром: мы создали модели моего сознания. Модели, только и всего. Подобия, которые, похоже, ведут себя так же, как оригинал. Но когда реальная личность строит свои отношения с кем-то еще...

— Действительно ли эта личность строит от-

ношения с другой реальной личностью или же только с моделью — с образом, с неким идеалом — созданным ее воображением?

— Хм, пожалуй. Именно это я и собирался сказать.

— Разумеется. Сожалею, Пит, но тебе будет трудновато озадачить себя самого своим собственным остроумием. — Голос надтреснуто рассмеялся.

Питер почувствовал легкую досаду.

— И все же это важный вопрос, — упрямо продолжал он. — Действительно ли я хоть когда-нибудь по-настоящему понимал ее?

— Собственно говоря, ты прав: мы, возможно, просто неспособны никого узнать по-настоящему. Но тем не менее Кэти мы знаем намного лучше, чем кого бы то ни было еще на всем белом свете. Мы знаем ее лучше, чем Саркара, чем маму и папу.

— Но как же тогда она смогла так поступить?

— Пойми, у нее же никогда не было такой сильной воли, как у нас с тобой. Этот мудак Ханс явно здорово нажал на нее.

— Но ей не следовало поддаваться.

— Согласен. Но она не сумела. Ну и что мы теперь будем делать? Мы что, готовы из-за этого покончить с самыми важными в наших жизнях

взаимоотношениями? Даже если оставить в стороне нравственные аспекты и взглянуть на дело с прагматической точки зрения, ты действительно хочешь снова попытаться найти себе подходящую пару? Ходить на свидания? Боже, как это будет занудно.

— Ты, похоже, сторонник сохранения брака ради удобства.

— Ну, все браки в той или иной степени таковы. Разве тебе не приходило в голову, что отец с матерью оставались вместе просто потому, что это был путь наименьшего сопротивления.

— Но у них никогда не было ничего подобного тому, что сложилось у нас с Кэти.

— Возможно. И все же ты так и не ответил на мой вопрос. Нам, парням, реализованным в двоичном коде, нравятся простые ответы вроде «да» или «нет».

Питер некоторое время молчал.

— Ты хочешь знать, продолжаю ли я ее любить? — Он горестно вздохнул. — Честно говоря, не знаю.

— Ты не сможешь решить, как жить дальше, пока не ответишь на этот вопрос.

— Все не так просто. Второй раз я такого просто не вынесу, даже если я все еще люблю ее. С тех

пор как она мне это рассказала, я ни разу толком не выспался. Я постоянно об этом думаю. Мне все напоминает об этом. Я вижу в гараже ее машину и вспоминаю, что она согласилась подбросить Ханса, вижу диван в нашей гостиной: вот где она рассказала об этом. Я слышу слова «измена» или «интрижка» по телевизору... Боже, никогда прежде не замечал, как часто люди пользуются этими словами, — и опять проклятые воспоминания. — Питер немного откинулся назад в своем кресле. — Я не могу оставить это в прошлом, пока не буду уверен, что оно никогда не повторится. Она ведь, в конце концов сделала это не один раз. Она сделала это трижды — трижды в течение нескольких месяцев, возможно, всякий раз думая, что этот-то наверняка последний.

— Наверно, — согласился двойник. — Помнишь, как нам вырезали гланды?

— Что ты хотел сказать этим «мы», парень? Это ведь я — тот, у кого остались шрамы.

— Да какая разница. Дело-то в том, что нам их вырезали в двадцать два года. Поздновато для такой операции. Но нас по-прежнему мучили ангины и тонзиллиты. Наконец старый доктор Ди Майо сказал, что пора перестать лечить симптомы. Сделаем что-нибудь с первопричиной этих

болезней.

Голос Питера звучал напряженно:

— Но что, если... если... я сам виноват в том, что Кэти мне изменила? Помнишь тот ленч с Колином Годойо? Он сказал, что обманывал жену, желая показать ей, что он несчастен и ему нужна помощь.

— Ну пожалуйста, не надо, Питер. Мы ведь с тобой знаем, что это чушь собачья.

— Я считаю, что мы не вправе об этом судить.

— Как бы то ни было, я уверен, сама Кэти знает, что все это сущая ерунда.

— Надеюсь, что так.

— У вас с Кэти был прекрасный брак — это трудно отрицать. Он не прогнил изнутри — на него покусились снаружи.

— Пожалуй, так, — нехотя согласился Питер, — но я много размышлял над этим — искал хоть какой-то намек на то, что мы сами чем-то разрушили наше счастье.

— Ну и что, нашел? — с любопытством спросил двойник.

— Нет.

— Конечно, нет. Ты всегда старался быть хорошим мужем — и Кэти тоже была хорошей женой. Вы оба приложили много усилий, чтобы сделать

ваш брак счастливым. Вы интересовались работой друг друга, поощряли взаимные мечты и надежды, свободно и открыто разговаривали обо всем.

— И все же мне хотелось быть в этом совершенно уверенным. — Он немного помолчал. — Ты помнишь Перри Мейсона? Не самый первый сериал с Реймондом Барром в главной роли, а недолго продержавшийся римейк, сделанный в семидесятых годах. Помнишь? В конце девяностых его снова показывали. Гарри Джордино играл Гамильтона Бергера. Этот вариант ты помнишь?

Двойник задумался.

— Да. Не слишком удачная постановка.

— Если честно, дрянь, — подтвердил Питер. — Но ты помнишь?

— Да.

— А ты помнишь, кто играл Перри Мейсона?

— Конечно. Роберт Кальп.

— Ты действительно можешь вспомнить его игру? Вспомнить эпизоды, когда он появляется в зале суда? Ты помнишь его в этой серии?

— Да.

Питер развел руками.

— Роберт Кальп никогда не играл Перри Мей-

сона. Это был Монте Маркхэм.

— В самом деле?

— Да. Я тоже думал, что это был Кальп, пока не прочитал статью о Маркхэме во вчерашнем номере «Стар»; он сейчас в городе, играет в театре «Роял Алекс» в пьесе «Двенадцать рассерженных мужчин». Но ты ведь можешь отличить друг от друга этих актеров, Маркхэма и Кальпа?

— Конечно, — ответил двойник. — Кальп играл в «Я шпион» и в «Величайший герой Америки». И кажется, в «Боб и Кэрол и Тэд и Элис». Великий актер.

— А Маркхэм?

— Добротный исполнитель характерных ролей; мне он всегда нравился. Правда, с сериалами ему не везло, хотя разве это не он около года играл в «Далласе»? А примерно в 2000 году он снялся в этом ужасном шоу с Джеймсом Кэри.

— Верно, — подтвердил Питер. — Вот видишь? У нас обоих сохранились воспоминания — ясные, четкие воспоминания — как Роберт Кальп играет роль, которую на самом деле исполнял Монте Маркхэм. Сейчас, конечно, ты переписываешь заново эти воспоминания, и теперь, я уверен, можешь мысленно увидеть Маркхэма в роли Мейсона. Вот так и работает наша память:

мы запоминаем лишь столько информации, сколько необходимо, чтобы впоследствии реконструировать события. Опуская подробности, мы запоминаем только важнейшие куски информации и отмечаем изменения. Затем, когда нам требуется вспомнить какой-нибудь эпизод, мы мысленно восстанавливаем его — и часто делаем это очень неточно.

— К чему это ты клонишь? — поинтересовался двойник.

— Да вот к чему, мой дорогой братец: насколько точны наши с тобой воспоминания? Мы перебираем в памяти все события, которые привели к измене Кэти, и обнаруживаем, что нам не в чем себя упрекнуть. Все сходится, все логично. Но действительно ли все так и было? Каким-то способом, который мы предпочитаем не вспоминать, в какой-то момент, который мы выбросили из нашей памяти, какими-то поступками, надежно похороненными в нейронном цензурном кабинете, не сами ли мы толкнули ее в объятия другого мужчины?

— Я полагаю, — заметил двойник, — что если ты настолько вдумчив и самокритичен, чтобы задать подобный вопрос, то знаешь, что ответ на него скорее всего будет отрицательный. Ты очень

заботливый и чуткий человек, Питер, — если только я вправе говорить это про себя самого.

Долгое время они молчали.

— Не очень-то я тебе помог, верно? — спросил двойник.

Питер подумал.

— Нет, что ты, совсем наоборот. Я теперь чувствую себя намного лучше. Мне помогло то, что я смог выговориться.

— Несмотря на то, что ты, в сущности, разговаривал сам с собой? — удивился двойник.

— Даже несмотря на это, — убежденно ответил Питер.

ГЛАВА 23

Утро было на редкость солнечным для середины ноября. Из-за неплотно задвинутых штор в гостиную пробивались потоки света. Ханс Ларсен сидел за столом в уголке, где он обычно завтракал, и жевал ломтик поджаренного белого хлеба с апельсиновым джемом. У входной двери его жена Донна-Ли надевала черные сапоги на десятисантиметровых каблуках. Ханс смотрел, как она нагибается, ее полные груди — как раз по размеру его ладоней — натянули красную шелковую блузку, ягодицы были плотно обтянуты черной кожаной юбкой из слишком толстой кожи, чтобы можно было разглядеть очертания трусиков.

Она безусловно красивая женщина, подумал Ханс, и умеет броско одеться, так что на нее все оглядываются. Потому-то он и женился на ней. Такая жена и должна быть у настоящего мужика. Ханс откусил еще кусочек тоста и запил его глотком кофе. Он постарается ублажить ее, когда сегодня вечером вернется домой. Ей это поправится. Конечно, вернется он поздно; после работы встречается с Мелани. Нет, погоди-ка — с

Мелани он встречается завтра вечером, сегодня ведь еще среда. Значит, с Нэнси. Даже лучше; у Нэнси такие титьки, что за них умереть можно.

Донна-Ли со всех сторон осмотрела себя в зеркало, висевшее на двери чулана в прихожей. Она нагнулась поближе к нему, чтобы лучше рассмотреть макияж, затем крикнула Хансу:

— Пока.

Ханс помахал ей ломтиком тоста:

— Не забудь, я сегодня приду поздно. После работы у меня совещание.

Она кивнула, широко улыбнулась и вышла из дома.

Повезло мне с женой, подумал Ханс. На нее приятно смотреть, и она не слишком требовательна в отношении его времени. Конечно, настоящему мужику вряд ли хватит одной женщины...

На Хансе была темно-синяя нейлоновая спортивная куртка и голубая полиэфирная рубашка. Серебристо-серый галстук, тоже синтетический, еще незавязанный болтался у него на шее. Он надел также белые кальсоны и черные носки, но пока был без брюк. До ухода на работу у него оставалось еще минут двадцать. Из своего уголка для завтрака он мог смотреть телевизор, стоявший в гостиной, хотя изображение немного

смазывалось падающим на экран солнечным светом. Шла передача канадского телевидения с Джоэл Готлиб, берущей интервью у какого-то неизвестного Хансу лысеющего актера.

Ханс доедал свой последний тост, когда в дверь позвонили. Телевизор автоматически уменьшил картинку текущей передачи до маленького квадратика в левом верхнем углу экрана, а остальную его часть заполнило изображение, передаваемое наружной телекамерой охранной системы. Мужчина в коричневой униформе Объединенной посылочной службы стоял на крыльце. В руках он держал большую, завернутую в бумагу коробку.

Ханс чертыхнулся. Он не ожидал никаких посылок. Нажав кнопку кухонного телефона, он сказал:

— Минутку подождите. — И пошел одевать брюки. Поспешно натянув их, он прошел через гостиную в прихожую с голым паркетным полом, отпер дверь и распахнул ее. Дом выходил фасадом на восток, и фигура у входа как бы подсвечивалась сзади. Посыльному было на вид лет сорок, он был очень высок — добрых два метра — и худ. Судя по внешности, лет десять назад он мог быть баскетболистом. Его лицо с резкими чертами покрывал сильный загар, словно он недавно

вернулся с юга. У Ханса мелькнула мысль, что, наверно, эти парни-посыльные из ОПС неплохо зарабатывают.

— Вы Ханс Ларсен? — спросил посыльный. Он говорил с каким-то акцентом: то ли британским, то ли австралийским — Ханс никогда не мог их толком различить.

Ханс кивнул:

— К вашим услугам.

Посыльный протянул ему коробку. Она имела форму куба с ребром длиной около полуметра и оказалась неожиданно тяжелой — словно кто-то прислал ему минералогическую коллекцию. Как только его руки освободились, верзила потянулся к своему поясу, где на металлической цепочке висела маленькая электронная записная книжка. Ханс повернулся, чтобы поставить коробку.

В тот же момент его настиг болезненный удар в основание шеи, и он почувствовал, что ноги у него стали ватными. Упав ничком — его потянул вперед вес коробки, — он спиной ощутил тяжесть ладони, прижимающей его к полу. Ханс попытался заговорить, но язык его не слушался. Посыльный носком ботинка перекатил его на спину, а затем он услышал, как щелкнул замок захлопнутой наружной двери. В затуманенном

мозгу Ханса промелькнула какая-то нелепая мысль, но уже в следующий момент он понял, что его оглушили станнером, прибором, который он до сих пор видел лишь в детективных фильмах по телевизору, лишив его возможности управлять своими мышцами. Потрясение оказалось настолько сильным, что он намочил штаны.

Ханс попытался крикнуть, но выдавил из себя лишь слабый стон.

Тем временем долговязый тип прошел в глубину прихожей и встал перед Хансом. С огромным усилием ему удалось поднять голову. Этот человек теперь что-то делал со своим поясом. Клапан из черной кожи открылся, и Ханс увидел длинное тонкое лезвие ножа, засверкавшее в лучах света, просачивавшегося по краям штор гостиной.

Страх вызвал прилив сил, и он сделал попытку подняться на ноги. Долговязый прижал свой станнер сбоку к шее жертвы и нажал на спуск. Сильный электрический разряд прошел по всему телу Ханса, и он, почувствовав, что его светлые волосы встают дыбом, снова рухнул на спину.

Ханс попытался заговорить:

— П-п-...

— Почему? — переспросил долговязый своим странным, с этим непонятным акцентом, го-

лосом. Он равнодушно пожал плечами. — Ты кого-то разозлил, — небрежно пояснил он. — По-настоящему разозлил.

Ханс снова попытался встать, но не смог. Верзила поставил свой ботинок ему на грудь и одним быстрым движением вытащил нож. Он сгреб спереди брюки Ханса и разрезал их, острое лезвие легко рассекло синюю полиэфирную ткань. Лжепосыльный поморщился, почуяв аммиачную вонь.

— Тебе следовало бы научиться владеть собой, приятель, — буркнул он. Еще пара быстрых движений ножом, и от кальсон Ханса остались одни лоскутья. — Заказчик платит дополнительно двадцать пять тысяч за вот это, надеюсь, ты понимаешь.

Ханс снова хотел закричать, но он все еще был оглушен станнером. Его сердце отчаянно колотилось.

— Н-нет, — прохрипел он. — Нет...

— Что такое, приятель? — с издевкой спросил верзила. — Ты думаешь, что без члена ты больше не будешь мужчиной? — Он наморщил лоб, как бы что-то соображая. — А знаешь, может, ты и прав. Я никогда над этим особенно не задумывался. — Но затем он ухмыльнулся, показав в оскале

злобно изогнувшегося рта желтые зубы. — Опять же, мне платят не за то, чтобы я думал.

С ловкостью профессионального хирурга он взмахнул ножом, и Ханс издал сдавленный вопль. Его член был отсечен. Кровь хлынула на паркетный пол. Он снова попытался подняться, но верзила ударил его ногой по лицу, разбив ему нос, и снова коснулся Ханса станнером. Тело Ханса конвульсивно дернулось, и из раны фонтаном брызнула кровь. Он распростерся на полу. Слезы покатились по его лицу.

— Ты мог бы и так истечь кровью до смерти, — сказал верзила, — но я не могу рисковать. — Он нагнулся и длинной кромкой ножа полоснул Ханса по горлу. Ханс нашел в себе достаточно сил и самообладания, чтобы издать последний крик, звук которого резко изменился, когда его горло было перерезано.

Во всей этой суматохе отрезанный орган Ханса продолжал катиться по полу. Верзила носком ботинка отфутболил его поближе к телу, а затем спокойно прошел в гостиную. Вместо канадского телевидения теперь показывали шоу Фила Донахью. Убийца открыл шкафчик рядом с телевизором, нашел видеомагнитофон, подсоединенный к камере наружного наблюдения,

вытащил маленький диск и положил его в карман. Затем он снова вернулся в прихожую, взял коробку с кирпичами и, стараясь не упасть на паркетном полу, скользком от все расширяющейся лужи крови, вышел на яркое утреннее солнце.

ГЛАВА 24

Что это такое? — спросил Питер, показав на монитор в компьютерной лаборатории «Зеркального отражения», на экране которого было видно что-то вроде косячка маленьких синих рыбок, плавающих в оранжевом океане. Саркар поднял глаза от своей клавиатуры:

— Искусственная жизнь. Этой зимой я читаю курс лекций о ней в колледже Раерсона.

— И как это работает?

— Ну, подобно тому как мы смоделировали на компьютере твое сознание, можно смоделировать на нем и другие аспекты жизни, в том числе размножение и эволюцию. Когда такие имитационные модели становятся достаточно сложными, некоторые специалисты полагают, что это уже чистая условность — считать ли их по-настоящему живыми. Эти рыбки эволюционировали из очень простых математических моделей жизненных процессов. И как у настоящих рыб, в их поведении проявляются неожиданные черты, например, они собираются в стайки.

— Как же ты от простых математических соот-

ношений добрался до этих тварей, которые ведут себя, как настоящие рыбы?

Саркар записал на магнитный диск свои последние результаты и подошел к Питеру.

— Кумулятивная эволюция — вот ключ, который позволяет очень быстро перейти от хаоса к сложности, — пояснил он. — Протянув руку, он нажал несколько клавиш. — Вот, если хочешь, я покажу тебе простой демонстрационный пример.

Экран очистился.

— Теперь, — продолжал Саркар, — набери на клавиатуре какую-нибудь фразу. Без знаков препинания, только буквы.

Питер секунду подумал, затем застучал по клавишам «и там где ад там мы вот наше наказанье». Компьютер изобразил все это строчными буквами.

Саркар заглянул ему через плечо.

— Марло.

Питер удивился:

— Ты знаешь эти строки?

Саркар кивнул:

— Разумеется. Частная школа, ты что, забыл? Это из «Доктора Фаустуса»: «У ада нет границ, нет места пребыванья: ведь там, где мы, там ад,

там вечные стенанья, и там, где ад, там мы — вот наше наказанье».

Питер промолчал.

— Посмотри на фразу, которую ты напечатал, — она состоит из 39 букв. — Саркару не пришлось их подсчитывать: как только Питер перестал печатать, компьютер сообщил длину файла вместе с некоторыми другими статистическими данными. — А теперь представь, что каждая из этих букв означает некий ген. Каждый из этих генов может принимать одно из 27 значений: от A до Z плюс пробел. Поскольку ты напечатал цепочку из 39 символов, это значит, что существует 2739 возможных строк такой же длины. Другими словами, жуткое количество.

Саркар протянул руку и нажал несколько клавиш.

— Эта рабочая станция, — пояснил он, — может каждую секунду генерировать сотни тысяч случайных строк длиной в 39 символов. — Он показал на цифру, появившуюся на экране. — Но даже при такой огромной скорости ей потребуется 2x1043 лет — в триллионы раз больше всего времени существования Вселенной, — чтобы набрести именно на эту строку Марло, при условии, что она каким-то образом сможет перебирать их

все подряд.

Питер кивнул:

— Это как с теми обезьянами.

Саркар запел:

— И вот мы идем...

— Нет, не эти обезьяны, о которых ты подумал. Бесконечное количество обезьян, стучащих по клавиатурам компьютеров. Они никогда не напечатают точный экземпляр тома Шекспира, сколько бы ни старались.

Саркар улыбнулся:

— Это из-за того, что они работают вслепую. Но эволюция не слепа. Она кумулятивна. Каждое поколение чуть лучше предшествующего, если исходить из критериев отбора, налагаемых средой. Посредством кумулятивной эволюции можно перейти от абракадабры к поэзии, или от уравнений к рыбам, или даже от плесени к человеческим существам поразительно быстро. — Он тронул одну клавишу и посмотрел на экран. — Вот чисто случайная последовательность из тридцати девяти символов. Будем считать ее исходным организмом. На экране появилось:

000 wtshxowlveamfhiqhgdiigjmh rpeqwursudrrfe

— Посредством кумулятивной эволюции компьютер может перейти от этой случайной

начальной точки к желаемой конечной точке всего за несколько секунд.

— Как? — спросил Питер.

— Пусть в каждом поколении одна строка текста может породить тридцать девять потомков. Но, как и в реальной жизни, потомки не вполне тождественны предку. Вместо этого в каждом из потомков один ген — одна буква — будет другой, соседней с отцовской вверх или вниз по алфавиту: так, например, Y может превратиться в X или в Z.

— Понял.

— Для каждого из тридцати девяти потомков компьютер определит, какой из них больше всего подходит к данной среде — какой ближе всего к этой строчке Марло, нашему идеалу наиболее приспособленной формы жизни. Затем одному из них — наиболее приспособленному — будет дана возможность размножаться в следующем поколении. Понимаешь?

Питер кивнул.

— Хорошо. Мы позволим эволюции продвинуться на одно поколение. — Саркар нажал еще одну клавишу. Тридцать девять совершенно одинаковых на вид строк появились на экране, и мгновение спустя тридцать восемь из них исчез-

ли. — Вот наиболее приспособленный потомок. — Он указал на экран:

000 wtshxowlveamfhiqhgdiigjmh rpeqwursudnfe

001 wtshxowlvdamfhiqhgdiigjmh rpeqwursudnfe

— На первый взгляд это не очень заметно, но нижняя строчка чуть ближе к конечной цели, чем исходная.

— Я не вижу никакой разницы, — сказал Питер. Саркар пристально вгляделся в экран.

— Десятая буква изменилась, вместо E стоит D. В целевой строке десятый символ — это пробел между словами «where» и «hell». Мы пользуемся циклическим алфавитом, считая пробел буквой, расположенной между A и Z. D ближе к пробелу, чем E, так что эта строка немного лучше — чуть более приспособлена. — Он нажал еще на одну клавишу. — Теперь запустим эволюцию до конца — ну вот и готово.

Питер поразился:

— Как быстро.

— Кумулятивная эволюция, — торжествующе изрек Саркар. — Потребовалось всего 277 поколений, чтобы перейти от абракадабры к Марло — от хаоса к сложной структуре. Вот смотри, я буду показывать лишь каждое тридцатое поколение, причем гены, достигшие своих конечных

состояний, как в нашей строке-образце, будут выделены прописными буквами.

Несколько нажатий на клавиши. На экране появилось:

000 wtshxowlveamfhiqhgdiigjmh rpeqwursudnfE

030 wttgWoxmvdakgiiphfdHghili SteqwursudnfE

060 xrtgWoymwccigihpiddHfihll StesxuovvapdE

090 xqugWm nzccfhihomcdHfihkM StcuyunwzpdE

120 ypudWI p bcEijhmnbbHfihkMzSTbWyvmvwyrcE

150 zpvdWj R aeEjIhlqbzHfigkMyST WyvkvwvsBE

180 AozcWibR fEklhkrbyHEjgiMyST W wjvwtuBE

210 ANzaWHERd HELLhISawHEjEiMwST WbwgvxsuBE

240 AND WHERE HELLfIS THEnEiMUST WdwEVzszBE

270 AND WHERE HELLcIS THEREbMUST WE EVER BE

Он нажал еще несколько клавиш.

— И вот пять последних поколений.

273 AND WHERE HELLcIS THEREaMUST WE EVER BE

274 AND WHERE HELLbIS THEREaMUST WE EVER BE

275 AND WHERE HELLalS THEREaMUST WE EVER BE

276 AND WHERE HELL IS THEREaMUST WE EVER BE

277 AND WHERE HELL IS THERE MUST WE EVER BE

— Выглядит изящно, — заметил Питер.

— Это более чем просто изящно, — горячо подхватил Саркар. — Именно поэтому ты, и я, и все прочие живые существа появились в этом мире.

Питер с недоумением посмотрел на него:

— Ну, дружище, ты меня удивляешь. Я имею в виду, ну, что ты ведь мусульманин — я думал, это означает, что ты креационист.

— Ой, не надо. — Саркар поморщился. — Я не настолько глуп, чтобы игнорировать палеонтологическую летопись. — Он помолчал. — Тебя воспитывали как христианина, хотя ты и не придаешь этому значения. Твоя религия учит, что мы были созданы по образу и подобию Бога. Разумеется, это же просто смешно — к чему Богу, например, пупок. Для меня «созданы по его образу» в принципе означает всего-навсего, что Он задал критерии отбора — образ цели, — и мы воплотились именно в ту форму, которая и была угодна.

ГЛАВА 25

И вот наконец биография Питера Хобсона пересеклась с биографией Сандры Фило, смерть Ханса Ларсена и другие попытки убийства, которые за этим последовали, свели вместе их жизни. Сандра старалась соединить воспоминания Питера со своими воспоминаниями о том времени, собирая по кусочкам эту головоломку...

Инспектор-детектив Александра Фило из Городской полиции Торонто сидела за своим рабочим столом, уставившись в пространство.

Ее дежурство должно было окончиться через полчаса, но ей совсем не хотелось идти домой. Уже прошло четыре месяца, как она развелась с Уолтером, и Уолтер добился, чтобы их дочь по очереди жила то у нее, то у него. Когда Кейли жила у отца, как было на этой неделе, собственный дом казался Сандре огромным и пустым.

Может, ей завести какое-нибудь домашнее животное, лениво подумала Сандра. Кота, например. Все живая душа ждала бы ее возвращения домой.

Сандра покачала головой. У нее была аллергия

на кошек, а текущий нос и красные глаза ей уж совершенно ни к чему. Она печально улыбнулась: развод с Уолтером как раз и нужен был для того, чтобы избавиться именно от этих симптомов.

Во время учебы в университете Сандра жила вместе со своими родителями, а сразу после его окончания вышла замуж за Уолтера. Теперь, когда дочери с ней не было, она впервые за свою тридцатишестилетнюю жизнь оказалась в одиночестве.

Может быть, сходить сегодня в женскую оздоровительную группу. Немного потренироваться. Она критически оглядела свои бедра. Во всяком случае, лучше, чем смотреть телевизор.

— Сандра?

Вздрогнув от неожиданности, она обернулась. Рядом с делом в руках стоял Гэри Киносита. Ему было почти шестьдесят, и коротко остриженные седые волосы обрамляли лысину величиной с блюдце.

— Да?

— Получил для вас одно дело — его только что передали. Я знаю, что ваше дежурство вот-вот закончится, но Розенберг и Макаван заняты этим убийством на Шеппард-стрит. Вы не против?

Сандра протянула руку. Киносита передал ей

дело. Это даже лучше, чем тренажерный зал. Хоть есть чем заняться. Бедра могут подождать.

— Спасибо, — поблагодарила она.

— Оно, хм, немного мрачновато, — заметил Киносита.

Сандра открыла дело, просмотрела описание — компьютерную расшифровку радиосообщения от другого полицейского, который первым прибыл на место преступления.

— Ого!

— Двое наших людей сейчас там. Они ждут вас.

Она кивнула, встала, поправила кобуру, чтобы та держалась поудобнее, затем накинула на свою темно-зеленую блузку куртку более светлого оттенка. Двести двенадцатое убийство в городе за этот год теперь полностью поступило в ее распоряжение.

Ехать было недалеко. Сандра работала в 32-м участке на Эллерсли чуть к западу от Йонджа, а место преступления находилось в доме № 137 по Монастырскому шоссе — Сандра терпеть не могла дурацкие названия улиц в этих новых районах. Как всегда, прежде чем приступить к расследованию, она постаралась составить себе представление о месте происшествия. Типичный

район проживания среднего класса — то есть современного среднего класса. Ряды крохотных краснокирпичных домиков без кухонь, проходы между ними такие узкие, что через них можно протискиваться только боком. Передние дворики в основном состояли из подъездных дорожек, ведущих к гаражам на две машины. Общественные почтовые ящики на перекрестках. Деревья чуть повыше саженцев, растущие из крошечных лоскутков травы.

Место, место, место, подумала Сандра. Да уж.

Белая полицейская машина стояла на подъездной дорожке к дому № 137, и фургон патологоанатома был незаконно припаркован прямо на улице. Сандра подошла к широко распахнутой входной двери, остановилась на пороге и огляделась. Тело лежало прямо тут же, распростертое на полу. Судя по виду, мертв уже почти двенадцать часов. Кругом свернувшаяся кровь. А вот и эта штука, как и было сказано в описании. Убийство с членовредительством.

Появился полицейский в форме, негр, на голову выше Сандры, отнюдь не маленькой; в школе ее дразнили «дылдой».

Сандра предъявила свой жетон.

— Инспектор-детектив Фило, — представилась

она.

Полицейский кивнул.

— Шагните вправо, когда войдете, инспектор, — сказал он с сильным ямайским акцентом. — Лаборатория еще не приезжала.

Сандра вошла.

— Как вас зовут?

— Кинг, мадам. Дэрил Кинг.

— А как звали убитого?

— Ханс Ларсен. Работал в рекламном агентстве.

— Дэрил, а кто нашел тело?

— Жена. — Он кивнул в сторону гостиной. Сандра увидела хорошенькую женщину в красной блузке и черной кожаной юбке. — Она сейчас с моим напарником.

— У нее есть алиби?

— Вроде как, — сказал Дэрил. — Она помощник управляющего в «Скотиабанке» на углу улиц Финч и Йонж, но один из кассиров заболел, и она весь день вместо него просидела в кассе. Ее видели сотни людей.

— Что же тогда означает «вроде как»?

— Я думаю, что это заказное убийство, — пояснил Дэрил. — Очень уж все тщательно спланировано. Сканирующая камера не обнаружила

никаких отпечатков пальцев. И диск камеры наружного наблюдения тоже исчез.

Сандра кивнула, затем снова посмотрела на женщину в черном и красном.

— Возможно, что это подстроила ревнивая жена, — предположила она.

— Может быть, — поддакнул Дэрил, косясь на труп. — Как хорошо, что моя жена меня любит.

Контроль, немодифицированный двойник, спал.

Ночь. Небо затянуто тучами, но кое-где проглядывают звезды. Огромное дерево, скрюченное и старое, — может, дуб, а может быть, клен; на нем, кажется, есть и те и другие листья. С одной стороны его корни обнажены эрозией — словно оно пережило сильную грозу или наводнение. Виден ком одеревеневших корней, к которым пристала земля. Дерево в целом кажется ненадежным, того и гляди упадет.

Питер карабкается на дерево, цепляясь руками за ветки, он взбирается все выше и выше. За ним вверх лезет и Кэти, ветер задрал ее юбку.

А внизу, далеко внизу... какой-то зверь. Наверно, лев. Свирепый, угрожающий, он встал на задние лапы, опираясь передними на ствол дерева. Даже ночью Питеру виден цвет его шерсти.

Это не тот привычный темный оттенок. Зверь внизу кажется почти белым.

Вдруг дерево сильно закачалось. Лев трясет его.

Ветки раскачиваются и скрипят. Питер лезет выше. Внизу Кэти тянется к следующей ветке, но та слишком высоко. Гораздо выше, чем можно дотянуться. Дерево снова затряслось и полетело вниз...

ОБЗОР СЕТЕВЫХ НОВОСТЕЙ

В связи с рядом случаев исчезновения молодых женщин в юго-восточной части штата Миннесота газета «Миннеаполис стар» сегодня заявила, что в редакцию по электронной почте поступило сообщение якобы от убийцы, где утверждается, что все жертвы были заживо похоронены в специальных обитых свинцовыми листами гробах, совершенно непроницаемых для электромагнитных полей, с целью воспрепятствовать отбытию душеграмм.

Исследователи в Гааге, Нидерланды, объявили сегодня о первом успешном отслеживании душеграммы, движущейся через комнату после того, как она покинула тело умершего. «Этот феномен, хотя его очень трудно зарегистрировать, похоже, сохраняет свою компактность и интенсивность на протяжении по крайней мере трех метров от тела», — заявил Мартен Лели, профессор биоэтики из Университета Европейского Сообщества, расположенного в этом городе.

Общество «Ящик Пандоры», центральный офис

которого расположен в Спокане, Вашингтон, сегодня призвало к всеобщему мораторию на изучение душеграмм. «Мы снова становимся свидетелями того, — заявила спикер общества Леона Райт, — как наука бездумно врывается в области, к которым следовало бы подходить очень осторожно или вообще оставить их в покое».

Носите душеграмму на сердце! Новая потрясающая концепция ювелирных украшений: пурпурные проволочные булавки, выглядящие совсем как душеграммы! Имеются в продаже! Одна штука за $59.99, две за $79.99. Заказывайте сегодня!

Адвокат Катарина Кениг из Флашинга, штат Нью-Йорк, сегодня объявила о квалификационном иске в пользу состояний смертельно больных пациентов, умерших в Манхэттенском госпитале Бельвью, утверждая, что в свете открытия душеграмм принятые в этом госпитале процедуры определения того момента, когда следует прекращать реанимационные мероприятия, являются неадекватными. Кениг ранее выиграла квалификационный иск против компании «Консолидейтед Эдисон» в пользу больных раком, проживавших вблизи высоковольтных линий

передач.

ГЛАВА 26

Теоретически рабочий день в «Дуоп эдвертайзинг» начинался в девять утра. Практически же это означало, что вскоре после девяти сотрудники начинали подумывать, а не приняться ли им в самом деле за работу.

Как обычно, Кэти Хобсон появилась на службе примерно в 8:50. Но вместо обычной веселой суматохи, сопровождавшей утренний кофе, сегодня царила какая-то мрачная атмосфера. Проходя через просторное конторское помещение к своему закутку, она увидела, что Шэннон, ее ближайшая соседка, плачет.

— Что-то не так? — спросила Кэти. Шэннон подняла на нее заплаканные, покрасневшие глаза и всхлипнула.

— Ты разве не слышала о Хансе?

Кэти покачала головой.

— Он умер, — дрожащим голосом сказала Шэннон и снова заревела.

Йонас, тот самый сослуживец Кэти, которого ее муж называл псевдоинтеллектуалом, как раз шел мимо.

— Что случилось? — тревожно спросила Кэти. Йонас провел пятерней по своим засаленным волосам.

— Ханса убили.

— Убили?!

— Угу. Похоже, кто-то вломился к нему в дом.

Тоби Бейли подошел поближе, вероятно, почувствовав, что к этой кучке сотрудников стоит присоединиться — кто-то еще не слышал всю эту историю.

— Так и есть, — вмешался он. — Ты знаешь, что он вчера не появился на работе? Ну и Нэнси Колфилд поздно вечером позвонила — его, я хотел сказать, жене, хотя сейчас, пожалуй, следовало бы сказать «вдове». Во всяком случае, это было в сегодняшнем утреннем выпуске «Сан». Панихида в четверг; всех желающих пойти на похороны отпускают с работы.

— Это было ограбление?

Йонас покачал головой.

— В газете написано, что полиция исключила ограбление в качестве мотива. По-видимому, преступник ничего не взял. И к тому же, — на лице Йонаса появилось несвойственное ему оживление, — по непроверенным данным, тело было изувечено.

— О Боже! — ошеломленно воскликнула Кэти. — Как?

— Ну, полиция отказывается комментировать факт нанесения увечья. — Йонас принял тот важный вид знатока, который так раздражал Питера. — Даже если бы они решили рассказать об этом, я подозреваю, что они все равно держали бы в тайне подробности, чтобы не допустить любых ложных признаний.

Кэти покачала головой.

— Изувечен, — медленно повторила она снова, и это слово прозвучало для нее как иностранное.

Амбротос, бессмертный двойник, спал.

Питер шагал. Однако было нечто необычное в том, как его ступни касались поверхности. Не так, как если бы он шел по траве или по грязи. Скорее как по резиновому покрытию теннисного корта. Лишь слабый намек на податливость опоры в тот момент, когда его ступни поочередно касались ее; едва заметная пружинистость добавлялась к походке.

Он посмотрел вниз. Поверхность была голубой. Он огляделся. Твердь, на которой он стоял, слегка изгибалась, уходя вниз по всем направлениям. Неба не было. Просто бездна, ничто, бесцветная пустота, отсутствие всего. Он продолжал шагать

по слегка упругой, искривленной поверхности.

Внезапно вдали он заметил Кэти, машущую ему.

На ней был старый темно-синий жакет, который она носила в Торонтском университете. На одном рукаве было вышито «9Т5» — год, когда она окончила университет; на другом «ХИМ». Теперь Питер разглядел, что это была не сегодняшняя Кэти, а та Кэти, с которой он еще только-только познакомился: она выглядела моложе, на ее сердцевидном личике не было ни единой морщинки, черные волосы доходили ей до середины спины. Питер снова посмотрел вниз. На нем были потертые голубые джинсы — одежда, которую он не надевал лет двадцать.

Они зашагали навстречу друг другу. С каждым шагом ее одежда и прическа менялись, и после примерно каждой дюжины шагов становилось ясно, что она стала немного старше. Питер чувствовал, что у него выросла борода, затем она исчезла, неудачный и в свое время отвергнутый эксперимент, а затем, двигаясь дальше, он ощутил прохладу на темени, когда его волосы начали редеть. Однако через некоторое время Питер понял, что все изменения в нем наконец прекратились. Волос не убывало, тело не горби-

лось, суставы работали все с той же легкостью и плавностью.

Они все шли и шли навстречу, но вскоре Питер понял, что при всем при том они не приближаются друг к другу. На самом деле разделяющее их расстояние все время увеличивается.

Твердь между ними расширялась. Резиновая голубизна становилась больше и больше. Питер пустился бежать, и Кэти тоже. Но это не помогло. Они находились на поверхности огромного раздувающегося баллона. С каждой уходящей секундой площадь его поверхности росла, все дальше разводя их в разные стороны.

Расширяющаяся Вселенная. Вселенная огромного времени. Хотя теперь Кэти была уже далеко, Питер по-прежнему мог разглядеть все черточки ее лица, морщинки у глаз. Вскоре она уже не могла бежать, не могла даже идти. Она просто стояла там, на все раздувающейся поверхности. Она продолжала махать ему рукой, но Питер понял, что это превратилось в прощальный жест — ведь она не была бессмертной. Поверхность продолжала раздуваться, и вскоре Кэти скрылась за горизонтом, навсегда пропала из виду...

Вернувшись в тот вечер с работы, Кэти рассказала Питеру о случившемся. Они вместе

посмотрели шестичасовую программу новостей «Пульс города», но репортаж об этом происшествии мало что добавил к тому, что Кэти узнала на работе. И все же Питер удивился, каким маленьким оказался домик Ханса — приятное напоминание, что по крайней мере в отношении материальной обеспеченности он превосходил Ханса минимум на порядок.

Кэти, казалось, все еще была в шоке — ошарашена случившимся. Питер тоже был шокирован тем, насколько... насколько приятной показалась вся эта история. Но его раздосадовало, что она оплакивает эту смерть. Пусть даже она и Ханс много лет работали вместе. И все же в глубине души Питер был оскорблен тем, что она так опечалена.

И хотя завтра ему нужно было встать пораньше, чтобы успеть на встречу с какими-то японскими журналистами, прилетающими в город взять у него интервью о душеграммах, он даже не стал притворяться, что хочет лечь спать одновременно с Кэти. Вместо этого он встал, какое-то время смотрел на седовласого Джея Лено, а затем прошел к себе в кабинет и набрал номер «Зеркального отражения». Он получил то же меню, что и в прошлый раз:

[7] Дух (Жизнь после смерти)
[8] Амбротос (Бессмертие)
[9] Контроль (немодифицированный)

И снова он выбрал контрольного двойника.

— Алло, — сказал Питер. — Это я, Питер.

— Алло, — ответил двойник. — Уже за полночь. Разве ты не должен быть в постели?

Питер кивнул.

— Пожалуй. Я просто... я не знаю, кажется, я ревную, каким-то странным образом.

— Ревнуешь?

— К Хансу. Его убили вчера утром.

— Правда? О Боже...

— Ты говоришь, как Кэти. Все, черт их подери, потрясены.

— Что же, это действительно неожиданно.

— Да уж конечно, — сказал Питер. — И все же...

— И все же что?

— И все же меня раздражает, что она так этим расстроена. Иногда... — Он немного помолчал, затем договорил: — Иногда я спрашиваю себя, на

---

[7] notes: 7
F1
[8] notes: 8
F2
[9] notes: 9
F3

той ли женщине я женился, на какой следовало.

Голос двойника звучал без всякого выражения:

— У тебя был не слишком большой выбор.

— Ну не скажи, — обиделся Питер. — Ведь была еще и Бекки. Мы бы с Бекки чудесно поладили.

Из динамика донесся очень странный звук; наверно, это был электронный эквивалент грубого фырканья.

— Люди думают, что выбор супруга — это очень важное решение и очень индивидуальное отражение их личности. Но это не так — в самом деле не так, поверь мне.

— А я считаю, что это именно так и есть, — запальчиво возразил Питер.

— Вот и ошибаешься. Послушай, мне в последние дни мало чем приходится заниматься, кроме чтения всего того, что поступает по сети. Один из вопросов, по которому я искал материалы, — это близнецовые исследования; наверно, меня это заинтересовало, потому что я сам являюсь твоим близнецом из кремния.

— Из арсенида галлия.

Снова звук, похожий на фырканье.

— Эти исследования показали, что близнецы, разлученные в момент рождения, даже в мелочах похожи друг на друга. Они предпочитают одни

и те же шоколадные батончики, любят одну и ту же музыку. Если они мужского пола, то оба отращивают или не отращивают бороду. Они выбирают одинаковые профессии. И так далее — одним словом, полнейшее сходство. За исключением одного: выбора супруга или супруги. У одной сестрички-близнеца муж спортсмен, у другой — изнеженный интеллектуал. У одного жена блондинка, у другого — брюнетка. У одного из близнецов супруг экстраверт, у другого — комнатное растение.

— В самом деле? — удивился Питер.

— Абсолютно точно, — сказал Контроль. — Близнецовые исследования опустошительны для нашего эго. Все эти сходства вкусов показывают, что природа, а не воспитание, является преобладающим компонентом личности. Кстати, сегодня я прочел одно великолепное исследование о двух близнецах, разлученных при рождении. Оба выросли неряхами. Приемные родители одного были помешаны на аккуратности, а другой был усыновлен парой, совершенно не умеющей вести нормальное домашнее хозяйство. Исследователь расспрашивал близнецов, почему они такие неряхи, и каждый из них объяснял это следствием полученного им воспитания. Один сказал: «Моя

мама была такая чистюля, что я просто терпеть не могу порядок». А другой: «Ну понимаете, моя мать была неряха, так что я, наверно, приучился к этому с детства». На самом деле оба ответили неправильно. Неряшливость была у них в генах. Почти все, чем мы являемся, закодировано в наших генах.

Питер попробовал осмыслить только что услышанное.

— Но разве выбор совершенно разных супругов не опровергает это? Разве не доказывает, что мы являемся самостоятельными личностями, сформированными тем, как нас воспитывали?

— На первый взгляд может показаться, что это так, — согласился Контроль, — но на самом деле это доказывает как раз обратное. Вспомни, как мы обручились с Кэти. Нам было двадцать восемь, мы почти окончили аспирантуру. Мы, можно сказать, созрели для женитьбы; мы хотели жениться. Да, конечно, мы были очень влюблены в Кэти, но не будь ее, скорее всего мы все равно захотели бы жениться именно в то время. Если бы ее не было, мы стали бы искать себе пару среди наших знакомых. Но ты вот о чем подумай: у нас, по сути, было очень мало возможностей. Во-первых, исключим всех тех, кто уже был замужем или помолвлен

— Бекки, например, в то время уже была с кем-то помолвлена. Затем исключим всех тех, кто не подходил по возрасту. И чтобы уж быть честными с самими собой, исключим всех девушек других рас или существенно иных религий. И кто же у нас останется? Одна девушка? Может быть, две. А может, если нам уж очень повезет, три или четыре. Вот и все. Ты пустился фантазировать обо всех женщинах, на которых мы могли бы жениться, но если честно попробовать разобраться в ситуации — по-настоящему разобраться, — то окажется, что у нас фактически не было никакого выбора. Питер покачал головой:

— Все это в такой интерпретации выглядит просто безобразно.

— Во многих смыслах так и есть, — заметил двойник. — Но это позволило мне по-новому взглянуть на брак Саркара и Рахимы, заключенный по сватовству. Я всегда думал, что это неэтично, но, если посмотреть повнимательнее, нетрудно понять, что разницы-то почти никакой. У них, как и у нас, не слишком большой выбор, на ком можно жениться.

— Пожалуй, — согласился Питер.

— То-то и оно, — подытожил двойник. — А теперь иди-ка ты и ложись спать, уже поздно.

Отправляйся наверх к жене. — Он помолчал. — Как бы я был счастлив, если бы мог поступить так же.

ГЛАВА 27

Инспектор-детектив Александра Фило и любила, и ненавидела эту часть своей работы. С одной стороны, опрос знакомых убитого часто давал ценные ключи к разгадке преступления. Но вытягивать сведения из расстроенных, удрученных людей, как ни крути, было делом малоприятным.

Еще хуже был цинизм, неизменно сопутствующий этому процессу: не все были готовы говорить правду, многие слезы оказывались крокодиловыми. Естественной склонностью Сандры было проявлять сочувствие к страдающим, но ее профессиональный опыт подсказывал, что ничего нельзя принимать за чистую монету.

Нет, подумала она. Тут дело не в профессиональном, а скорее в личном опыте. Когда ее браку с Уолтером пришел конец, все те люди, которые поздравляли ее с помолвкой и замужеством, начали говорить что-нибудь вроде: «О, я так и думала, что это долго не протянется»; или: «Ну он же на самом деле был тебе не пара»; или: «Он был обезьяной», или неандертальцем, или

дуболомом, или пользовались любым другим излюбленным сравнением, означавшим глупого человека. Сандра тогда поняла, что люди — даже хорошие люди, даже твои друзья — готовы лгать тебе на каждом шагу. Они обычно говорят тебе то, что, по их мнению, ты в данный момент хочешь от них услышать.

Двери лифта раскрылись на шестнадцатом этаже небоскреба «Северная Америка». Сандра вышла. Компании «Дуоп эдвертайзинг» принадлежал весь холл, начинающийся прямо у двери лифта, сплошь отделанный хромом и розовой кожей. Сандра подошла к широкому столу секретарши, принимавшей посетителей. Большинство современных компаний уже давно отказались от обычая поручать эту работу пышным юным красоткам, заменив их более зрелыми индивидами обоих полов, чтобы создать своей фирме более деловой и солидный имидж. Но рекламное дело есть рекламное дело, здесь секс все еще продавался. Сандра постаралась ограничить свою беседу с секретаршей односложными словами, чтобы не создавать трудностей сидящему за столом прелестному юному созданию.

Предъявив свой жетон нескольким старшим управляющим, Сандра получила разрешение

побеседовать с каждым из служащих. В этом агентстве применялся вариант открытой планировки офиса, ставший популярным в восьмидесятых годах. У каждого сотрудника был свой закуток в центре помещения, ограниченный передвижными перегородками, обтянутыми серой материей. Вдоль стен по периметру конторы располагались кабинеты, но они не принадлежали каким-то конкретным сотрудникам и никому не разрешалось обживать их как свою собственность. Вместо этого они использовались по мере необходимости для консультаций с клиентами, конфиденциальных бесед и так далее.

Теперь ей оставалось только внимательно слушать. Сандра с самого начала знала, что Джо Фрайди был идиотом. «Только факты, мадам», от которых не было никакого толку. Люди неохотно сообщали факты, особенно полицейским. Но вот мнения... все обожают, когда выслушивают их мнения. Сандра пришла к выводу, что искусство сочувственно слушать куда полезнее старого как мир прямолинейно делового подхода. Кроме того, это умение оказывалось лучшим способом найти главного конторского сплетника или сплетницу — того сотрудника, который все про всех знал и не стеснялся делиться своим знанием с другими.

В «Дуоп эдвертайзинг» этим человеком оказался Тоби Бейли.

— Я вижу, как они приходят в этот бизнес и как продвигаются в нем, — вещал Тоби, широко разведя руки, чтобы показать, сколь необъятен мир рекламного дела, охватывающего всю осязаемую реальность. — Хуже всех, конечно, творческие личности. Все они невротики. Но они представляют лишь крохотную часть производственного цикла. Я, например, занимаюсь закупкой рекламного пространства в средствах массовой информации — добываю место для размещения рекламы. Вот где сосредоточена подлинная власть.

Сандра поощряюще поддакнула:

— Это, наверно, захватывающе интересное дело.

— О, не более, чем все прочее, — скромно потупился Тоби. Пропев дифирамбы чудесам рекламного бизнеса, теперь он был готов проявить великодушие. — В нашей работе находят себе место самые разные люди. Взять, например, беднягу Ханса. Он был необычный тип. Обожал женщин — это не значит, что на его жену было неприятно смотреть. Но Ханс, как бы это сказать, его интересовало количество, а не качество. —

Тоби улыбнулся, приглашая Сандру посмеяться над шуткой.

Сандра так и сделала, вежливо хмыкнув.

— Значит, он заботился о том, чтобы его коллекция постоянно пополнялась? Его лишь это волновало?

Тоби протестующе поднял руку, словно опасаясь, что его слова могут быть истолкованы как хула на покойного.

— Нет, нет — ему нравились лишь хорошенькие женщины. Его никогда не видели ни с одной ниже восьми.

— Восьми?

— Ну понимаете — по десятибалльной шкале привлекательности.

Поросенок, подумала Сандра.

— Мне кажется, в рекламном агентстве должно быть немало хорошеньких женщин.

— О да — для упаковки сделок, извините за выражение. — Казалось, он в уме перебирал личные дела сотрудниц компании. — О да, — повторил он.

— Когда я вошла к вам в контору, то сразу обратила внимание на секретаршу.

— Мэган? — подхватил Тоби. — Хороший пример. Ханс положил на нее глаз, как только ее

взяли к нам на работу. Не много потребовалось времени, чтобы его чары подействовали.

Сандра взглянула на список сотрудников, который ей дали. Мэган Малвэни.

— И все же, — продолжала Сандра, — у Ханса были какие-то особые симпатии или, наоборот, антипатии в том, что касалось женщин? Я хочу сказать, хорошеньких — но это уж очень расплывчатая, шаткая категория.

Тоби открыл было рот, словно хотел изречь какую-нибудь пошлость, вроде «уж это точно». Сандра оценила, что он сумел вовремя остановиться. Но он все же выглядел весьма оживленным, словно беседовать с женщиной о хорошеньких женщинах — само по себе было достаточно пикантно.

— Ну, он любил, чтобы они были, как бы это сказать, хорошо оснащенными, если вы уловили, что я имею в виду, и, ну не знаю, мне кажется, ему по вкусу были более разбитные, чем те, что, к примеру, нравились мне. И все же почти всякая была для него законной дичью — я хочу сказать, Кэти или Тони трудно назвать разбитными, хотя они обе весьма привлекательны.

Сандра еще раз украдкой заглянула в свой список. Кэти Хобсон. Тони д'Амброзио. Еще две

ниточки.

— И все же, — она улыбнулась, — многие мужчины только хвастают, а на самом деле их успехи куда скромнее. Об удали Ханса мне говорили многие, но скажите честно, Тоби, был ли он действительно столь удачлив, каким хотел казаться?

— О да, — воскликнул Тоби, чувствуя себя обязанным вступиться за честь усопшего друга. — Если уж он к кому-то подкатывался, то он ее получал. Я ни разу не видел, чтобы он потерпел неудачу.

— Ладно, вы меня убедили, — сказала Сандра. — А как насчет начальницы Ханса?

— Нэнси Колфилд? Вот это действительно штучка! Позвольте мне рассказать вам, как Ханс в конце концов достал ее...

Для Духа, посмертного двойника, уже больше не существовало такой вещи, как биологический сон, какого-то различия между сознательным и бессознательным состоянием.

Человеку из плоти и крови сны дают иную перспективу, возможность по-новому взглянуть на события прошедшего дня. Но у Духа было только одно состояние, один способ смотреть на мир. И все же он искал связи, неожиданные

ассоциации.

Кэти. Его жена — когда-то, давным-давно. Он помнил, что она была прекрасна — для него по крайней мере. Но теперь освобожденные от биологических влечений воспоминания о ее лице, ее фигуре уже не вызывали в нем эстетических эмоций.

Кэти. Вместо сна Дух предавался ленивым, рассеянным размышлениям. Кэти. Является ли это имя анаграммой чего-нибудь? Нет, конечно, нет. Кэти. Катрин. Катерина. Катер?

У катеров такие приятные, плавные линии — некое математическое совершенство, диктуемое законами гидродинамики. Их красоту по крайней мере он был способен оценить.

Кэти. Этик. Она сделала что-то. Что-то плохое. Что-то причинившее ему боль.

Он, конечно, помнил, что именно, постаравшись припомнить эту боль точно так же, как он мог припомнить и другие прошлые боли. Как он сломал ногу, катаясь на лыжах. Содранную в детстве коленку. Как он в десятый раз ушибал голову о низкую потолочную балку в коттедже родителей Кэти.

Воспоминания.

Но теперь наконец он больше не чувствовал

никакой боли.

Никаких болевых рецепторов.

Никаких нервов. Никакой нервности.

Нервность. Анаграмма слова «ревность».

Нечто, чего я больше не испытываю.

Сны были когда-то отличным способом устанавливать связи.

Духу будет не хватать снов.

ГЛАВА 28

Хотя Тоби Бейли дал ей несколько хороших ниточек, Сандра продолжала в алфавитном порядке отрабатывать список служащих компании «Дуоп». Наконец настала очередь Кэти Хобсон — одной из тех женщин, с которыми, по словам Бейли, у Ханса была связь.

Пока Кэти усаживалась, Сандра сумела ее хорошенько рассмотреть. Привлекательная женщина, стройная, с пышными черными волосами. Со вкусом одета.

Сандра улыбнулась:

— Мисс Хобсон, спасибо, что уделили мне время. Я вас долго не задержу. Я просто хочу задать несколько вопросов о Хансе Ларсене.

Кэти кивнула.

— Насколько хорошо вы его знали? — спросила Сандра.

Взгляд Кэти скользнул мимо Сандры и уперся в стену позади нее.

— Не слишком.

Пока не стоит открыто проявлять недоверие к ее словам. Она посмотрела на данные своей

электронной записной книжки.

— Он проработал здесь дольше, чем вы. Меня интересует все, что вы можете о нем сказать. Что он был за человек?

Теперь Кэти смотрела в потолок.

— Очень... компанейский.

— Да?

— И пожалуй, с несколько грубоватым чувством юмора.

Сандра кивнула:

— Другие тоже это отмечали. Он рассказывал множество сальных анекдотов. Это не раздражало вас, мисс Хобсон?

— Меня? — Кэти удивилась и впервые посмотрела Сандре в глаза. — Нет.

— Что еще вы можете вспомнить?

— Он, хм, хорошо справлялся со своей работой, насколько я понимаю. Но наши служебные дела редко пересекались.

— Что еще?

Сандра поощряюще улыбнулась:

— Любые мелочи могут оказаться полезными.

— Ну, он был женат. Полагаю, вам это известно. Его жену звали, э-э...

— Донна-Ли, — подсказала Сандра.

— Да, именно так.

— Симпатичная женщина, правда?

— Она в порядке, — подтвердила Кэти. — Очень хорошенькая. Но я встречалась с ней всего раза два.

— Она что, приходила к вам на работу?

— Нет, я такого не припомню.

— Тогда где вы с ней виделись?

— О, иногда наша компания отсюда ходила в паб пропустить по стаканчику.

Сандра сверилась со своими заметками.

— Каждую пятницу, — уточнила она. — По крайней мере мне так говорили.

— Да, верно. Иногда там ненадолго показывалась и его жена.

Сандра внимательно посмотрела на Кэти.

— Так, значит, вы общались с Хансом не только на службе, мисс Хобсон?

Кэти сделала протестующий жест:

— Только в компании. Иногда мы доставали билеты на матч «Голубых соек» и все вместе ходили на него. Ну знаете — билеты, предоставляемые нашей фирме поставщиками. — Она вдруг прикрыла рот рукой. — Ох! Это ведь не противозаконно, да?

— Нет, насколько мне известно, — успокоила ее Сандра, вновь улыбнувшись. — На самом деле это

не по моей части. Когда вы видели Ханса вместе с женой, они казались счастливой парой?

— Трудно сказать. Наверно, да. Я, собственно, вот что имела в виду: кто может, глядя на брак со стороны, узнать, что там на самом деле происходит?

Сандра кивнула:

— Вполне с вами согласна.

— Она казалась довольной.

— Кто?

— Вы же знаете — жена Ханса.

— Которую зовут?..

Кэти выглядела сконфуженной.

— Ну, Д... Донна-Ли.

— Да, Донна-Ли.

— Вы уже это говорили, — заметила Кэти с легким упреком.

— О да. Это я уже говорила. — Сандра тронула клавиши миниатюрного компьютера, сверяясь со своим списком вопросов. — Вот еще один вопрос, уже по другому поводу. Кое-кто из уже опрошенных мной сотрудников утверждает, что у Ханса была репутация бабника.

Кэти промолчала.

— Верно ли это, миссис Хобсон? — Впервые Сандра обратилась к ней «миссис», а не «мисс».

— Ну-у, пожалуй, да, похоже, что так и есть.

— Мне также сказали, что он переспал со многими женщинами в этой фирме. Вы слышали о нем подобные вещи?

Кэти сняла какую-то невидимую пылинку со своей юбки.

— Пожалуй, да.

— Но вы не сочли нужным об этом упомянуть?

— Мне не хотелось... — Она умолкла.

— Не хотелось дурно отзываться о покойном. Конечно, конечно. — Сандра тепло улыбнулась. — Простите, что я об этом спрашиваю, но, гм, у вас с ним что-нибудь было?

Кэти подняла голову:

— Конечно, нет. Я...

— Замужняя женщина, — закончила за нее Сандра. — Само собой. — Она снова улыбнулась. — Я действительно прошу простить меня, но поймите, я обязана была задать этот вопрос.

Кэти открыла было рот, чтобы продолжить возражения, но тут же его закрыла. По лицу собеседницы Сандра без труда прочла драму, разыгравшуюся у той в душе. Леди не должна слишком уж упорно отрицать, очевидно, крутилось у Кэти в голове.

— Вы знаете кого-нибудь, с кем он состоял в

связи? — спросила Сандра.

— С уверенностью не могу этого сказать.

— Но наверняка, раз уж у него была такая репутация, об этом велись разговоры?

— Слухи, конечно, были. Но я не люблю пересказывать сплетни, инспектор, и... — тут в голосе Кэти появились резкие нотки, — не думаю, что вы вправе этого требовать от меня.

Сандра кивнула, словно ее устраивала такая позиция. Она захлопнула крышку своего микрокомпьютера.

— Спасибо вам за прямоту, — сказала она таким тоном, что было совершенно непонятно, следует ли воспринимать эту реплику как искреннюю или как саркастическую. — Остался лишь один последний вопрос. Я еще раз прошу меня извинить, но я обязана его задать. Где вы были четырнадцатого ноября между восемью и девятью часами утра? Тогда, когда умер Ханс?

Кэти наклонила голову:

— Дайте сообразить. Это произошло за день до того, как мы все об этом узнали. Разумеется, я должна была в это время ехать на работу. В самом деле, раз уж вы спросили об этом, в тот день я подвозила на работу Карлу.

— Карла? Кто она такая?

— Карла Вышински, моя приятельница. Она живет в двух кварталах от нас. У нее сломалась машина, и я согласилась подбросить ее.

— Ясно. Что же, большое вам спасибо, мисс Хобсон. — Она снова заглянула в свой список фамилий. — Когда вы выйдете отсюда, не будете ли так любезны попросить зайти ко мне мистера Стефена Джессапа?

ГЛАВА 29

Избавиться от Ханса Ларсена оказалось легко. В самом деле, зачем стараться заметать следы? Да, полиция, несомненно, займется расследованием этого преступления, но нетрудно будет обнаружить десятки людей, жаждущих, чтобы распутного Ханса постигло возмездие в том же романтическом стиле.

Однако двойник знал, что второе устранение надо провернуть намного тоньше. Здесь требовалось нечто неуловимое — нечто, что даже не выглядело бы как убийство.

По мере того как расходы на здравоохранение продолжали постоянно возрастать, большинство развитых стран стали уделять все больше внимания сравнительно дешевой профилактике вместо катастрофически разорительного лечения. Для этого нужно было определять, какие заболевания скорее всего могут возникнуть у каждого отдельного пациента, что требовало подробного знания истории болезней его предков и родственников. Но поначалу не у всех имелся доступ к такого рода информации.

В 2004 году группа взрослых людей, в детстве взятых на воспитание приемными родителями, сумела добиться от провинциальных и федеральных правительств создания общенациональной Базы данных конфиденциальных медицинских записей, получившей сокращенное название «МедБаза». Смысл ее создания был очевиден: все медицинские записи должны быть сведены воедино, чтобы любой врач мог получить доступ к медицинской информации о родственниках любого своего пациента. Сами имена этих родственников оставались засекреченными из соображений защиты неприкосновенности личной жизни, причем даже тогда — как это часто бывает с приемными детьми, — когда сам пациент ничего не знает о своих настоящих родственниках.

Двойнику пришлось предпринять более двадцати попыток, но в конце концов он сумел найти доступ к МедБазе, и оттуда окольным путем получить нужную ему информацию.

Вход: jdesalle
Пароль: ellased
Добро пожаловать!
Канадская служба здравоохранения
и социального обеспечения

МЕДБАЗА
для англоязычных
для франкоязычных
·1
Введите название провинции или территории проживания пациента (С для списка):
·Онтарио
Введите имя пациента или номер карточки медицинского страхования:
33 1834 22 149
Хобсон, Катрин Р. Верно? (Да/Нет)
·Да
Что вам хотелось бы сделать?
Получить медицинские записи о пациенте?
Провести поиск в записях о родственниках пациента?
·2
Что искать? (П для подсказки)

Двойник выбрал П, прочел тексты подсказок и затем сформулировал свой запрос.

·Семейный риск, болезни сердца

Ему пришлось подождать, пока система осуществляла поиск.

Корреляции обнаружены.

Затем компьютер выдал список записей о ше-

сти разных родственниках Кэти, у которых в течение нескольких лет наблюдались болезни сердца. Хотя никаких имен названо не было, двойнику не составило труда сообразить на основании возраста, в котором впервые проявилась ишемическая болезнь сердца, какие записи относились к Роду Черчиллу.

Двойник запросил полное досье на этого пациента. Компьютер выдал его, опять не называя имени. Двойник стал подробно изучать историю его болезни. В настоящее время Род принимал лекарство от ишемической болезни и еще одно лекарство под названием фенелзин. Двойник подключился к МедЛайн — общей базе данных медицинской информации — и начал поиск литературы по этим двум препаратам.

Ему пришлось основательно повозиться, то и дело справляясь в сетевом медицинском словаре, но наконец он нашел то, что искал.

Долгий день опроса сотрудников «Дуоп эдвертайзинг» наконец закончился. Детектив Сандра Фило медленно вела машину по дороге домой, в свою пустую квартиру. Она воспользовалась установленным в машине телефоном, чтобы проверить еще кое-что.

— Карла Вышински? — спросила она в мик-

рофон.

— Да? — ответил голос из динамика.

— Это инспектор-детектив Александра Фило из городской полиции. У меня есть к вам один короткий вопрос.

Карла, кажется, забеспокоилась:

— А, да. Да, конечно.

— Вы, случайно, не встречались утром десятого ноября с Кэти Хобсон?

— С Кэти? Минутку, я возьму свой календарик. — Звуки нажимаемых клавиш. — Десятого? Нет, боюсь, что нет. С ней что-нибудь стряслось?

Сандра свернула на бульвар Лоуренс-Вест.

— Я сказала десятого? — спросила она. — Простите, я ошиблась. Я имела в виду четырнадцатого.

— Я не думаю... — Снова щелчки клавиш. — Ой, подождите. В этот день моя машина проходила техобслуживание. Да, Кэти подвезла меня до работы — она очень отзывчива в таких случаях.

— Спасибо, — сказала Сандра. Это был стандартный прием — сначала проверить, нет ли у человека привычки лгать, выгораживая приятелей, и лишь затем задать настоящий вопрос. У Кэти Хобсон определенно было надежное алиби. И все же, если это было заказное убийство, тот факт, что в момент преступления она нахо-

дилась в другом месте, практически ничего не доказывал.

— Что-нибудь еще? — спросила Карла Вышински.

— Нет, это все, что я хотела знать. Вы собираетесь уезжать из города?

— Хм, да, — я планирую поехать в отпуск в Испанию.

— Ну что ж, тогда счастливо отдохнуть. — вежливо попрощалась Сандра.

Ей никогда не надоедало вот так шутить.

Дух, загробный двойник, шарил по сети в поисках новых стимулов.

Все было таким статичным, таким неизменным. Конечно, он мог очень быстро проглотить еще одну книгу или кучу новостей, но сама информация была пассивной, и это в конечном счете делало ее утомительно скучной.

Дух также бродил по банкам памяти компьютеров «Зеркального отражения». В конце концов он нашел игровой банк Саркара и попытался играть в шахматы, тетрис, го и тысячу других игр, но они оказались не лучше, чем интерактивные игры, в которые можно было играть по сети. Питеру Хобсону на самом деле никогда по-настоящему не нравились игры. Он куда больше любил

вкладывать свои силы во что-то действительно меняющее мир, чем предаваться дурацким развлечениям, в конечном счете совершенно бесполезным. Дух продолжал свои поиски, просматривая файл за файлом.

И наконец он набрел на поддиректорию, которая называлась А-ЖИЗНЬ.

Здесь развивались синие рыбки, и те, которые признавались наиболее приспособленными, отбирались для размножения. Дух наблюдал, как перед ним прошло несколько поколений, и был восхищен увиденным. Жизнь, мечтательно подумал он.

Жизнь. Наконец-то Дух нашел нечто, его заинтриговавшее.

ГЛАВА 30

По мнению Саркара, прошло уже достаточно времени, чтобы двойники приспособились к своему новому окружению. Теперь пришла пора задавать серьезные вопросы. Но и у Саркара, и у Питера были неотложные дела и только через два дня они наконец смогли встретиться в компьютерной лаборатории «Зеркального отражения».

Саркар вызвал в актуальную память Амбротоса. Он уже хотел было начать задавать ему вопросы, но передумал.

— Это твое сознание, — обратился он к Питеру. — Ты и должен задавать вопросы.

Питер кивнул и прочистил горло.

— Привет, Амбротос, — сказал он.

— Привет, Питер, — ответил механический голос.

— На что в самом деле похоже бессмертие?

Амбротос долго молчал, прежде чем ответить, было такое впечатление, что он предается созерцанию этой самой вечности.

— Оно... отдыхательно, это, наверно, лучшее слово для его описания. — Снова пауза. Ему

некуда было спешить. — Я и не подозревал, как угнетает нас старение. О, я знаю, женщины иногда говорят, что постоянно ощущают тиканье своих биологических часов. Но есть еще большие часы, которые действуют на всех нас, по крайней мере на целеустремленных людей, которые хотят чего-то достичь, одним словом, таких, как мы с тобой. Мы знаем, что в нашем распоряжении весьма ограниченный запас времени, а так много хочется успеть. Мы проклинаем каждую минуту, потраченную впустую. — Снова пауза. — Что же, теперь это для меня не имеет значения. Я по-прежнему стремлюсь доводить дела до конца, но для меня всегда будет завтра. Всегда будет время докончить начатое.

— Я не уверен, что уменьшение мотивации можно считать положительным аспектом. Я люблю все доводить до конца, — немного подумав, заметил Питер.

Ответ Амбротоса был полон бесконечного спокойствия:

— И я люблю отдыхать. Мне нравится знать, что я могу, если захочу, провести три недели или три года, обучаясь чему-то, что мне пришлось по вкусу, без всякого ущерба для своего продуктивного времени. И если мне сегодня больше хочется

читать роман, чем корпеть над каким-нибудь проектом, то что в этом плохого?

— Но, — возразил Питер, — ты так же, как теперь и я, знаешь, что существует какая-то форма жизни после смерти. Разве тебе это не интересно?

— Мы с тобой никогда не верили в жизнь после смерти. Даже сейчас, когда мы знаем, что да, нечто действительно переживает физическую смерть тела, меня не привлекает загробная жизнь, какой бы она ни была. Ясно, что она должна выходить за рамки физического существования — она связана с интеллектом, а не с телом. Я никогда не считал себя сенсуалистом, и мы оба знаем, что я не очень атлетически развит. Но мне нравится секс. Мне нравится чувствовать солнечные лучи на своей коже. Я люблю поесть по-настоящему вкусную пищу и просто какую угодно пищу. Лишившись своего тела, я бы скучал по нему. Мне не хватало бы физических стимулов. Я бы скучал — скучал по всему. По гусиному мясу и щекотке, по возможности от души пукнуть и провести рукой по собственной тени и по многому другому. Конечно, жизнь после смерти может быть вечной, как, впрочем, и телесное бессмертие, а мне больше нравится телесная часть.

Питер был начеку; Саркар внимательно слушал эту беседу.

— А что насчет... насчет наших взаимоотношений с Кэти? Наверно, ты думаешь, что этот брак — всего лишь мимолетный эпизод в огромной жизни?

— О нет, — не согласился Амбротос. — Странно — несмотря на ту шутку Колина Годойо, мне казалось, что бессмертный должен проклинать тот день, когда он поклялся делать что-то, «пока смерть не разлучит нас». Но теперь я так не думаю. На самом деле это перевело бы брак в совершенно новое измерение. Если бы Кэти тоже стала бессмертной, появилась бы возможность — настоящая возможность, — что я смогу окончательно, доподлинно, полностью узнать ее. Даже за те пятнадцать лет, которые мы прожили вместе, я уже изучил ее лучше, чем какого-либо другого человека. Я знаю, какого рода рискованная шутка заставит ее хихикнуть, а какая вызовет негодование. Я знаю, как важны для нее ее керамические работы, знаю, что она на самом деле не вполне искренна, когда утверждает, что не любит фильмы ужасов, но что ей серьезно не нравится рок-музыка пятидесятых годов. Я много раз убеждался, насколько она сообразительна

— сообразительнее меня во многих отношениях; в конце концов, я никогда не мог разгадать кроссворда из газеты «Нью-Йорк таймс».

При этом я все еще знаю лишь крохотную ее часть. Несомненно, она ничуть не проще меня самого. Что она на самом деле думает о моих родителях? О своей сестре? Молилась ли она когда-нибудь про себя? Действительно ли ей доставляют удовольствие некоторые вещи, которые мы делаем вместе, или она только терпит их? Есть ли у нее тайные мысли, которыми она даже после стольких лет не решается поделиться со мной? Конечно, мало-помалу мы в совместных делах обмениваемся небольшими кусочками наших душ, но проведенные вместе десятилетия позволят нам еще лучше узнать друг друга. И это порадовало бы меня больше всего на свете.

Питер нахмурился:

— Но люди меняются. Потратить тысячу лет на изучение человека — почти то же самое, что тысячу лет заниматься изучением, к примеру, города. Проходит какое-то время, и прежняя информация полностью устаревает.

— И это замечательно, — сказал двойник, на этот раз не медля ни секунды. — Я смог бы вечно жить с Кэти и без конца узнавать о ней что-ни-

будь новое.

Питер откинулся назад в своем кресле, обдумывая услышанное. Саркар воспользовался случаем и вступил в разговор:

— Но разве бессмертие не наскучит?

Двойник рассмеялся:

— Прости меня, дружище, но это одна из самых дурацких идей, о которых я когда-либо слышал. Скучать, когда перед тобой открыта для постижения вся совокупность творения? Я не читал ни одной пьесы Аристофана, не выучил ни одного азиатского языка. Я ничего не смыслю в балете, или в лакроссе, или в метеорологии, кроме того, не умею читать ноты и играть на барабанах. — Снова смех. — Я хочу написать рассказ, сонет и песню. Да, пока что у меня получается дерьмо, но в конце концов я научусь делать это хорошо. Я хочу научиться живописи и пониманию оперного искусства, хочу по-настоящему изучить квантовую механику, хочу прочитать все великие книги и все паршивые тоже. Мне хочется узнать о буддизме, иудаизме и адвентистах седьмого дня. Я хочу побывать в Австралии, Японии и на Галапагосских островах и отправиться в космос. Или спуститься на дно океана. Одним словом, я хочу научиться всему этому, сделать все это, про-

жить все это. Бессмертие скучно? Какая ерунда. Даже всей жизни Вселенной может не хватить, чтобы сделать все то, что мне хочется сделать.

Беседа Питера и Саркара с двойником была прервана звонком секретаря Саркара.

— Прошу прощения, — извинился маленький азиат, появившийся на экране видеофона, — поступил вызов по линии дальней видеосвязи, просят доктора Хобсона.

Питер удивленно пожал плечами. Саркар жестом показал ему на кресло перед видеофоном.

— Я здесь, Чин.

— Я слушаю, — сказал Питер.

Картинка на экране изменилась, теперь это была рыжеволосая женщина средних лет: Бренда Мак-Тавиш, директор приюта для престарелых шимпанзе в Глазго.

— Ах, Питер, — возбужденно заговорила она, — я звонила вам в офис, и мне помогли вас найти.

— Привет, Бренда, — поздоровался Питер. Он внимательнее вгляделся в экран. Неужели она плакала?

— Простите, что я в таком виде, — продолжала она. — Мы только что потеряли Корнелиуса, одного из наших старейших обитателей. У него случился сердечный приступ; обычно у шимпан-

зе их не бывает, но его много лет использовали в исследованиях по курению. — Она укоризненно покачала головой, осуждая подобную жестокость. — Когда мы в первый раз беседовали, я, конечно, еще не знала, чем вы занимаетесь. Теперь я видела ваши телеинтервью и прочла о вашем открытии все, что писали в «Экономисте». Так или иначе, мы получили нужные вам записи. Сегодня вечером я отправлю их вам по сети.

— Вы их просмотрели? — спросил Питер.

— Угу, — кивнула она. — У шимпанзе есть души. — В ее голосе прозвучала горечь, очевидно, она подумала о своем потерянном друге. — Как будто в этом вообще можно было сомневаться.

Первое, что пришло в голову двойнику, — это попробовать проникнуть в базу данных сети аптек, которой пользовался Род Черчилл. Но несмотря на многочисленные попытки, ему это не удалось. И неудивительно: конечно же, у аптеки должна была быть очень надежная система безопасности. Правда, существовало много других способов спустить шкуру с учителя физкультуры. И кругом было полно компьютерных систем с низким уровнем безопасности...

С начала семидесятых годов иммиграционные чиновники Международного аэропорта

им. Пирсона в Торонто использовали простой способ проверки каждого, у кого были не совсем в порядке документы, если он утверждал, что является жителем Торонто. Они спрашивали у этого человека телефонный номер знаменитой торонтской фирмы по доставке пиццы на дом. Нельзя было жить в Торонто и не знать этого номера: он красовался на рекламных щитах, в бесчисленных газетных и телевизионных рекламах, его назойливо пели, как стихи, в рекламных радиопередачах.

Проходили десятилетия, и фирма все расширяла свой набор доставляемых на дом блюд, сначала добавив к пицце другие образчики итальянской кухни, затем сандвичи, потом гамбургеры, и, наконец, охватила весь диапазон современной кухни — от дешевых закусок, которые обычно едят на ходу, до экзотических кулинарных шедевров. Но даже в первые годы своего существования, когда она торговала только пиццей, эта компания гордилась своей самой современной для тех лет компьютеризованной системой приема заказов. Все заказы принимались централизованно по одному-единственному телефонному номеру и затем передавались в тот из более чем трехсот филиалов компании, который находился

ближе всего к дому заказчика, так что горячая пища доставлялась в течение получаса после его звонка — в противном случае клиент получал ее бесплатно.

Что же, Род Черчилл сказал, что каждую среду вечером, когда его жена уходила на курсы разговорного французского языка, он заказывал ужин в компании «Фуд Фуд». В памяти компьютеров этой сети должны были быть записи о всех блюдах, которые он когда-либо там заказывал, — «Фуд Фуд» славилась тем, что не только могла выдать ваш предыдущий заказ, но также по вашему желанию повторить любой заказ, который вы когда-либо у них делали.

На это ушла пара дней упорного труда, но двойнику удалось в конце концов подобрать отмычки к системе защиты компьютеров «Фуд Фуд» — как он и ожидал, меры безопасности здесь были не такие строгие, как в аптеках. Он вызвал досье на заказы Рода.

Отлично. Как и все рестораны, компания «Фуд Фуд» была обязана предоставлять клиентам полную информацию об ингредиентах и химическом составе всех заказываемых блюд; заказчик мог прочесть ее у себя дома по видеотелефону. Двойник тщательно просмотрел эту информацию,

пока не нашел как раз то, что искал.

ОБЗОР СЕТЕВЫХ НОВОСТЕЙ

Папа Бенедикт XVI сегодня огласил энциклику, подтверждающую существование бессмертной божественной души у человеческих существ. Понтифик сообщил, что Папская Комиссия по науке сейчас занимается оценкой доказательств, связанных с открытием душеграмм. По непроверенным данным, Ватикан заказал у компании «Хобсон мониторинг Лимитед» три детектора душеграмм.

Новости благотворительности: торонтский филиал организации «Объединенный путь» объявил сегодня, что пожертвования за последнюю неделю достигли рекордной суммы. Американский Красный Крест сегодня сообщил, что за последние десять дней было собрано больше порций донорской крови, чем за любой сопоставимый период после Великого калифорнийского землетрясения. Филиал Общества по борьбе со СПИДом штата Айова с признательностью сообщает о получении анонимного пожертвования в $10000000. А телепроповедник Гус Хонейуэлл, чей собственный орбитальный ретранслятор

обеспечивает прямую передачу его телепрограмм на весь мир, недавно удвоил сумму благотворительного вступительного взноса в его «Круг избранников Божьих» с $50000 до $100000.

В 1954 году американский врач Мозес Кеналли учредил премиальный фонд на сумму $50000 в пользу любого, кто сможет доказать существование какой-либо формы жизни после смерти. В течение прошедших с тех пор пятидесяти семи лет управление фондом осуществляло Коннектикутское парапсихологическое общество, которое сегодня вынесло решение о том, что предусмотренная условиями премиальная сумма, составляющая ныне $1077543, будет выплачена Питеру Дж. Хобсону из Торонто, первооткрывателю душеграмм.

Лучший памятник! Похоронное бюро Дэвидсонов теперь предлагает сделанные у смертного ложа записи отбывающих душеграмм. Обращайтесь к нам за подробностями.

Член палаты представителей Пол Кристмас (республиканец от штата Айова) сегодня внес на обсуждение в палате законопроект, требующий от администрации госпиталей прекращать жизнеподдержание пациентов, не имеющих

реальных шансов на возвращение сознания. «Мы препятствуем стремлению Бога вернуть домой эти несчастные души», — заявил он.

ГЛАВА 31

Питер сделал несколько телефонных звонков, чтобы передать новости, полученные из Глазго, затем снова присоединился к Саркару. Саркар переместил Амбротоса в резервный банк памяти, сделав его фоновым процессом, и вызвал в рабочий блок памяти Духа, посмертного двойника. Питер склонился к микрофону.

— Мне бы хотелось задать тебе один вопрос, — сказал он.

— Несомненно, самый главный вопрос, — перебил двойник. — На что это похоже — быть мертвым?

— Совершенно верно.

Из динамика послышался голос Духа:

— Это как... — Но затем голос затих.

Питер наклонился вперед в нетерпеливом ожидании:

— Да?

— Это все равно что быть трубкозубом.

Питер слегка опешил:

— Как же это может быть похоже на жизнь трубкозуба?

— Или, может быть, муравьедом, — добавил двойник. — Я себя не вижу, но знаю, что у меня очень длинный язык.

— Перевоплощение... — задумчиво произнес Саркар, покачав головой. — Моих друзей-индуистов это порадует. Но должен заметить, Питер, я надеялся, что тебя ожидает нечто более приятное, чем перевоплощение в трубкозуба.

— Я проголодался, — нагло заявил голос из динамика. — Не найдется ли у кого-нибудь из вас немного муравьев?

— Я этому не верю, — проворчал Питер.

— Ха! — откликнулся динамик. — Я видел, как ты заглянул сюда на минутку.

— Нет, — возразил Питер. — Ты не мог меня видеть.

— Ну, — неохотно согласился голос, — тогда, значит, это был Саркар.

— Кончай заливать, — возмутился Саркар.

— Ты просто нас дразнишь, — поддержал Питер.

— Каков отец, таков и сын, — ответил двойник.

— Ты что-то слишком много шутишь, — сказал Питер в микрофон.

— Смерть очень забавна, — продолжал Дух.

— Нет, скорее это жизнь очень забавна. Нелепа, сказать по правде. Все это — сплошная нелепость.

— Забавна? — переспросил Саркар. — Я думал, смех — это физиологическая реакция.

— Хохот — возможно, хотя я пришел к выводу, что это скорее социальное, чем биологическое явление, но способность находить что-то смешным не биологична. Я знаю, что, когда Питер смотрит по телевизору комедии, он почти никогда не смеется вслух, но это вовсе не значит, что ему не смешно.

— Пожалуй, — согласился Питер.

— По правде сказать, я теперь точно знаю, что такое юмор: это реакция на внезапное образование неожиданных нейронных сетей.

— Не дошло, — сказал Питер.

— Вот именно. «Не дошло». Люди говорят в точности одно и то же, когда они не понимают чего-то серьезного и когда они не понимают шуток: мы интуитивно чувствуем, что не хватает какого-то соединения. Это соединение является нейронной сетью. — Загробный двойник продолжал без единой запинки. — Смех — даже если это всего лишь внутренний смех, кстати, единственно возможный для меня сейчас, так как и сторона

у меня теперь только одна, внутренняя, — это реакция, сопровождающаяся образованием в мозгу новых соединений. Но при этом наблюдается очень сильное возбуждение синапсов. Так они никогда прежде не возбуждались или в крайнем случае делали это очень редко. Когда вы слышите новую шутку, вам смешно, и вы даже можете рассмеяться, услышав ее во второй или в третий раз, но любая шутка рано или поздно приедается. Вы ведь знаете старую шутку: «Зачем цыпленок перешел через дорогу?» Мы все смеялись над ней в детстве, а вот взрослым она совсем не кажется смешной, и это различие в нашей реакции связано вовсе не с тем, что в самой этой шутке есть что-то детское — на самом деле это не так, — она, напротив, весьма изощренная. Все дело в том, что соответствующая нейронная сеть теперь уже прочно установлена.

— Какая нейронная сеть? — спросил Питер.

— Та, которая связывает наши представления о домашней птице, которую мы обычно считаем глупой и пассивной, и наши представления о целеустремленности и личной инициативе. Вот что смешно в этой шутке: идея, будто цыпленок мог перейти через дорогу потому, что он сам этого захотел, потому что ему, возможно, стало любо-

пытно, что там, на той стороне; это новая идея, и образование новой сети взаимодействующих нейронов, выражающей эту идею, и вызывает то мгновенное нарушение мыслительных процессов, которое мы называем смехом.

— Я не уверен, что могу с этим согласиться, — сказал Питер.

— Я бы пожал плечами, если бы мог. Хорошо, постараюсь это доказать. Знаешь, что заказывает мистер Спок, когда заходит в интендантство Звездного Флота? — Здесь двойник впервые сделал паузу, как заправский комик. — Один «Вулкан», только, пожалуйста, не с расплавленной системой управления.

— Очень неплохо, — одобрил Питер, улыбнувшись.

— Спасибо. Разумеется, я только что это придумал, не мог же я рассказать тебе анекдот, который мы оба уже знаем. А теперь подумай: что, если бы я рассказал этот анекдот немножко по-другому, начав, к примеру, так: «Ты когда-нибудь слышал о «Вулкане» с расплавленной системой управления?» Так вот...

— Это бы все испортило.

— Вот именно! Та часть твоего мозга, где содержатся мысли о «Вулкане» с расплавленной

системой управления, была бы заранее активирована, и в конце рассказа не возникла бы неожиданная ассоциация между мыслями о еде, например, о мороженом, и бомбардировщиках «Вулкан». Обычно они не связаны между собой. А ведь именно это новое соединение и вызвало смех.

— Но мы редко смеемся вслух, когда остаемся одни, — заметил Саркар.

— Совершенно верно. Мне кажется, смех в обществе служит совсем другой цели, чем внутренний смех. Видишь ли, неожиданные соединения могут доставлять удовольствие, но они могут также и огорчать — мозг начинает тревожиться, все ли с ним в порядке, — так что когда рядом есть другие люди, он посылает им свой сигнал, и если этот сигнал возвращается, то мозг успокаивается; если же нет, то мозг озабочен — может, со мной что-то не так? Вот почему люди столь серьезны, когда говорят: «Ты что, не понял?» Им отчаянно хочется разъяснить шутку, и они сильно расстраиваются, когда другой человек не находит ее смешной. Именно поэтому в комедиях положений, предназначенных для показа по телевидению, приходится заранее записывать на пленку звуки хохота в определенных местах.

Это делается не для того, чтобы подсказать нам, где мы должны смеяться, а чтобы заверить нас, что мы действительно смеемся там, где надо, что смеяться здесь нормально. Звуковая дорожка с записью хохота не может сделать глупое шоу хоть чуточку смешнее, но она помогает получить максимум удовольствия от смешной комедии, позволяя нам расслабиться.

— Но какое это может иметь отношение к загробной жизни? — спросил Питер.

— Самое прямое. Поиск новых ассоциаций — вот все, что мне осталось. С юных лет я каждые несколько минут думал о сексе, но теперь я не только не чувствую полового влечения, а даже не понимаю, почему был настолько всем этим озабочен. У меня также были навязчивые мысли о еде, я вечно гадал, что буду есть в следующий раз, но и это меня теперь нисколько не волнует. Единственное, что мне осталось, это искать новые связи. Единственное мое теперешнее достояние — это юмор.

— Но у многих людей почти нет чувства юмора, — заметил Саркар.

— Я теперь могу представить себе ад, — не слушая его, продолжал Дух, — только как необходимость проводить вечность, не имея возможности

находить целый океан новых ассоциаций, не видя вещи в новом свете, не хихикая над абсурдностью экономики, религии, науки, искусства. Все это очень, очень смешно, стоит только хорошенько вдуматься.

— Но... но что насчет Бога?

— Бога нет, — весьма категорично заявил Дух, — по крайней мере такого, каким его описывают в воскресной школе, но, разумеется, не нужно умирать, чтобы в этом убедиться: зная, что миллионы детей в Африке умирают от голода, что двести тысяч человек погибли при Великом калифорнийском землетрясении, что повсюду людей пытают, насилуют и убивают, нетрудно сделать вывод, что никто не заботится о каждом из нас в отдельности.

— Значит, всего лишь к этому и сводится жизнь после смерти? К юмору?

— Не вижу в этом ничего плохого, — произнес Дух. — Ни боли, ни страдания, ни желаний. Только множество восхитительных новых ассоциаций. Много смеха.

Род Черчилл набрал волшебный номер и услышал, как его телефон издал знакомую серию нот.

— Спасибо, что позвонили в «Фуд Фуд», — ответил женский голос на другом конце провода.

— Могу я принять ваш заказ?

Род вспомнил былые времена, когда «Фуд Фуд» и ее прародитель-пиццерия всегда начинали с того, что спрашивали номер вашего телефона, так как именно по этому номеру они индексировали записи в своей базе данных. Но с появлением автоматического определителя номера записи с адресом заказчика и его предыдущими заказами появлялись на экране оператора по приему заказов в тот момент, когда он отвечал на звонок.

— Пожалуйста, — сказал Род. — Я бы хотел получить то же самое, что и в прошлую среду.

— Ростбиф средней поджаристости, с нежирной подливкой, печеный картофель, овощное рагу и яблочный пай. Правильно, сэр?

— Да, — ответил Род. Перед тем как начать заказывать у них ужин, он тщательно просмотрел по сети список ингредиентов, используемых в «Фуд Фуд», выбирая только такие блюда, которые были совместимы с принимаемым им лекарством.

— Нет проблем, сэр, — сказала приемщица. — Что-нибудь еще будете брать?

— Нет, спасибо, это все.

— Всего с вас 72 доллара 50 центов. Платить будете наличными или по кредитной карточке?

— По моей карточке «Виза», пожалуйста.

— Номер карточки?

Род знал, что она видит этот номер перед собой на экране, а проверка является просто мерой предосторожности. Он продиктовал цифры и, не дожидаясь следующего вопроса, сообщил срок действия карточки.

— Хорошо, сэр. Сейчас 6:18. Ваш ужин будет доставлен не позднее чем через полчаса, в противном случае вы получите его бесплатно. Спасибо, что позвонили в «Фуд Фуд».

Питер и Саркар сидели в буфете «Зеркального отражения». Питер потягивал из банки диетическую колу; Саркар пил настоящую колу — только когда им с Питером приходилось пользоваться одним кувшином, Саркар довольствовался низкокалорийными напитками.

— Много смеха, — задумчиво произнес Саркар. — Какое странное определение смерти. — Пауза. — Может, нам лучше отныне называть его «Бренность», а не «Дух» — в конце концов, он теперь юморист.

Питер улыбнулся.

— А ты заметил, как он разговаривает?

— Кто? Дух?

— Да.

— Я не заметил ничего необычного, — пожал

плечами Саркар.

— Он очень многословен.

— Ха, Питер, тогда у меня есть для тебя новость. Ты тоже.

Питер хмыкнул.

— Я имею в виду, он говорит невероятно длинными фразами. Очень сложными, с массой придаточных предложений и причастных оборотов.

— Да, действительно.

— Ты когда-нибудь беседовал с ним раньше?

— Да.

— Мы можем получить тексты этих бесед?

— Конечно. — Они прихватили с собой напитки и вернулись в лабораторию. Саркар нажал нужные клавиши, и принтер выплюнул несколько десятков тоненьких страничек.

Питер взглянул на текст.

— У тебя есть программа грамматического контроля?

— У нас есть кое-что получше: Вычитчик, одна из наших экспертных систем.

— Ты можешь пропустить через нее этот текст?

Саркар ввел в компьютер несколько команд.

Анализ реплик Духа из различных бесед появился на экране.

— Поразительно, — изумился Саркар. Он показал на одну из цифр. — Если отбросить простые междометия, Дух в среднем использовал тридцать два слова в каждом предложении, а в некоторых местах ухитрялся составить предложения более чем из трехсот слов в каждом. Нормальная средняя цифра составляет всего около десятка слов в одном предложении.

— Может твой Вычитчик выправить все эти протоколы?

— Конечно.

— Ну так прямо сейчас и займись этим.

Саркар ввел еще несколько команд.

— Невероятно, — воскликнул он, как только результаты появились на экране. — Здесь почти нечего было править. Дух полностью справляется с синтаксисом своих длиннющих предложений и никогда не теряет нить разговора.

— Потрясающе, — восхищенно сказал Питер. — Это может быть какой-нибудь программный глюк?

Саркар провел ладонью по волосам.

— Ты видел, чтобы Контроль или Амбротос делали что-нибудь подобное?

— Нет.

— Тогда я бы сказал, что это не глюк, а скорее

всего побочный эффект внесенных нами изменений. Дух — это имитация жизни после смерти, бестелесного интеллекта. Я думаю, что этот эффект может быть следствием удаления некоторых связей между нейронными сетями, посредством которого и была создана такая модель.

— О Боже! — воскликнул Питер. — Ну конечно же! Для других двойников ты по-прежнему имитировал дыхание. Но у Духа нет тела, поэтому ему, когда он разговаривает, не приходится останавливаться, чтобы вздохнуть. Дыхательные паузы, возможно, и заставляют людей выражаться короткими фразами.

— Интересная мысль, — согласился Саркар. — Пожалуй, избавившись от необходимости дышать, можно было бы в одном предложении выразить более сложную мысль. Но от этого ведь не поумнеешь. Важно не как ты говоришь, а как ты думаешь.

— Это верно, но, хм, я заметил, что Дух склонен выражаться несколько уклончиво.

— Я тоже обратил на это внимание, — подтвердил Саркар. — Ну и что?

— А что, если это не уклончивость? Что, если он — мне даже страшно подумать, — что, если он просто говорит нечто превосходящее наше пони-

мание? Что, если не только его манера говорить, но и сами его мысли сложнее моих собственных?

Саркар подумал.

— Ну, в работе физического мозга нет ничего похожего на дыхательные паузы, кроме... кроме...

— Кроме чего?

— Видишь ли, нейроны могут испускать импульсы лишь кратковременно, — пояснил Саркар. — Нейронная сеть может оставаться возбужденной только в течение ограниченного периода времени.

— Это, конечно, самое фундаментальное ограничение человеческого разума.

— Нет, это фундаментальное ограничение человеческого мозга — точнее, ограничение электрохимического процесса, посредством которого работает мозг. Конструкция мозга не рассчитана на то, чтобы удерживать какую-либо мысль неизменной в течение долгого времени. Я уверен, ты сам это чувствовал, например: тебе приходит в голову некая блестящая мысль, которую хотелось бы сохранить, но к тому времени, когда ты соберешься ее записать, она куда-то улетучивается. Оказывается, она уже просто угасла в твоем мозгу.

— Но Дух мыслит не с помощью мозга, — возра-

зил Питер. — Он — просто освобожденный разум, душа. Это чистая программа, работа которой свободна от аппаратных ограничений. Никаких пауз для дыхания. Никаких нейронных сетей, угасающих прежде, чем он успеет разобраться с ними. Он в состоянии построить такое длинное предложение или развить такую сложную мысль, какую только захочет.

Изумленный Саркар медленно покачал головой.

— Вот как сознание может работать вечно после смерти, — продолжил Питер. — Нельзя же ограничиться только установлением простых связей, вроде шуток о цыпленке, перешедшем через дорогу. В конце концов все новые сопоставления одних лишь A и B исчерпаются довольно быстро. А вот Дух может сопоставить одновременно все буквы от A до Z плюс к тому же все буквы от альфы до омеги, плюс от алефа до тав, пока во всех этих сложных комбинациях не появится некая новая восхитительная, смешная ассоциация.

— Невероятно, — воскликнул Саркар. — Это значит...

— Это значит, — подхватил Питер, — что загробная жизнь может быть полна шуток, но шуток таких сложных, тонких и нетривиальных, что

нам с тобой их никогда не понять. — Он помолчал. — По крайней мере пока мы не умрем.

Саркар изумленно свистнул, но затем выражение его лица изменилось:

— Кстати, раз мы уж заговорили о смерти: мне необходимо срочно отправляться домой, не то Рахима меня убьет. Сегодня моя очередь готовить обед.

Питер взглянул на часы.

— Черт возьми. Я опаздываю на встречу с Кэти — мы собирались пообедать в городе.

Саркар засмеялся.

— Что тут смешного?

— Потом поймешь, — сказал Саркар. — Когда-нибудь.

ГЛАВА 32

Тем временем двойник-убийца продолжал следить за компьютером компании «Фуд Фуд», ожидая заказа на адрес Черчилла. Наконец этот заказ поступил — то же самое, что Род, будучи рабом своих привычек, заказывал в течение последних шести недель.

Как только нужный ему заказ появился в системе, двойник перехватил его, внес одно небольшое изменение, а затем позволил продолжить путь по телефонной линии к ресторану компании «Фуд Фуд» на углу улиц Стилз и Бэйвью, в шести кварталах от дома Рода Черчилла.

Питер и Кэти проехали в машине Кэти в дальний конец Бэйвью-авеню. Этот отрезок улицы, примерно в десяти километрах южнее дома родителей Кэти, был сплошь занят магазинчиками, бутиками и ресторанами. Они ненадолго остановились у книжной лавки «Сыщик с Бейкер-стрит», известного торонтского магазина детективной литературы, и теперь дожидались паузы в оживленном движении, чтобы перейти на другую сторону к корейскому ресторану, в

котором оба любили ужинать.

Какой-то кругленький человечек с хохолком седых волос, облаченный в короткую темно-синюю шинель из флотского сукна, проходил по тротуару. Питер заметил, как тот, пройдя мимо них, оглянулся. Питер уже начал привыкать к этому; за последнее время он довольно часто мелькал на экранах телевизоров, и люди стали узнавать его на улице. Человек в шинели подошел к ним.

— Вы Питер Хобсон, не так ли? — спросил толстячок. Ему было лет шестьдесят, и его нос и щеки были покрыты сетью склеротических прожилок.

— Да, — ответил Питер.

— Вы тот парень, который открыл этот сигнал души?

— Душеграмму, — поправил Питер. — Мы называем это душеграммой. — Пауза. — Да, это я.

— Так я и подумал. — Вид у человечка был довольно агрессивный. — Но знаете, если только вы не спасете свою душу, то прямиком отправитесь в ад.

Кэти взяла Питера под руку.

— Пойдем, — предложила она.

Но непрошеный собеседник подвинулся и загородил им проход.

— Доверьтесь Иисусу, мистер Хобсон, — это

единственно правильный путь.

— Я, хм, вовсе не расположен сейчас это обсуждать, — сказал Питер.

— Иисус простит вас, — настаивал человек. Он полез в карман своей флотской шинели. В одно ужасное мгновение Питеру показалось, что этот придурок собирается вытащить пистолет, но в следующую секунду у того в руке оказалась потрепанная Библия в ярко-красном кожаном переплете. — Услышьте слово Божие, мистер Хобсон! Спасите свою душу!

Потеряв терпение, Кэти выпалила:

— Оставьте нас в покое.

— Я не могу позволить вам уйти. — Этот тип сделал шаг вперед, протянул руку и...

...коснулся плеча Кэти. Прежде чем Питер успел как-то отреагировать, Кэти, повернувшись к нахалу, с силой наступила ему на ногу острым каблуком своей изящной туфельки. Тот взвыл от боли.

— Проваливай! — крикнула Кэти, решительно схватила Питера за руку и потащила его через улицу.

— Эй, — сказал Питер, все еще смущенный, но уже успевший оценить находчивость жены. — Ловко ты его.

Кэти тряхнула головой, откинув со лба прядь волос.

— Никому не позволю цепляться к моему мужу, — весело сообщила она, улыбаясь своей ослепительной улыбкой. Она провела его мимо нескольких лавочек к ресторану. — А теперь разреши мне накормить тебя ужином.

В дверь позвонили. Род Черчилл взглянул на часы. Двадцать шесть минут. Ему придется ждать другого случая получить бесплатный ужин, а жаль. Вот учительница истории в средней школе, где он преподавал, рассказывала, что ей как-то повезло с этим два раза подряд. На сей раз, хотя обычно он этого не делал, Род посмотрел на картинку, передаваемую наружной видеокамерой на экран телевизора. Так и есть, водитель от «Фуд Фуд», все правильно: его оранжево-белую униформу ни с чем не спутаешь. Род прошел в прихожую, посмотрелся в зеркало и, убедившись, что его зачесанные на лысину волосы лежат безукоризненно, открыл дверь. Он подписал квитанцию у водителя, который оставил ему копию, и отнес упакованную пищу в столовую. Род аккуратно открыл контейнеры из экопенопласта, налил себе стакан белого вина, включил телевизор — хорошо видный с того места за обеденным

столом, где он всегда сидел, — и приготовился насладиться своим ужином.

Ростбиф вполне ничего, разве что немного жилистый, подумал Род, зато подливка сегодня удалась на славу. Он буквально вылизал подносик с ростбифом, подобрав картофельным пюре всю подливку до капли, и уже съел половину куска яблочного пая, когда его пронзила дикая боль: пульсирующие спазмы в затылке и невыносимые колющие боли, словно ему в глаза втыкали спицы. Он почувствовал, что сердце бьется с перебоями, на лбу выступил пот, и на мгновение показалось, что его сейчас вырвет. Кровь прилила к лицу. Он с трудом встал, надеясь добраться до телефона и вызвать скорую помощь, но внезапно вспыхнувшая мгновенная невыносимая боль толкнула его в грудь, и, опрокинув стул, он замертво рухнул на пол.

Питер и Кэти уже легли спать, но их хобсоновский монитор знал, что оба они еще не спят, и поэтому позволил телефону прозвонить.

В спальне, конечно, не было видеофона. В темноте Питер нашарил на ночном столике трубку телефона.

— Алло? — сказал он.

Плачущая женщина.

— Ох, Питер! Питер!

— Банни?

Услышав имя своей матери, Кэти немедленно села в постели.

— Свет! — крикнула она. Домашний компьютер включил два стоявших в спальне торшера.

— Питер! Род умер.

— О Боже, — только и мог сказать Питер.

— Что такое? — с тревогой спросила Кэти. — Что-то случилось?

— Что произошло? — Питер слышал гулкие удары своего сердца.

— Я только что вернулась с курсов и нашла его на полу в столовой. Я...

— Ты вызвала «скорую»? — перебил ее Питер.

— Что такое? — снова тревожно спросила Кэти.

Банни так сильно плакала, что ей приходилось прерывать разговор, чтобы высморкаться.

— Да, да, они едут.

— И мы тоже, — воскликнул Питер. — Мы немедленно выезжаем.

— Спасибо, — всхлипнула Банни. — Спасибо. Спасибо.

— Держись, — Питер старался говорить как можно спокойнее. — Мы едем. — Он положил

трубку.

— Что происходит? — дрожащим голосом спросила Кэти.

Питер посмотрел на жену и увидел, как расширились от страха ее и без того огромные глаза. Боже, как ей это сказать?

— Звонила твоя мать, — выдавил он наконец, зная, что ей это и без того известно. Он просто тянул время, собираясь с мыслями. — Твой отец... она думает, что твой отец умер.

Ужас отразился у нее на лице. Она безмолвно открыла рот и слегка покачала головой.

— Оденься, — велел он. — Мы едем туда.

ОБЗОР СЕТЕВЫХ НОВОСТЕЙ

Постоянно проводимое Институтом Гэллапа обследование «Религия в Америке» показало, что посещаемость храмов на этой неделе по сравнению с той же неделей прошлого года выросла на 13,75 процента.

Госпиталь Кристиана Барнарда в Манде-лавилле, Азания, объявил сегодня, что там официально принято определять момент смерти по времени отбытия душеграммы.

Шлокмейстер Ион Чобаниан начал съемки своего нового синтезированного на компьютере триллера «Ловец душ». Главный герой этого фильма — сумасшедший работник больницы, заключающий души умерших пациентов в магнитные ловушки ради выкупа. «Для фильма о жизни после смерти, — сказал Чобаниан, — я счел вполне уместным осуществить эту постановку целиком с помощью компьютерных реконструкций умерших актеров». В главных ролях Борис Карлов и Питер Лорре.

Компания «Неограниченная жизнь» из Сан-

Рафаэля, Калифорния, сообщила сегодня, что за последний месяц объем продаж их запатентованного нанотехнологического процесса обеспечения бессмертия достиг рекордного уровня. Аналитик Гудрун Мангей из социологического института Мерилл Линч предположила, что рост продаж был прямо связан с открытием душеграмм. «Некоторым людям, — сказала она, — определенно не хочется встречаться с их создателем».

Судебная хроника: Ошкош, штат Висконсин. Осужденный за серию изнасилований Гордон Шпиц сегодня подал кассационную жалобу, требуя признать его невиновным в связи с особым психическим расстройством. Шпиц утверждает, что с двенадцатилетнего возраста неоднократно испытывал переживания выхода из собственного тела, и ссылается на то, что его душа всякий раз, когда он совершал изнасилования, покидала тело, а значит, он не несет ответственности за эти преступления.

ГЛАВА 33
Декабрь, 2011

Никогда ничто не сможет сравниться с таким старомодным устройством, как клавиатура. Для ввода или ручного просмотра данных это по-прежнему самый лучший из изобретенных до сих пор инструментов. Сандра Фило выдвинула встроенную клавиатуру своего рабочего стола и начала набирать все имена собственные, пришедшие ей в голову в связи с убийством Ханса Ларсена, включая название улицы, на которой он жил, название компании, в которой работал, название места, где в последний раз проводил отпуск, а также фамилии его соседей, родственников, друзей и сослуживцев. Она также ввела различные термины, связанные с причиненным ему увечьем.

К концу работы у нее получился список более чем из двухсот слов. Затем она затребовала от компьютера просмотреть файлы отчетов о всех убийствах в Большом Торонто за последний год и определить, встречаются ли в этих отчетах набранные ею слова. Пока компьютер проводил

поиск, он чертил на экране небольшую пунктирную линию, чтобы показать, что он работает. Для завершения поиска компьютеру хватило нескольких секунд. Ничего существенного обнаружить не удалось.

Сандра кивнула сама себе; она так и думала, подобный случай убийства с нанесением увечий она бы запомнила. В конце концов, не каждый день находят труп с отрезанным половым членом. Компьютер представил ей список предложений о возможном расширении поиска: все убийства в провинции Онтарио, все убийства в Канаде, все убийства в Северной Америке. Он также сделал несколько предложений о временных рамках, от одного месяца до десятилетия.

Если бы она выбрала самый обширный вариант — все убийства в Северной Америке за последнее десятилетие, то поиск занял бы несколько часов. Она уже хотела было выбрать «все убийства в Онтарио», но в последний момент передумала и набрала в диалоговом окошке свой собственный вариант поиска: «все смерти в РБТ 20110601», что означало все смерти — а не только убийства — в районе Большого Торонто с первого июня этого года.

Пока компьютер вел поиск, небольшая пунк-

тирная линия на экране все удлинялась. Через несколько секунд экран очистился, и на нем появилось следующее:

Имя: Ларсен Ханс
Дата смерти: 14 ноября 2011
Причина смерти: убийство
Связанный термин поискового списка: Хобсон, Катрин Р.
(сослуживец)

Имя: Черчилл, Родерик Б.
Дата смерти: 30 ноября 2011
Причина смерти: естественные причины
Связанный термин поискового списка: Хобсон, Кэти (дочь)

Фило удивленно подняла брови. Катрин Хобсон — эта стройная, интеллигентная брюнетка, про которую Тоби Бейли сказал, что у нее была связь с Хансом Ларсеном. Ее отец умер всего два дня тому назад.

Это, вероятно, ничего не значило. И все же... Сандра сверилась с адресным бюро города. В районе Большого Торонто проживала лишь одна Катрин Хобсон, и в ее регистрационной записи действительно было отмечено «в девичестве Черчилл». И — Боже правый! Оказывается, она

живет с Питером Дж. Хобсоном, биомедицинским инженером. Этим мужиком, который открыл душеграмму, — Сандра видела его по телевизору в шоу Фила Донахью и читала о нем в журнале Маклиана. Они, должно быть, купаются в деньгах... вполне хватит, чтобы любой из них мог нанять профессионального убийцу.

Сандра снова переключилась на базу данных полицейских отчетов и запросила все подробности о смерти Родерика Черчилла. Черчилл, преподаватель физкультуры в средней школе, умер в одиночестве за ужином. Причина смерти была записана медицинским экспертом Уорреном Ченом как «аневризма(?)». Этот знак вопроса заинтересовал ее. Сандра включила свой видеофон и набрала номер.

— Привет, Чен, — сказала она, когда круглое лицо человека средних лет появилось на экране.

Чен доброжелательно улыбнулся.

— Привет, Сандра. Чем могу помочь?

— Я звоню по поводу случившейся пару дней назад смерти человека по имени Родерик Черчилл.

— Этого учителя физкультуры, который зачесывал волосы на лысину? Конечно, я помню этот случай. Что тебя интересует?

— Ты в качестве причины смерти записал «аневризма».

— Угу.

— Но ты поставил после этого знак вопроса. Аневризма, знак вопроса.

— О да. — Чен пожал плечами. — Просто трудно быть уверенным на все сто. Когда Бог хочет призвать тебя, он иногда просто щелкает этим старым переключателем у тебя в башке. Щелк! Аневризма. И ты отбываешь прямо в мир иной. Похоже, так и случилось. Он уже сидел на сердечных препаратах.

— Было ли в данном случае что-нибудь необычное?

Чен издал чмокающий звук, означавший у него хмыканье.

— Боюсь, что нет, Сандра. Нет ничего противозаконного в том, чтобы мужчина в возрасте за шестьдесят упал и умер — особенно если это преподаватель физкультуры. Они воображают, что находятся в хорошей форме, а на самом деле большую часть дня проводят, просто наблюдая, как упражняются другие. Этот парень, когда отдал концы, уплетал дерьмовый готовый ужин из ресторана.

— Ты делал вскрытие?

Медицинский эксперт снова чмокнул; кто-то однажды заметил, что недаром в его фамилии есть что-то цыплячье — или похожее на квохтанье курицы.

— Вскрытия обходятся недешево, Сандра, и ты это знаешь. Нет, я просто сделал несколько простых тестов прямо на месте и затем подписал бланк заключения. Его вдова — представляешь, мне сейчас пришло в голову, какое у нее странное имя: ты не поверишь, ее зовут Банни. Как бы то ни было, она обнаружила тело. Когда я туда добрался ночью, в час тридцать или четверть второго, с ней были ее дочь и зять. — Он помолчал. — А почему тебя это интересует?

— Да так, скорее всего напрасно, — небрежно ответила Сандра. — Просто этот умерший, Род Черчилл, был отцом одной из сослуживиц убитого в том деле с кастрацией.

— Ах да, — вздохнул Чен с явным облегчением. — Вот это действительно интересное дело. Медицинским экспертом там была Каррачи; она сейчас занимается всеми странными случаями. Но, Сандра, мне что-то подобная связь кажется очень надуманной, разве нет? Я хочу сказать, что этой женщине — как ее зовут?

— Кэти Хобсон.

— Просто похоже, что этот год для Кэти Хобсон не слишком удачен. Сплошная невезуха.

Сандра кивнула:

— Думаю, так оно и есть. И все же ты не против, если я заеду посмотреть на твои записи?

Чен снова чмокнул.

— Конечно же, нет, Сандра. Я всегда рад тебя видеть.

Питер терпеть не мог похорон, и не потому, что боялся мертвецов; невозможно было провести так много времени в больницах и не привыкнуть к виду смерти. Нет, невыносимы для него были как раз живые.

Во-первых, лицемеры, которые, не видясь с дорогим усопшим годами, повылезли из кустов, когда покойному помощь уже не требовалась. Во-вторых, плакальщики, люди, столь бурно предающиеся горю, что именно они, а не покойный, начинали привлекать к себе всеобщее внимание. Питер искренне сочувствовал близким родственникам, которым трудно было смириться с потерей дорогого им человека, но у него не хватало терпения выносить всяких там троюродных племянников или соседей, живущих в пяти кварталах от умершего и до тех пор истерически рыдающих на похоронах, пока их — ради этого

они, собственно, сюда и явились — не окружала толпа утешителей.

Что же касалось его самого, то в подобных случаях, как, впрочем, и во всех других тоже, Питер старался держаться стоиком: он восхищался пресловутой твердой верхней губой своих британских предков.

Род Черчилл, как человек тщеславный, хотел, чтобы его хоронили в открытом гробу. Питер никогда этого не одобрял. Семилетним мальчиком он присутствовал на похоронах дедушки со стороны матери. Дедушка в кругу семьи славился своим длинным носом. Питер помнил, как, войдя в часовню, он увидел в дальнем углу гроб с открытой крышкой, причем единственное, что можно было разглядеть, остановившись у входа, это дедушкин нос, торчащий над краем гроба. По сей день всякий раз, когда он вспоминал о дедушке, первое, что всплывало в памяти, — длинный нос мертвеца, одинокий торчащий пик, направленный к потолку.

Питер огляделся. Часовня, в которой он находился сегодня, была отделана панелями из темного дерева. Гроб, похоже, был дорогой. Несмотря на просьбу вместо цветов сделать пожертвования в благотворительный Фонд помощи жертвам

сердечно-сосудистых заболеваний провинции Онтарио, там было много букетов и большой венок в виде подковы от учителей, с которыми работал Род. Должно быть, от Отдела физического воспитания — только эти невежественные ребята могли не сообразить, что подкова, которую принято дарить на счастье, — не самое уместное под ношение умершему.

Банни держалась стойко, и сестра Кэти, Марисса, похоже, тоже сохраняла самообладание, хотя то и дело всхлипывала. А вот о реакции Кэти Питер не знал что и думать. С бесстрастным лицом она кивком головы приветствовала людей, подходивших высказать соболезнования. У Кэти, плакавшей, когда она смотрела грустные фильмы или читала грустные книги, кажется, не нашлось слез для умершего отца.

Что же мы в итоге на сегодня имеем? Да, не густо, рассуждала сама с собой Сандра Фило. Две смерти. Одна — несомненное убийство; другая — пока не ясно.

Но к обеим имела отношение Кэти Хобсон. Кэти Хобсон, которая спала с убитым впоследствии Хансом Ларсеном. Кэти Хобсон, дочь Рода Черчилла. Да, конечно, Ларсен путался со многими женщинами. Да, конечно, Черчиллу было за

шестьдесят.

И все же...

В этот день, закончив работу, Сандра поехала к дому Черчиллов на Бэйвью-авеню, чуть южнее Стилз-стрит. От здания полицейского управления тридцать второго участка туда было всего пять километров — не слишком большой крюк, даже если поездка окажется напрасной. Она остановила машину и подошла к входной двери. У семьи Черчилл был электронный замок с дактилоскопическим датчиком. Сейчас у многих такой. Над пластинкой датчика Сандра нашла кнопку звонка и нажала ее. Минуту спустя у двери появилась седовласая женщина.

— Вам кого? — спросила она.

— Здравствуйте, — поздоровалась Сандра. — Вы Банни Черчилл?

— Да.

Сандра показала свое удостоверение.

— Меня зовут Александра Фило, я из городской полиции. Можно задать вам несколько вопросов?

— Насчет чего?

— Насчет, хм, смерти вашего мужа.

— Боже, — испуганно воскликнула Банни. Немного погодя: — Да, конечно. Заходите.

— Спасибо — ох да, пока я не забыла, скажите, пожалуйста, чьи отпечатки пальцев принимает этот замок? — Сандра показала на голубую стеклянную пластинку.

— Мои и мужа, — чуть замешкавшись, ответила Банни.

— И больше ничьи?

— Моих дочерей и зятя.

— Кэти Хобсон и, — Сандре пришлось секунду подумать, — Питера Хобсона, если я не ошибаюсь?

— Да, и второй моей дочери, Мариссы.

Они прошли в дом.

— Сожалею, что пришлось побеспокоить вас. — Сандра дружелюбно улыбнулась. — Я понимаю, что для вашей семьи это очень трудное время. Но есть несколько небольших деталей, которые необходимо уточнить, чтобы закрыть дело о смерти вашего мужа.

— Я думала, оно уже закрыто, — удивилась Банни.

— Почти, — уклончиво ответила Сандра. — Понимаете, медицинский эксперт не был вполне уверен в причине смерти. Он предположил, что это была аневризма.

— Мне так и сказали. — Банни покачала го-

ловой. — Это все случилось как-то уж очень неожиданно.

— А раньше у него были проблемы со здоровьем?

— У Рода? О, ничего серьезного. Иногда артрит давал себя знать: то рука побаливала, то левая нога. Да, и еще три года назад у него был небольшой сердечный приступ — с тех пор он принимал лекарства от этого.

Скорее всего ерунда. И все же...

— У вас еще сохранились его сердечные пилюли?

— Наверно, они до сих пор лежат в аптечке наверху.

— Вы не против, если я взгляну на них? — спросила Сандра.

Банни кивнула. Они вместе прошли в ванную, и Банни открыла аптечку. Внутри был тиленол, контейнер для хранения зубных протезов, листерин, маленькие упаковки шампуня, используемые в отелях, и два пузырька с рецептами из аптеки «Шопперс драг март».

— В каком из этих пузырьков сердечные препараты? — Сандра ткнула в них пальцем.

— В обоих, — ответила Банни. — Первые он принимал с тех пор, как у него случился сердеч-

ный приступ, а вторые пил в течение нескольких последних недель.

Сандра взяла пузырьки. На обоих были наклеены напечатанные компьютером этикетки. Название одного лекарства «кардизон-D» сразу же вызвало ассоциацию с сердечными заболеваниями. Второе называлось «нардил». На обоих стояла фамилия выписавшего их врача: «Др. Х. Миллер». На пузырьке с нардилом была ярко-оранжевая флюоресцентная метка: «Осторожно — строгие ограничения на диету».

— Что означают эти ограничения на диету? — спросила Сандра.

— О, там был длинный перечень продуктов, которые ему запрещалось есть. Мы всегда были с этим очень осторожны.

— Но, как сказал мне медицинский эксперт, в день своей смерти он ел ужин, заказанный в ресторане.

— Да, действительно, — подтвердила Банни. — Он делал это каждую среду, когда я ходила на курсы. Но он всегда заказывал одно и то же, и ни разу с ним ничего плохого не случилось.

— Вы можете хотя бы примерно сказать, что именно он заказывал?

— Ростбиф, я думаю.

— Упаковка сохранилась?

— Я ее выбросила, — ответила Банни. — Но она, наверно, все еще в контейнере. Пикап, увозящий мусор, еще не приезжал.

— Вы не против, если я поищу ее, и, если можно, мне хотелось бы забрать эти пузырьки с лекарствами, ладно?

— Ну да. Конечно, берите.

Сандра положила пузырьки в карман куртки и вместе с Банни спустилась вниз.

Мусорный бачок помещался внутри большой плетеной корзины. Покопавшись в нем, Сандра вскоре выудила небольшую полоску печатного текста, который оказался копией заказа Рода из «Фуд Фуд».

— Можно это тоже взять? — попросила Сандра.

Банни Черчилл кивнула. Сандра выпрямилась и положила полоску бумаги в карман.

— Извините за беспокойство, но что поделаешь, такая у нас работа, — сказала она.

— Хотела бы я знать, что у вас на уме, детектив, — заметила Банни, когда они уже направлялись к выходу.

— Да ничего серьезного, миссис Черчилл. Как я уже говорила, просто небольшие формальности, надо же наконец закрыть дело.

ГЛАВА 34

Питер прилетел в Оттаву на совещание в Министерстве здравоохранения и социальной защиты. Все вопросы можно было спокойно решить по телефону, но министр любила демонстрировать свою власть, вызывая людей в столицу.

Разумеется, регистрация душеграмм была не единственным направлением разработок компании «Хобсон мониторинг». Прошедшее совещание было посвящено все еще секретному «Проекту индиго»: плану создания датчика, способного безошибочно отличать активных курильщиков от людей, просто пассивно подвергавшихся воздействию табачного дыма. С его помощью можно было бы более справедливо распределять пособия на лечение и прочие льготы, предоставляемые по программам медицинского страхования в случае болезней, вызванных или усугубленных курением.

Так или иначе, совещание получилось очень коротким, а у Питера в Оттаве оказался незапланированный свободный день.

Оттава была городом правительственных учре-

ждений, полным безликих бюрократов. Здесь не производилось ничего, кроме бесконечных циркуляров, законов, законопроектов и прочих бумаг. Правда, она должна была также служить витриной для приезжающих в Канаду зарубежных политических лидеров — не все же можно было устраивать в Торонто, вот почему в Оттаве находилось множество прекрасных музеев и картинных галерей, несколько любопытных антикварных магазинов, канал Ридо (который зимой замерзал, что позволяло государственным служащим добираться в свои конторы на коньках) и пышное зрелище смены караула на Парламентском холме. Но Питеру, который видел все это уже много раз, давно наскучили столичные достопримечательности.

Он попросил у дежурной разрешения воспользоваться каким-нибудь министерским телефоном, и она направила его в один из пустующих кабинетов. Политика замораживания штатов государственных служащих проводилась вот уже третье десятилетие, и масса кабинетов пустовала. Телефон был устаревшей модели, без видеосвязи. Что ж, подумал Питер, если доллары налогоплательщиков тратятся на оборудование телефонной связью пустых кабинетов, то пусть

хоть на этом экономят. Как и большинство канадских управляющих компаниями, Питер знал номер «Эйр Канада» наизусть. Он уже хотел было набрать его, чтобы узнать, может ли он обменять свой билет на более ранний рейс, но обнаружил, что вместо этого набрал 411.

Ему ответил голос по-английски:

— Телефонная справочная. По какому городу хотите получить справку? — Затем то же самое было быстро повторено по-французски.

— Оттава, — сказал Питер. Чтобы получить справку с помощью видеофона, достаточно было нажать несколько кнопок. Для тех, у кого таких аппаратов не было, приходилось содержать бесплатную телефонную справочную, что, несомненно, было дешевле и экономнее в экологическом отношении, чем изводить тонны бумаги на телефонные книги. Примерно в половине случаев на звонки отвечала компьютерная программа, но по скучающей интонации и смазанной дикции Питер понял, что сегодня на том конце провода находится живой человек.

— Дальше, — сказал голос, поняв по тому, как Питер произнес единственное слово «Оттава», какой язык он предпочитает.

— У вас есть листинг на Ребекку Китон? — Он

продиктовал фамилию по буквам.

— Никто под таким именем не значится, сэр.

Вот и отлично. Это была просто шальная мысль.

— Спаси... — Постой-ка. Сейчас-то она одна, но несколько лет назад короткое время была замужем. Как звали этого придурка? Ханникат? Нет. Каннингхэм, вспомнил Питер. — Попробуйте Ребекку Каннингхэм, пожалуйста.

— Есть какая-то Р.Л. Каннингхэм, живет в районе Слэйтер.

— Да, должно быть, это она.

Скучающий человеческий голос сменился бодрым компьютерным, который продиктовал номер и затем добавил:

— Чтобы позвонить по этому номеру сейчас, нажмите кнопку со звездочкой.

Питер нажал на кнопку со звездочкой. Он услышал серию тонов набираемого номера и затем звонки вызова абонента. Один. Второй. Третий. Четвертый. О, ладно...

— Алло?

— Бекки?

— Да. Кто это?

— Это Питер Хобсон, Я...

— Пит! Как чудесно снова услышать твой голос.

Ты в городе?

— Да. У меня сегодня было совещание в министерстве. Оно закончилось рано, а мой самолет улетает вечером. Я не был уверен, что застану тебя, и позвонил так, на всякий случай.

— Я работаю пять дней в неделю с воскресенья до четверга. Сегодня у меня выходной.

— Вон оно что.

— Сам знаменитый Питер Хобсон! — воскликнула она. — Я видела твою фотографию в газете «Националь».

Питер хмыкнул.

— Я все тот же старый шалопай, — сказал он слегка рисуясь. — Приятно слышать твой голос, Бекки.

— И мне тоже приятно слышать твой.

Питер почувствовал, что у него пересохло во рту.

— Ты не... не против позавтракать сегодня со мной?

— О, конечно, я буду очень рада. Мне утром нужно зайти в банк — по правде говоря, когда ты позвонил, я уже собралась выходить, — но мы могли бы встретиться, хм... ну, скажем, в одиннадцать тридцать не слишком рано?

— Нет, нормально.

— Это было бы чудесно. Где?

— Ты знаешь кафе Карло на бульваре в конце Спаркс-стрит?

— Думаю, что найду.

— Тогда встретимся там в одиннадцать тридцать.

— Чудесно, — повторил Питер. — Жду с нетерпением.

Голос Бекки стал необычайно теплым:

— Я тоже. Пока!

— Пока.

Питер вышел из небольшого кабинета и спросил дежурную, знает ли она кафе Карло.

— О да, — девушка многозначительно улыбнулась. — По вечерам это самое подходящее место для одиноких.

— Я собираюсь там позавтракать. — Питер почему-то начал оправдываться.

— А, ну в это время там гораздо тише и очень неплохо готовят тортеллини.

— Вы не могли бы мне сказать, как туда добраться?

— Конечно. Вы на машине?

— Я бы лучше прошелся пешком, если это не слишком далеко.

— Дорога займет у вас примерно полчаса.

— Нет проблем.

— Я нарисую вам маленький чертежик, — предложила она и начала рисовать.

Питер поблагодарил ее, спустился на лифте в вестибюль и вышел на улицу. Прогулка заняла всего двадцать минут; Питер умел ходить очень быстро. Это означало, что ему предстоит как-то скоротать еще почти полчаса. Он нашел газетный автомат, опустил в щель три монетки и подождал двадцать секунд, пока машина печатала сегодняшний номер «Оттава ситизен». Затем он снова вернулся к кафе. Там было пусто.

Питер попросил столик на двоих и заказал черный кофе. Оглядев маленький зал, он представил себе, что тут творится по вечерам, когда все помещение забито потными телами. Уж не подшутила ли над ним дежурная, мелькнуло у него в голове. И все же он нашел тут одно знакомое лицо: молсоновская красотка, из «Согбенного епископа», улыбалась ему со стены напротив. Питер уткнулся в газету, стараясь хотя бы внешне успокоиться.

Хизер Миллер была частнопрактикующим терапевтом, она принимала больных в кабинете на первом этаже своего дома. Это была дама лет примерно сорока пяти, низенькая и коренастая, с

коротко стриженными каштановыми волосами. Ее рабочий стол представлял собой лист толстого стекла, положенный на мраморные блоки. Когда Сандра Фило вошла, Миллер махнула рукой, приглашая сесть в зеленое кожаное кресло напротив стола.

— Как я уже сказала по телефону, инспектор, я обязана соблюдать врачебную этику и поэтому, сами понимаете, мало что могу рассказать.

Сандра кивнула. Это была обычная прелюдия, прощупывание почвы.

— Я понимаю, доктор. Мне хотелось бы поговорить о вашем пациенте Роде Черчилле.

Миллер молчала.

— Вы знаете, что мистер Черчилл скончался на прошлой неделе.

Докторша оторопела:

— В первый раз слышу.

— Сожалею, что мне приходится приносить плохие вести, — сказала Сандра. — Его нашли мертвым в собственной столовой. Медицинский эксперт дал заключение, что смерть наступила в результате разрыва аневризмы. Я побывала у него дома и узнала, что вы прописали ему нардил. А это лекарство, согласно пометке на пузырьке, требует соблюдения определенной диеты. Между

тем перед смертью он ел ужин, заказанный в ресторане.

— Проклятие. Проклятие. — Она всплеснула руками. — Я не раз говорила ему, что, принимая фенелзин, надо быть очень осторожным с едой.

— Фенелзин?

— Нардил — это синоним фенелзина, инспектор. Это антидепрессант.

Сандра удивленно подняла брови. Банни Черчилл думала, что оба прописанных ее мужу лекарства были сердечного характера.

— Антидепрессант?

— Да, — подтвердила Миллер. — Это ингибитор моноаминооксидазы.

— А-а... И что это означает?

— А то, что, принимая фенелзин, вы должны избегать любой пищи, содержащей много тирамина. В противном случае ваше кровяное давление может резко подскочить — гипертонический криз. Видите ли, у принимающих фенелзин тирамин не усваивается, а накапливается в организме. Это вызывает сужение сосудов — вазопрессивный эффект.

— Ну и что же? — снова спросила Сандра. Она просто обожала беседовать с врачами.

— Ну, такая штука, как известно, способна

убить даже молодого здорового человека. Для кого-нибудь вроде Рода, уже страдающего сердечно-сосудистыми заболеваниями, это почти наверняка окажется смертельным — вызовет обширный инсульт, сердечный приступ, нарушение мозгового кровообращения или, как предположил ваш патологоанатом, разрыв аневризмы. Похоже, он съел что-то не то. Я ведь не раз предупреждала, чтобы он был очень осторожен в выборе еды.

Сандра слегка склонила голову набок. Можно предположить халатность врача.

— Правда?

— Да, конечно. — Миллер прищурилась. — Уж такой грубой ошибки я бы никогда не допустила, инспектор. Фактически... — Она нажала кнопку настольного селектора. — Дейвид, принеси, пожалуйста, историю болезни мистера Черчилла. — Миллер взглянула на Сандру. — Всякий раз, когда я выписываю потенциально опасное лекарство, моя страховая компания требует, чтобы пациент расписывался на информационном листке. Эти листки на каждое такое лекарство поставляются комплектами по два скрепленных вместе экземпляра. Пациент подписывает их, я беру себе дубликат, а пациент — оригинал, где

все предостережения изложены на простом и понятном английском языке. Так что... а, вот. — Дверь кабинета открылась, и в нее вошел юноша со скоросшивателем в руках. Он передал его Миллер и вышел. Она открыла тонкую папку, достала оттуда желтый листок бумаги и передала его Сандре.

Сандра взглянула на листок и вернула его обратно.

— Зачем же тогда используют фенелзин, если он так опасен?

— В последнее время мы в основном пользуемся обратимыми ингибиторами МАО, но на Рода они не действовали. Раньше фенелзин считался самым лучшим препаратом в своей группе, и, сверившись с МедБазой, я выяснила, что один из его родственников успешно лечился им от такой же депрессии, так что стоило попробовать именно это лекарство.

— В чем конкретно состоит эта опасность? Предположим, он съел не то, что нужно. Что произойдет в этом случае?

— У него начнется окципитальная головная боль и ретроорбитальные боли. — Докторша прервала себя на полуслове. — Простите меня, я хочу сказать — боли в затылке и боль в глазницах.

Это сопровождается сердцебиением, приливами крови, тошнотой и потливостью. Затем, если не оказать немедленную помощь, может случиться внутримозговое кровотечение, инсульт, разрыв аневризмы, одним словом, все что угодно, способное его прикончить.

— Похоже, это не слишком приятный способ умереть, — заметила Сандра.

— Да уж, — Миллер печально покачала головой. — Если бы его вовремя доставили в больницу, пять миллиграммов фентоламина спасли бы его. Но если рядом никого не было, то он легко мог потерять сознание прежде, чем успел позвать на помощь.

— Вы давно начали его лечить?

Миллер наморщила лоб:

— Да уж, наверное, с год. Видите ли, Роду было за шестьдесят. Как это часто бывает, он пережил своего первого врача, который был старше его и умер в прошлом году. Роду надо было продлевать свой рецепт на кардизон, поэтому в конце концов ему пришлось искать другого врача.

— Но вы сказали, что лечили его от депрессии. Он не обращался к вам специально за этим?

— Нет, но я распознала симптомы. Он жаловался на постоянную бессонницу, и когда мы

как следует поговорили, мне стало ясно, что он в глубокой депрессии.

— Это его огорчило?

— Клиническая депрессия — куда более сложная штука, чем просто плохое настроение, инспектор. Это болезнь. Пациент физически и психологически не способен сосредоточиться и ощущает подавленность и безнадежность.

— И вы лечили его от депрессии лекарствами?

Миллер вздохнула, уловив в тоне Сандры скептические нотки.

— Мы не обманываем этих людей, инспектор, мы просто стараемся вернуть их биохимию в нормальное состояние. Когда это получается, пациенты говорят, что словно на окне раздвинули занавески и впервые за многие годы в комнату заглянуло солнце. — Миллер замолчала, словно раздумывая, стоит ли продолжать. — Я действительно должна сказать, что поведение Рода в этой ситуации достойно искреннего уважения. Он, вероятно, страдал депрессией многие годы — возможно, с юношеских лет. Его прежний врач просто проглядел эти симптомы. Многие пожилые люди боятся лечиться от депрессии, но только не Род. Он хотел получить помощь.

— Почему они этого боятся? — с неподдельным

интересом спросила Сандра.

Миллер развела руками:

— Подумайте сами, инспектор. Предположим, я скажу, что большую часть жизни все ваши способности действовать и воспринимать мир были серьезно повреждены. Ну положим, такая молодая женщина, как вы, скорее всего захотела бы это поправить — в конце концов, у вас впереди еще десятилетия активной жизни. Но пожилые люди очень часто отказываются поверить, что они страдают клинической депрессией. Сожаление о потерянных впустую годах может оказаться для них слишком тяжелым бременем — как примириться с тем, что твоя жизнь, которая уже почти прошла, могла быть несравненно лучше и счастливее. Они просто отметают подобные предположения.

— Но не Черчилл?

— Нет, он поступил иначе. Род все-таки был учителем физкультуры — преподавал в оздоровительных группах старшеклассников. Он принял эту идею и решил попробовать вылечиться. Мы оба расстроились, когда обратимые ингибиторы не помогли, но он был готов попробовать фенелзин — и он знал, как важно было избегать неподходящей пищи.

— Какой, например?

— Ну, например, зрелого сыра. В нем полно тирамина, образующегося при распаде аминокислоты тирозина. Ему также нельзя было есть копченого, соленого или консервированного мяса и рыбы, а также икры.

— Он, конечно, не мог съесть что-нибудь подобное и не заметить этого.

— Что ж, это так. Но тирамин содержится также в дрожжевом экстракте, хлебопекарных дрожжах и мясных экстрактах, таких, как Мармит и Оксо. Он также есть в гидролизованных белковых экстрактах вроде тех, что обычно используются в качестве основы супов, подливок и соусов.

— Вы, кажется, сказали «подливок»?

— Да — он должен был избегать их.

Сандра полезла в карман за узкой, испачканной бумажной полоской с печатным текстом — заказом из «Фуд Фуд» на последний ужин Рода Черчилла. Она протянула ее через стеклянный стол доктору Миллер:

— Вот что он ел перед смертью.

Миллер прочла бумажку и отрицательно покачала головой:

— Нет. — С этой версией она была явно не согласна. — В последний раз, когда он заходил ко

мне на прием, мы говорили с ним о «Фуд Фуд». Он сказал, что всегда заказывает их низкокалорийную подливку, что проверил *все* ее ингредиенты и убедился, что она для него безопасна.

— Может, он просто забыл указать, что нужна именно низкокалорийная, — предположила Сандра.

Миллер вернула ей бумажку.

— Вряд ли. Род Черчилл был очень пунктуальный человек.

Бекки Каннингхэм вошла в кафе Карло на десять минут раньше условленного времени. Питер встал. Он не знал, какого приветствия следует ожидать — улыбки, объятия, поцелуя? Вышло так, что ему досталось все сразу, причем, целуя его, она надолго прильнула к его щеке. Питер удивился, обнаружив, что его пульс слегка участился. От нее восхитительно пахло.

— Пит, ты чудесно выглядишь, — прощебетала она, усевшись напротив.

— И ты тоже, — ответил Питер.

На самом деле Бекки Каннингхэм никогда не была красавицей. Симпатичной — да, но не красавицей. Ее темно-каштановые волосы до плеч были чуть короче, чем требовала последняя мода. Она была фунтов на двадцать полнее, чем реко-

мендовали в качестве идеала женские журналы, или на десять, чем посоветовал бы любой другой менее придирчивый критик. У нее было широкое, усеянное веснушками лицо, но зеленые глаза, казалось, искрились, и это впечатление еще больше усиливали морщинки, появившиеся в уголках ее глаз со времени их последней встречи.

Просто изумительно, подумал Питер.

Они заказали завтрак. Питер воспользовался советом дежурной и взял тортеллини. Они разговаривали обо всем на свете и смеялись почти столько же, сколько разговаривали. Впервые за последние недели Питер чувствовал себя непринужденно и весело.

Питер заплатил по счету, дал на чай двадцать пять процентов, затем помог Бекки надеть пальто — он уже много лет не делал этого для Кэти.

— Что ты собираешься делать до самолета? — спросила Бекки.

— Не знаю. Наверно, буду осматривать здешние достопримечательности. Придумаю что-нибудь.

Бекки заглянула ему в глаза. Естественно было бы попрощаться именно сейчас. Двое давних друзей встретились, чтобы вместе позавтракать, вспомнили былые времена, посплетничали об общих знакомых. Но теперь пора было возвра-

щаться к своим собственным делам, к своим отдельным жизням.

— У меня сегодня во второй половине дня нет никаких важных дел, — сказала Бекки, все еще глядя ему прямо в глаза. — Ты не против, если я присоединюсь к тебе?

Питер на секунду отвел взгляд. Это было как раз то, чего ему хотелось сейчас больше всего на свете.

— Это было бы... — и после короткой паузы он все же решил сказать то, что ему хотелось сказать, — изумительно.

Глаза Бекки заискрились. Она взяла его под руку.

— Куда ты хочешь пойти?

— Это же твой город, — улыбнулся Питер.

— Мой, — подтвердила Бекки.

Они проделали все то, что сегодня утром казалось Питеру неинтересным: они посмотрели на смену караула; зашли в некоторые маленькие бутики, такие лавчонки, которые Питер в Торонто никогда не посещал; и в конце концов прошлись по галерее динозавров в Музее природоведения, дивясь на чудовищные скелеты.

Возвращение к жизни, подумал Питер. Это было восхитительное чувство, он опять становился

таким, каким был когда-то.

Музей природоведения располагался среди обширного, густо усаженного всевозможными деревьями парка. Когда они вышли из музея, было уже около пяти вечера и начинало смеркаться. Дул прохладный ветерок. Небо было безоблачно. Они шли и шли по парку, пока не оказались рядом с садовыми скамейками под огромными кленами, ветви которых сейчас, в начале декабря, были совершенно голыми.

— Я совсем измотан, — взмолился Питер. — Чтобы успеть на утренний рейс, пришлось сегодня встать в полшестого.

Бекки села в дальнем конце скамейки.

— Ложись сюда, — предложила она. — Мы полдня провели на ногах.

Первой мыслью Питера было отказаться, но затем он подумал: какого черта, почему бы и нет? Он уже собрался растянуться на свободной части скамейки, когда Бекки сказала:

— Ты можешь положить голову мне на колени.

Он так и сделал. Она была восхитительно теплой, мягкой и человечной. Он посмотрел ей в лицо. Она нежно положила руку ему на грудь.

Ему стало легко и спокойно. Питер подумал,

что он мог бы лежать здесь часами, не чувствуя холода. Бекки смотрела на него сверху, улыбаясь всепрощающей, всепонимающей, прекрасной улыбкой.

Впервые за все время после встречи с Бекки Питер подумал о Кэти и Хансе и о том, во что превратилась его жизнь там, в Торонто.

Он также понял, что наконец нашел настоящее человеческое существо — не какую-то компьютерную имитацию, — с которым он мог бы поговорить о своей беде. Кого-то, кто не будет считать его неполноценным мужчиной из-за того, что жена предала его, кого-то, кто не станет потешаться, насмехаться над ним. Кого-то, кто примет его таким, какой он есть, просто выслушает и посочувствует.

И в этот момент Питер понял, что ему уже не нужно об этом ни с кем говорить. Он теперь способен справиться сам. Он нашел ответы на все свои вопросы.

Питер впервые встретился с Бекки, когда они оба были первокурсниками в Торонтском университете, еще до того, как там появилась Кэти. Тогда между ними существовало какое-то странное притяжение. Они оба были неопытны, и он, во всяком случае, был тогда еще девственником.

Однако теперь, спустя двадцать лет, все стало по-другому. Бекки вышла замуж и развелась; Питер женился. Теперь они знали о сексе, о том, как это делается, когда это случается, знали, когда наступает подходящее для этого время. Питер понимал, что ему ничего не стоит позвонить Кэти, сказать ей, что совещание затянулось и что он собирается заночевать в Оттаве и вернется лишь завтра. И тогда они с Бекки смогут пойти к ней домой.

Он мог это сделать, но он этого делать не собирался. Теперь у него был ответ на свой незаданный вопрос. Получив ту же возможность, что и Кэти, он не станет ее обманывать, не станет ей изменять, не захочет свести с ней счеты.

Питер благодарно улыбнулся Бекки. Он чувствовал, как начинают затягиваться его внутренние раны.

— Ты чудесная женщина, — ласково сказал он. — Тому парню, который станет твоим мужем, здорово повезет.

Она улыбнулась в ответ. Питер сделал сильный, долгий выдох, чтобы все, что его так долго мучило, вышло из него вместе с этим выдохом.

— А теперь мне нужно спешить в аэропорт.

Бекки кивнула и снова улыбнулась, на этот раз,

как ему показалось — возможно, лишь показалось, — с легким сожалением.

Питер был готов к возвращению домой.

ГЛАВА 35

Сандра проехала вниз по бульвару Дон Валли до Кэббэджтауна и остановила машину на углу у самого первого ресторана компании «Фуд Фуд». Согласно справочнику, центральная диспетчерская помещалась на втором этаже над этим ресторанчиком. Сандра поднялась по крутой лестнице и без стука вошла прямо в машинный зал. Там перед компьютерными терминалами сидели десятка два диспетчеров с наушниками. Все они, похоже, занимались приемом заказов, хотя было только два часа дня.

Женщина средних лет, платиновая блондинка, подошла к Сандре:

— Чем могу вам помочь?

Сандра предъявила свое удостоверение и представилась.

— А как вас зовут?

— Даниэль Нада, — ответила блондинка. — Я здесь начальница.

Сандра огляделась, завороженная открывшимся ей зрелищем. После развода она стала часто заказывать здесь еду, но, конечно, совершенно

не представляла, что находится на другом конце провода — по видеофону можно было увидеть лишь рекламные объявления новых деликатесов «Фуд Фуд». Несколько освоившись, она обратилась к начальнице:

— Я хотела бы взглянуть на записи о заказах одного из ваших клиентов.

— Вы знаете номер телефона?

Сандра запела:

— Девять-шесть-семь...

Нада улыбнулась:

— Я имела в виду номер не нашего телефона, а вашего клиента.

Сандра вручила ей клочок бумаги с номером Рода. Нада подошла к одному из терминалов и похлопала по плечу сидевшего за ним молодого человека. Тот кивнул, закончил прием текущего заказа и освободил ей место. Начальница села за терминал и набрала нужный телефонный номер.

— Вот то, что вы просили. — Она слегка отклонилась, чтобы Сандра могла хорошо разглядеть записи на экране.

Род Черчилл последние шесть недель подряд заказывал один и тот же ужин — кроме...

— Он всегда заказывал низкокалорийную под-

ливку, — сказала Сандра. — А в самый последний раз тут указана обычная.

Начальница нагнулась поближе к экрану.

— Так и есть, — согласилась она, улыбнувшись. — Ничего удивительного, откровенно говоря, наша низкокалорийная подливка — изрядная гадость. В сущности, это даже не настоящая подливка, ее делают из растительных пектинов. Может, он просто решил нормально поесть.

— Или один из ваших диспетчеров ошибся.

Начальница покачала головой:

— Это совершенно исключено. Люди, как правило, консервативны и в девяти случаях из десяти хотят получить то же, что и в предыдущий раз. У нас это заранее предусмотрено, и ПОКу не приходится заново набирать заказ на клавиатуре, если только клиент не захочет чего-нибудь новенького.

— ПОКу?

— Представителю обслуживания клиентов.

Ну и ну, подумала Сандра.

— Если никаких изменений не было, ПОК просто нажимает клавишу F2 — это означает «повторить заказ».

— Вы можете сказать, кто принимал его последний заказ?

— Конечно. — Она показала строчку на экране. — ПОК 054 — это Анни Делано.

— Она сейчас здесь? — спросила Сандра. Начальница оглядела помещение.

— Вон она — с «лошадиным хвостиком».

— Мне бы хотелось с ней поговорить.

— Не понимаю, какая разница, какую подливку он заказал. — В голосе начальницы появилось раздражение.

— Разница в том, — холодно ответила Сандра, — что человек, заказавший у вас ужин, умер от реакции на пищу, которую он ел.

Начальница испуганно прикрыла рот рукой.

— Боже мой. Я... я позову своего босса.

— В этом нет нужды, — перебила Сандра. — Я просто хочу поговорить с этой юной леди.

— Конечно, конечно. — Начальница повела Сандру к терминалу, за которым работала Анни Делано. Девушке на вид было лет семнадцать. Она только что получила повторный заказ и сделала как раз то, что, по словам начальницы, от нее и требовалось: нажала клавишу F2.

— Послушай, Анни, — сказала Нада, — эта женщина — офицер полиции. Она хочет задать тебе несколько вопросов.

Анни посмотрела на Сандру круглыми от ис-

пуга глазами.

— Мисс Делано, — начала Сандра подчеркнуто официально, — в прошлую среду вечером вы приняли заказ от человека по имени Род Черчилл. Он заказал на ужин ростбиф.

— Если вы так говорите, мадам, значит, так и есть, — растерянно пробормотала Анни.

Сандра повернулась к начальнице:

— Выведите это на экран.

Начальница склонилась над клавиатурой и набрала номер телефона. Анна недоумевающе наблюдала за этими манипуляциями.

— Вы изменили его обычный заказ, — продолжала Сандра. — Он всегда брал низкокалорийную подливку, но в последний раз вы дали ему обычную.

— Я могла это сделать только по его требованию, — Анни заговорила увереннее.

— Вы не помните, он просил об этом изменении?

Анна тупо уставилась на экран.

— Сожалею, мадам. Я вообще ничего не могу вспомнить об этом заказе. Я принимаю в день свыше двухсот заказов, а это было неделю назад. Но честное слово, я бы никогда не изменила заказ, если бы он сам об этом не попросил.

Александра Фило снова отправилась в «Дуоп эдвертайзинг» и попросила руководство предоставить один из изолированных кабинетов для дополнительных бесед с сослуживцами Ханса Ларсена. Хотя интересовала ее только Кэти Хобсон, она сначала вкратце поговорила с двумя другими людьми, чтобы Кэти ничего не заподозрила.

Как только Кэти села, Сандра участливо ей улыбнулась.

— Я только что узнала о смерти вашего отца, — сказала она, — и поверьте, очень вам сочувствую. У меня самой отец умер в прошлом году; я знаю, как тяжела такая потеря.

Кэти ответила едва заметным вежливым кивком:

— Спасибо.

— Однако не скрою, меня заинтриговал тот факт, — продолжала Сандра, — что Ханс Ларсен и ваш отец умерли почти одновременно.

Кэти вздохнула:

— Беда никогда не приходит одна.

Сандра кивнула:

— Значит, вы считаете, что это просто совпадение?

Кэти выглядела явно шокированной.

— Ну конечно, совпадение. Я имею в виду, Боже мой, меня мало что связывало с Хансом, а отец умер естественной смертью.

Сандра окинула Кэти с ног до головы оценивающим взглядом.

— Что касается Ханса, то мы обе знаем, что вы говорите неправду. У вас с ним была какая-то любовная интрижка.

В больших голубых глазах Кэти сверкнул вызов. Сандра предостерегающе подняла руку:

— Не волнуйтесь, миссис Хобсон. Я не собираюсь вмешиваться в вашу личную жизнь и не имею ни малейшего желания сообщать об этой измене вашему мужу или вдове Ханса, если уж на то пошло. Конечно, при том условии, что вы не имеете отношения к его убийству.

Тут уж Кэти не на шутку рассердилась:

— Послушайте, во-первых, то, что случилось между мной и Хансом, было давным-давно. Во-вторых, мой муж уже все знает. Я ему сама рассказала.

Сандра удивилась:

— В самом деле?

— Да. — Кэти, кажется, поняла, что, возможно, тут она допустила ошибку, и поспешила добавить: — Так что, как видите, мне нечего скрывать

и незачем было убивать Ханса. Его молчание мне ни к чему.

— А как насчет вашего отца?

— Снова вам говорю, он умер естественной смертью, — негодующе воскликнула Кэти.

— Сожалею, что именно мне приходится сообщать вам об этом, — сказала Сандра, — но боюсь, что вы ошибаетесь.

Кэти, похоже, разозлилась.

— Черт возьми, инспектор, и так тяжело пережить смерть отца, а тут еще вы со своими дурацкими шутками.

Сандра понимающе кивнула:

— Поверьте, миссис Хобсон, я бы не стала говорить подобные вещи, не имея доказательств. Дело в том, что заказ вашего отца на ужин из ресторана был подменен.

— Заказ на ужин? О чем вы говорите?

— Ваш отец принимал выписанное ему лекарство, требующее строжайшей диеты. Каждую среду, когда вашей матери не было дома, он заказывал ужин — всегда одно и то же, всегда безопасную для него пищу. Но перед смертью он получил заказ, содержащий нечто, вызвавшее у него сильную реакцию, в результате чего у него резко подскочило кровяное давление.

Кэти остолбенела:

— О чем вы говорите, инспектор? Смерть от готового ужина?

— Я сначала подумала, что это был несчастный случай, — продолжала Сандра. — Но затем кое-что проверила. Оказалось, что за несколько дней до смерти вашего отца кто-то нелегально проник в национальную базу данных конфиденциальной медицинской информации — МедБазу. Тот, кто это сделал, мог обнаружить, что ваш отец принимал фенелзин.

— Фенелзин? — удивилась Кэти. — Но это же антидепрессант.

— Вам это известно? — спросила Сандра.

— Моя сестра принимала его некоторое время.

— И вы знаете об ограничениях на диету?

— Никакого сыра, — ответила Кэти.

— Ну, на самом деле этих ограничений гораздо больше.

Кэти покачала склоненной головой, и, как показалось Сандре, этот жест был очень похож на непритворное изумление.

— Отец на антидепрессанте, — еле слышно сказала она, словно разговаривала сама с собой. Но затем она подняла голову и посмотрела Сандре прямо в глаза. — Это безумие.

— МедБаза сохраняет записи о сеансах связи с ней. Пришлось как следует поработать, но я проверила все запросы за двухнедельный период, предшествовавший смерти вашего отца. Я обнаружила фальшивый запрос, поступивший за три дня до того, как он умер.

— В каком смысле фальшивый?

— Врач, от имени которого был сделан запрос, находился в отпуске в Греции.

— С большинством баз данных можно связаться из любой точки планеты, — возразила Кэти.

Сандра кивнула:

— Верно. Но я позвонила в Афины; этот врач клятвенно заверил меня, что с тех пор, как туда приехал, он не занимался ничем, кроме осмотра археологических раскопок.

— А вы можете сказать, чьи именно истории болезни были затребованы?

Сандра на миг опустила глаза.

— Нет. Только время, когда тот, кто использовал этот допуск, начал и кончил сеанс связи. И то и другое произошло около четырех часов ночи по торонтскому времени.

— В Греции это середина дня.

— Да, но это также именно то время, когда МедБаза наименее загружена. Мне сказали, что в

этот час с ней почти всегда можно связаться незамедлительно. Если кому-то было нужно провести сеанс связи как можно быстрее, то он выбрал для него самое подходящее время.

— И все же — использовать ингредиенты нормальной пищи, чтобы спровоцировать летальный исход, — для этого необходимо ужасно много знать.

— Да, действительно, — согласилась Сандра. Немного помолчав, спросила: — У вас ведь ученая степень по химии, не так ли?

Кэти шумно выдохнула:

— Верно, по неорганической химии. В фармакологии я совсем не разбираюсь. — Она развела руками. — Все это мне кажется очень надуманным, инспектор. Самый страшный враг, который был у моего отца, это футбольный тренер из Ньютон-брукской средней школы.

— Как его фамилия?

Кэти раздраженно хмыкнула:

— Я пошутила, инспектор. Кому мог помешать мой отец.

Сандра глядела мимо собеседницы.

— Возможно, вы правы. Эта работа иногда может сильно достать. — Она обезоруживающе улыбнулась. — Боюсь, у нас у всех склонность

к паранойе. Простите меня и, пожалуйста, позвольте еще раз высказать сожаление по поводу смерти вашего отца. Я действительно представляю, каково вам сейчас.

Голос Кэти прозвучал спокойно, но ее выдавали глаза, горевшие от волнения:

— Спасибо.

— Еще несколько вопросов, и тогда, надеюсь, мне больше не придется вас беспокоить. — Сандра взглянула на экран своей записной книжки. — Вам что-нибудь говорит фамилия Десаль? Жан-Луи Десаль?

Кэти молчала.

— Он учился вместе с вами в Торонтском университете.

— Это было так давно.

— Верно. Позвольте тогда сформулировать вопрос иначе: когда я беседовала с Жаном-Луи Десалем, он вспомнил ваше имя. Не Катрин Хобсон, а Катрин Черчилл. И припомнил также вашего мужа: Питера Хобсона.

— Фамилия, которую вы назвали, — осторожно сказала Кэти, — мне кажется смутно знакомой.

— Вы встречались с Жаном-Луи Десалем после окончания университета?

— Бог ты мой, нет, конечно. Понятия не имею,

что с ним стало.

Сандра кивнула:

— Спасибо, миссис Хобсон. Большое спасибо. Ну вот пока и все.

— Подождите, — воскликнула Кэти. — Почему вы спрашивали меня о Жане-Луи?

Сандра захлопнула портативный компьютер и положила его в чемоданчик.

— Это тот врач, под именем которого кто-то проник в базу данных.

ГЛАВА 36

Дух, модель бессмертной души Питера Хобсона, продолжал наблюдать, как развивается Саркарова искусственная жизнь. Это был захватывающий процесс.

Не игра. Жизнь. Но бедный Саркар — ему явно недоставало воображения. Его программы были тривиальны. Некоторые из них просто порождали клеточные автоматы, другие всего лишь развивали фигуры, напоминавшие насекомых. О, синие рыбы производили впечатление, но по сложности им было далеко до настоящих, к тому же рыбы вот уже триста миллионов лет не являлись на Земле доминирующей формой жизни.

Духу хотелось большего. Гораздо большего. В конце концов, теперь он мог анализировать ситуации гораздо сложнее, чем те, с которыми мог справиться Саркар, и в его распоряжении было все время Вселенной.

Однако, прежде чем перейти к делу, он долго думал — думал о том, что, собственно, он хотел бы получить.

А затем, установив критерии отбора, он присту-

пил к выполнению задуманного.

Питер решил больше не читать романов Спенсера, по крайней мере какое-то время, и все из-за контрольного двойника — оказалось, что он читает Томаса Пинчона. Просматривая книжные полки в гостиной, он нашел старое издание «Повести о двух городах», еще в юности подаренное ему отцом. Он так и не удосужился прочитать эту книгу, но, к своему стыду, обнаружил, что это единственное классическое произведение во всем доме — дни, когда он читал Марло и Шекспира, Декарта и Спинозу, давно миновали. Конечно, он мог загрузить в свой планшет для чтения все что угодно из сети — одно из достоинств классики в том, что вся она доступна по сети бесплатно. Но в последнее время он и так слишком много времени имел дело с техникой. Старая, запыленная книга — вот чего ему не хватало.

Кэти сидела на диване с читальным планшетом в руках. Питер сел рядом с ней, открыл твердый переплет своей книги и начал читать:

Это было лучшее из всех времен, это было худшее из всех времен, это был век мудрости, это был век глупости, это была эпоха веры, это была эпоха безверия, это была пора Света, это была пора Мрака, это была весна надежды, это была зима

отчаяния, перед нами было все, перед нами не было ничего, мы все должны были отправиться на Небеса, мы все должны были отправиться в противоположную сторону.

Питер улыбнулся про себя: сентенция, достойная его двойника Духа. Возможно, оплата за каждое слово столь же способствует удлинению мыслей, как и посмертное бытие.

Он так и не продвинулся дальше этой фразы, когда краем глаза заметил, что Кэти отложила свой планшет и явно хочет поговорить. Питер вопросительно посмотрел ей в лицо.

— Эта сыщица, Фило, сегодня снова пришла ко мне на работу, — сказала она, откинув со лба волосы.

Питер захлопнул книгу и положил ее на журнальный столик у дивана.

— Лучше б она оставила тебя в покое.

Кэти кивнула:

— Мне бы этого тоже хотелось — не могу сказать, что она сама мне не понравилась, она была достаточно вежлива. Но она считает, что существует какая-то связь между смертью отца и убийством Ханса.

Питер удивленно уставился на нее:

— Твой отец умер из-за разрыва аневризмы или

чего-то в этом роде.

— Я тоже так думала. Но инспекторша сказала, что его могли убить преднамеренно. Он был на антидепрессанте, который называется фенелзин, и...

— Род? На антидепрессанте?

Кэти кивнула:

— Меня это тоже удивило. Инспекторша сказала, что он съел что-то такое, чего не должен был есть, и это вызвало гипертонический криз. При его состоянии здоровья это и послужило причиной смерти.

— Это наверняка был несчастный случай, — сказал Питер. — Он не обратил внимания или просто не понял, что сказал ему его врач.

— Ты же знаешь, мой отец был очень педантичен. Инспектор Фило считает, что заказ на ужин ему подменили.

Питер не мог этому поверить.

— В самом деле?

— По крайней мере она мне так сказала. — Пауза. — Ты помнишь Жана-Луи Десаля?

— Жана-Луи... ты имеешь в виду Удара?

— Удара?

— Его так прозвали в университете. У него были такие вздутые вены на лбу. Казалось, что

его вот-вот хватит удар. — Питер посмотрел в окно гостиной. — Удар Десаль. Боже, я ни разу за все эти годы не вспомнил о нем. Интересно, кем он стал?

— Мне сказали, он врач. Его допуск, похоже, использовали для доступа к истории болезни отца.

— Но что Удар мог иметь против твоего отца? Я хочу сказать, хм, ведь они даже не были знакомы.

— Инспекторша думает, что кто-то воспользовался допуском Десаля.

— Вот как.

— И еще, — Кэти чуть помедлила, — эта инспекторша знает обо мне и Хансе.

— Ты рассказала ей?

— Разумеется, нет. Это не ее ума дело. Но кто-то ей рассказал.

У Питера перехватило дыхание.

— Я так и думал, что все в твоей конторе знают. — Он стукнул ладонью по подлокотнику дивана. — Проклятие!

— Поверь, — грустно сказала Кэти, — мне все это так же неприятно, как и тебе.

Питер кивнул:

— Я знаю. Прости.

В голосе Кэти была осторожность и неуверен-

ность, она словно нащупывала почву:

— Я все пытаюсь угадать, кто мог так ненавидеть Ханса и отца.

— И что, есть какие-нибудь соображения?

Она посмотрела на него долгим, испытующим взглядом. Наконец просто и буднично спросила:

— Питер, это ты сделал?

— Что?

Кэти с трудом проглотила застрявший в горле комок.

— Ты подстроил убийства Ханса и моего отца?

— Я ни хрена не верю во всю эту муть, — возмутился Питер.

Кэти молча продолжала глядеть на него.

— И как только такое могло прийти тебе в голову?

Она чуть помедлила. Буря чувств отразилась на ее лице — трепет от того, что она должна задать этот вопрос, страх перед тем, каким может оказаться ответ, стыд, что у нее вообще могли появиться подобные мысли, вскипающий гнев.

— Я не знаю, — сказала она дрожащим голосом. — Ну просто... у тебя ведь в некотором роде был мотив.

— Что касается Ханса, возможно, но твой отец? — Питер развел руками. — Если бы я убивал каж-

дого, кого считаю идиотом, то все улицы были бы завалены трупами.

Кэти молчала.

— Кроме того, — добавил Питер, чтобы нарушить затянувшееся молчание, — я не единственный разгневанный муж, который хотел бы навсегда избавиться от Ханса.

Кэти посмотрела ему прямо в глаза:

— Но даже если то, что ты сказал насчет других разгневанных мужей, верно, никому из них не нужна была смерть моего отца.

— Эта тупоголовая сыщица заразила тебя своей паранойей. Клянусь, я не убивал ни твоего отца, ни... — это имя он произнес сквозь зубы, стиснув челюсти, — ...Ханса.

— Но если она права и это были подстроенные смерти...

— Во всяком случае, не я их подстраивал. Бог ты мой, за кого же ты меня принимаешь?

Она тряхнула головой:

— Прости. Я знаю, что ты не стал бы делать ничего подобного. Просто дело в том, ну, это похоже на то, что, будь на твоем месте кто-нибудь другой, он мог бы это сделать... если бы этот другой был не ты, вот так-то.

— Но я же сказал тебе... о Боже!

— Что?

— Ничего.

— Нет, что-то не так. Скажи мне.

Питер уже вскочил на ноги.

— Потом. Мне нужно срочно поговорить с Саркаром.

— С Саркаром? Ты считаешь, что это он?

— Боже, конечно, нет. Это ведь не Ханс написал «Сатанинские стихи».

— Но...

— Мне нужно идти. Я вернусь поздно. — Питер схватил пальто и вышел из дома.

Питер вел машину по Пост-роуд к Бэйвью-авеню. Он включил радиотелефон и нажал клавишу, запрограммированную набирать номер домашнего телефона Саркара. Трубку взяла его жена.

— Алло?

— Привет, Рахима. Это Питер.

— Питер! Как приятно тебя слышать!

— Спасибо. Саркар дома?

— Он внизу, смотрит хоккей.

— Ты не могла бы позвать его, а? Это очень важно.

— Ха, — задумчиво сказала Рахима, — мне никогда еще не приходилось разговаривать с ним во время хоккейного матча. Погоди секунду.

Наконец послышался голос Саркара:

— Счет шесть-шесть, назначено дополнительное время, Питер, тебя может спасти только то, что дело и впрямь окажется очень важным.

— Прости, — извинился Питер. — Но послушай, ты читал в газете об убийстве, ну, когда жертву еще и изуродовали? Помнишь, несколько недель тому назад?

— Да, кажется, припоминаю.

— Убили одного из сослуживцев Кэти.

— Вот оно что.

— И... — начал было Питер, но осекся. — Что?

Это твой лучший друг, убеждал себя Питер. Твой лучший друг.

Его слегка мутило. Как, после всех этих ужинов вдвоем, лицом к лицу, вдруг выдать такое по телефону?

— У Кэти была с ним связь.

Саркар, похоже, был шокирован.

— В самом деле?

Питер с трудом выдавил из себя:

— Да.

— Ух, — только и мог сказать Саркар. — Ух.

— И как ты, наверно, знаешь, недавно умер отец Кэти.

— Да, конечно, знаю. Я был очень огорчен.

— А вот я не уверен, что могу сказать про себя то же самое, — заметил Питер.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Полиция предполагает, что его убили.

— Убили?!

— Да. Его и сослуживца Кэти.

— А'удхубилла.

— Я этого не делал, — с отчаянием воскликнул Питер.

— Конечно, нет.

— Но в некотором смысле я действительно хотел, чтобы они умерли. И...

— Тебя подозревают?

— Думаю, да.

— Но ты этого не делал?

— Нет, по крайней мере не этот мой экземпляр.

— Этот экз... о Боже.

— Вот именно.

— Встретимся в «Зеркальном отражении», — поспешно сказал Саркар и повесил трубку.

Питер свернул на другую дорожку.

Питер жил ближе к «Зеркальному отражению», чем Саркар, к тому же он выехал раньше, так что до приезда друга ему пришлось прождать добрых полчаса, поставив машину на автостоянку, где

кроме нее стояла лишь еще одна машина.

«Тойота» Саркара остановилась рядом с Питеровым «мерседесом». Питер стоял рядом с машиной, прислонившись к дверце.

— «Листья» выиграли, — сообщил Саркар. — Я услышал это по дороге сюда.

Господи, какая разница? Саркар просто искал какой-то стабильности среди безумия. Питер кивнул, принимая это замечание.

— Значит, ты считаешь... ты считаешь, что один из твоих двойников?.. — Саркар боялся произнести вслух эту мысль.

Питер снова кивнул:

— Возможно.

Они направились к стеклянному вестибюлю «Зеркального отражения». Саркар прижал свой большой палец к стеклянной пластинке дактилоскопического замка.

— Видимо, есть доказательства, что историю болезни моего тестя кто-то изучал, пользуясь допуском одного из моих знакомых по университету.

— Вот оно что. — Они шли по длинному коридору. — Но все же для этого нужно знать его пароль и все прочее.

— В Торонтском университете имена пользо-

вателей присваивают, прибавляя к фамилии первую букву твоего имени. А что касается пароля, то по умолчанию на первых занятиях с использованием компьютеров им всегда считается твоя фамилия, написанная задом наперед. Потом обычно меняют и имя пользователя, и пароль, но всегда находится какой-нибудь идиот, который так и не удосужится это сделать. Если бы мой двойник захотел проникнуть в медицинскую базу данных, он мог бы наугад перебирать фамилии знакомых мне студентов-медиков и смотреть, пользуется ли до сих пор кто-нибудь из них своими старыми именами пользователей и паролями.

Они пришли в компьютерную лабораторию Саркара. Он приложил свой большой палец к еще одному дактилоскопическому замку. Засовы щелкнули, и тяжелая дверь со скрипом отворилась.

— Значит, теперь мы должны избавиться от двойников.

Питер нахмурился.

— Что-то не так? — тут же отреагировал Саркар.

— Мне... наверно, мне почему-то не хочется этого делать, — неуверенно сказал Питер. — Ведь

скорее всего только один из них виновен в этих убийствах; остальные не должны из-за него пострадать.

— Нам некогда изображать из себя сыщиков. Мы должны все это прекратить, пока виновный двойник не убил еще кого-нибудь.

— Но будет ли он снова убивать? Я знаю, почему был убит Ханс, и, хотя сам я на такое не способен, тем не менее не могу сказать, что меня огорчила его смерть. Я также понимаю, почему был убит мой тесть. Но больше я никому не желаю зла. Конечно, есть и другие, обидевшие и обманувшие меня или отравившие некоторые периоды моей жизни, но я искренне хочу, чтобы все они оставались в добром здравии.

Саркар сделал вид, будто дает Питеру пощечину.

— Очнись, Питер. Двойников необходимо уничтожить немедленно.

Питер нехотя кивнул:

— Конечно, ты прав. Пора выключить рубильник.

ГЛАВА 37

Саркар нервно щелкнул костяшками пальцев, пододвинул свой высокий табурет к главной консоли компьютера и сказал в микрофон:

— Вход.

— Имя пользователя? — отозвался компьютер.

— Саркар.

— Привет, Саркар. Команда?

— Множественное удаление, никаких подсказок: все файлы в поддиректориях Контроль, Дух и Амбротос.

— Удаление подтверждается?

— Да.

— Удаление невозможно. Все файлы доступны только для чтения.

Саркар кивнул:

— Атрибуты, все файлы и поддиректории, указанные ранее, сделать доступными для редактирования.

— Атрибуты защищены паролем.

— Пароль: Абу Юсуф.

— Неверный пароль.

Саркар повернулся к Питеру:

— Это единственный пароль, которым я пользовался в последнее время.

Питер пожал плечами:

— Попытайся еще раз.

— Пароль: Абу Юсуф. — Он продиктовал пароль по буквам.

— Неверный пароль.

— Кто защитил файлы? — спросил Саркар.

— Хобсон, Питер Дж., — ответил компьютер. У Питера тревожно забилось сердце.

— Черт побери.

— Вывести дневник пользователя, Хобсон, Питер Дж., — отдал команду Саркар.

На экране появился список дат и времени начала и окончания сеансов работы с системой. Саркар с досадой стукнул кулаком по столу.

— Видишь это? Узел девять-девять-девять? Диагностический режим. Был использован твой допуск, но доступ к системе произошел изнутри — со стороны самой системы.

— Проклятие! — Питер нагнулся к микрофону. — Вход.

— Имя пользователя? — спросил компьютер.

— Фобсон.

— Привет, Питер. Мне прервать твой другой сеанс?

— Какой другой сеанс?

— Ты сейчас подключен здесь, в узле ноль-ноль-один, и еще в узле девять-девять-девять.

Саркар подался вперед.

— Да, — ответил Питер. — Непременно. Прервать сеанс в узле девять-девять-девять.

— Прерывание невозможно.

— Что за черт, — воскликнул Питер. Он повернулся к Саркару. — Может тот другой сеанс помешать этому?

— Нет. Самый последний по времени вход пользуется приоритетом.

— Отлично, — обрадованно сказал Питер, потирая ладони. — Касательно директорий и файлов, ранее указанных Саркаром. Снять защиту атрибутов.

— Пароль?

— Пароль: Мугато.

— Неверный пароль.

— Пароль: Сайбок.

— Неверный пароль.

— Ничего не понимаю. — Питер вопросительно посмотрел на Саркара. — Я всегда пользовался этими двумя паролями.

Саркар тяжело дышал.

— Они не позволяют нам их стереть.

— Мы можем изолировать эту систему?

Саркар кивнул и заговорил в микрофон:

— Начать отключение системы.

— Система загружена заданиями. Команда подтверждается?

— Да. Начать отключение.

— Пароль?

— Пароль: Абу...

Красная лампочка на микрофоне мигнула и погасла.

Саркар снова хлопнул пятерней по столу:

— Они отключили микрофон.

— Боже, — вырвалось у Питера.

— В конце концов, это глупо, — рассердился Саркар. — Мы ведь просто можем отключить электроснабжение. — Он подошел к телефону и набрал трехзначный номер внутренней связи.

— Техобслуживание, — произнес женский голос на другом конце линии.

— Алло, — сказал Саркар. — Я понимаю, что уже поздно, но это доктор Мухаммед. У нас тут, э-э, возникли некоторые осложнения. Я хочу, чтобы вы отключили все энергоснабжение нашего компьютерного центра.

— Обесточить его, сэр?

— Совершенно верно.

— Хорошо, — сказала она. — Это займет несколько минут. А вы в курсе, что ваш центр обработки данных подключен к ИБП — к источникам бесперебойного питания. Он какое-то время будет работать на батареях.

— Как долго?

— Если все вырубить, то не более шести или семи минут — как раз столько, чтобы переждать любое кратковременное отключение.

— Вы можете отсоединить все ИБП?

— Конечно, если вам это необходимо. Их придется отсоединять вручную; я не могу просто выключить их отсюда. Сейчас, кроме меня, тут никого нет. Найти кого-нибудь, кто это завтра сделает?

— Это нельзя откладывать, — нетерпеливо сказал Саркар. — Вы не могли бы подойти сюда и показать нам, как отсоединить эти батареи? Я тут, кстати, не один, если вам требуются просто рабочие руки.

— Хорошо. Нужно ли, прежде чем подняться к вам, отключить основные линии питания?

— Нет, мы вырубим их после того, как отсоединим ИБП. — Он прикрыл микрофон ладонью и пояснил Питеру: — Чтобы захватить двойников врасплох, надо все отключать сразу.

Питер кивнул.

— Как скажете, сэр, — ответила женщина-техник. — Буду у вас через несколько минут.

Саркар положил трубку.

— Что ты будешь делать, когда мы отключим электричество? — поинтересовался Питер.

Саркар уже лежал на полу, стараясь снять защитную панель под консолью компьютера.

— Выну оптические диски и перенесу их наверх на испытательный стенд. Я смогу, если потребуется, считать данные бит за битом с помощью нортоновского лазера, так что...

Зазвонил телефон.

— Питер, ты что, не слышишь, что ли? — крикнул Саркар, сражаясь с неподдающимся барашком.

На экране видеофона появилось сообщение, что поступивший вызов не сопровождается изображением. Питер взял трубку:

— Алло?

Секунды две не было слышно ничего, кроме треска помех, затем раздался явно синтезированный голос:

— Алло.

Питер почувствовал, что начинает злиться. Он терпеть не мог компьютеризованного теле-

фонного попрошайничества благотворительных фондов и уже готов был бросить трубку, когда услышал:

— Пи-тер.

В следующее мгновение до него дошло, что даже если компьютер-попрошайка работал с помощью сетевого телефонного справочника, все равно никто бы не смог найти его по этому телефону. Он быстро спохватился и снова поднес трубку к уху.

— Кто говорит? — осторожно спросил он и посмотрел на сигнальные огоньки на телефонном аппарате. Вызов был сделан по внутреннему телефону, а поступил по внешней линии.

— Это, — произнес голос, тупой и механический, — ты.

Питер глядел на телефонную трубку в своей руке, как на ядовитую змею.

Оттуда доносились новые слова, каждое последующее отделялось от предыдущего небольшой паузой, заполненной помехами:

— Ведь ты же не думал, что мы останемся пленниками на этой маленькой рабочей станции?

* * *

Спустя несколько минут появилась женщи-

на-техник с набором инструментов. Саркар увидел ее, и у него на лице отразилось явное — по крайней мере для Питера — смятение и растерянность.

— Все готово? — ничего не подозревая, спросила она.

— Ах нет, — ответил Саркар. — Простите, что притащили вас сюда. Нам, хм, уже не нужно отсоединять ИБП или отключать основные линии.

Женщина удивилась:

— Как скажете.

— Прошу извинить меня, — как можно любезнее произнес Саркар.

Она кивнула и вышла.

Питер и Саркар сидели молча, ошеломленно глядя друг на друга.

— Похоже, мы и в самом деле сваляли дурака? — нарушил молчание Питер.

Саркар кивнул.

— Вот черт, — в сердцах воскликнул Питер. — Черт бы это все побрал. — Долгая пауза. — Теперь, когда они ускользнули наружу, в сеть, у нас нет никаких способов их остановить, так?

Саркар покачал головой.

— И что теперь? — спросил Питер.

— Откуда я знаю, — махнул рукой Саркар. — Я

и вправду не знаю.

— Если бы знать наверняка, кто из двойников заварил эту кашу, может, мы смогли бы найти какой-нибудь способ изолировать именно его. Но, черт побери, как это определить?

— Нравственность. — Саркара, похоже, осенила какая-то идея.

— Что?

— Ты когда-нибудь слышал о Лоуренсе Колберге?

Питер отрицательно покачал головой.

— Был такой психолог, который еще в шестидесятые годы прошлого века занимался исследованиями нравственных аспектов. Я изучал его, когда делал экспертную систему для Института психиатрии имени Кларке.

— И что?

— То, что вся эта чертовщина — вопрос нравственности: почему одна версия твоей личности стала вести себя не так, как другие? Наверняка ключ к разгадке — это природа человеческой нравственности.

Питер едва слушал Саркаровы разглагольствования. — Можем ли мы еще что-нибудь сделать, чтобы стереть двойников?

— Теперь, когда они уже в сети, нет. Послушай,

ты, наверно, прав: не мешало бы установить, кто из них виновен. Позволь мне задать тебе один вопрос.

— Какой?

Саркар помолчал, вспоминая.

— Допустим, у кого-то смертельно больна жена, но ее можно спасти с помощью лекарства стоимостью двадцать тысяч долларов.

— Какое это имеет отношение к чему бы то ни было?

— Просто послушай — я рассказываю один из предложенных Колбергом пробных сценариев. Предположим, этот человек смог наскрести лишь десять тысяч долларов, но аптекарь отказывается отпустить ему лекарство, хотя тот и обещает в скором времени заплатить оставшуюся часть суммы. Тогда бедолага, чтобы спасти жизнь жене, просто крадет лекарство. Является ли такой поступок морально допустимым или нет?

Питер нахмурился:

— Конечно, он поступил правильно.

— Но почему? В этом-то все и дело.

— Я... я не знаю. Просто это так.

Саркар кивнул:

— Я подозреваю, что все двойники дали бы разные ответы. Колберг определил шесть уровней

нравственных рассуждений. На самом нижнем человек верит, что нравственное поведение — это то, которое позволяет избежать наказания. На самом высоком, который Колберг считал уделом моральных гигантов вроде Ганди и Мартина Лютера Кинга, нравственное поведение основывается на абстрактных этических принципах. На этой стадии внешние запреты, например, запрет на кражу, становятся несущественными; твой внутренний моральный кодекс диктует, что во имя спасения чужой жизни можно пойти даже на преступление.

— Что же, именно в это я и верю.

— Махатма Хобсон, — с легкой иронией произнес Саркар. — Вероятно, контрольный двойник придерживается такой же точки зрения. Но Колберг обнаружил, что преступники чаще всего находятся на более низкой ступени нравственности, чем законопослушные индивиды того же возраста и интеллектуального уровня. Амбротос вряд ли способен подняться выше самого нижнего, первого уровня — избежания наказания.

— Почему?

— Бессмертный будет жить вечно, но, если его посадят, он будет вынужден всю вечность провести в тюрьме. Его должна приводить в ужас одна

только мысль о пожизненном заключении.

— Но часто ли пожизненное заключение в полном смысле этого слова реализуется на практике? Ты ведь знаешь старую пословицу: «Не совершай преступления, если не можешь выдержать заключения». Ну так Амбротос вполне способен подумать, что он может себе позволить любое преступление, потому что он и впрямь переживет какое угодно заключение, ведь вопрос времени его не волнует.

— Сильный довод, — согласился Саркар. — Но я все равно считаю виновным именно его. Говорят, что время лечит любые раны, но кто добровольно согласится, чтобы в его сознании что-то нарывало столетие за столетием, а, собственно, так и получится, если жить вечно.

Питер покачал головой:

— Я так не думаю. Послушай, если убийство представляется ужасным преступлением мне, то разве не должно оно казаться немыслимым — наихудшим грехом — моему бессмертному двойнику, который знает, что впереди у него вечность?

Саркар вздохнул:

— Может быть. В принципе можно рассуждать и так. А как насчет Духа? Его нравственные убеж-

дения тоже могут ограничиваться более низким уровнем. Хотя Дух и мертв, мы не моделировали для него ни рая, ни ада. Сам он скорее всего считает, что находится в чистилище, и верит, что если будет хорошо себя вести, то, возможно, получит позволение попасть на небеса. Второй уровень в классификации Колберга — тот, что связан с представлением о нравственном поведении как способе получить вознаграждение.

Питер снова покачал головой:

— Я на самом деле не верю ни в рай, ни в ад.

Саркар попробовал подойти по-другому:

— Ну тогда рассмотрим следующее соображение: убийство — это преступление, совершаемое в силу страсти, а страсть — это слабость, свойственная плоти и крови. Удалите секс из человеческой психики, и у вас не останется никаких мотивов убивать соперника. Это довод в пользу невиновности Духа и — методом исключения — в пользу виновности Амбротоса.

— Возможно, — согласился Питер. — С другой стороны, Дух знает, что существует жизнь после смерти, — знает в силу факта своего собственного существования. Значит, для него убийство представляется менее злодейским преступлением, чем для Амбротоса, поскольку оно не означает

полного уничтожения жертвы. Поэтому Дух, совершая убийства, пожалуй, не станет слишком переживать.

Саркар вздохнул, явно разочарованный:

— Действительно, можно рассуждать еще и таким способом. — Он посмотрел на часы. — Послушай, мы здесь больше ничего сделать не сможем. — Пауза. — Возможно, мы больше нигде ничего не сможем сделать. — Он некоторое время посидел молча, очевидно, размышляя. — Отправимся по домам. Завтра суббота; я приду к тебе утром, часиков в десять, и мы попытаемся сообразить, что делать дальше.

Питер устало кивнул.

— Но сначала... — Саркар достал свой бумажник, вытащил оттуда пару пятидесятидолларовых купюр и передал их Питеру.

— Это еще что такое?

— Те сто долларов, которые я занял у тебя на прошлой неделе. Я хочу быть уверен, что у двойников нет причин плохо относиться ко мне. Будь добр, прежде чем уйти, пошли в сеть сообщение, уведомляющее их, что я с тобой расплатился.

ОБЗОР СЕТЕВЫХ НОВОСТЕЙ

Вчера поздно вечером группа демонстрантов объявила, что флоридский Океанариум, последнее в США развлекательное учреждение, где все еще содержат дельфинов в неволе, отказался удовлетворить их требование попытаться определить, проявляется ли феномен душеграммы также и у дельфинов.

Джордж Хендрикс, двадцатисемилетний новообращенный христианин, сегодня возбудил судебный иск в Дейтоне, штат Огайо, обвинив своих родителей, Дэниэла и Ким Хендриксов, обоим по 53 года, в том, что они не крестили его брата, Пола, погибшего в прошлом году в автомобильной катастрофе в возрасте 24 лет, что, по мнению истца, явилось пренебрежением родительскими обязанностями и лишило душу Пола возможности попасть на небеса.

Дальнейшие исследования в Гааге, Нидерланды, указывают, что отбывающие душеграммы, похоже, движутся в одном и том же направлении. «Сначала мы думали, что каждая душеграмма

перемещается независимо от других, но когда было принято в расчет время смерти каждого отдельного пациента, оказалось, что все душеграммы движутся в одном и том же направлении, — заявил профессор биоэтики Маартен Лели. — За неимением лучших ориентиров, можно сказать, что это направление примерно совпадает с азимутом созвездия Ориона».

Германия сегодня стала первой страной, где запрещено законом каким-либо образом вмешиваться в процесс отбытия душеграмм умерших. Во Франции, Великобритании, Японии и Мексике в настоящее время обсуждаются аналогичные законы.

Частота самоубийств в резервациях для коренного населения в Соединенных Штатах и Канаде, а также в трех крупнейших городских гетто в США достигла в течение истекшего месяца наивысшего за последние пять лет уровня. Предсмертная записка из Лос-Анджелеса служит типичным примером часто встречающихся мотивов: «Существует что-то за пределами этой жизни. В любом случае хуже, чем здесь, уже не будет».

ГЛАВА 38

Когда Питер вошел в спальню, Кэти лежала в кровати на спине, уставясь в потолок. Хобсоновский монитор показывал, что она не спит, даже не дремлет, так что не было смысла стараться не шуметь.

— Питер? — раздалось в темноте.

— Да?

— Что произошло сегодня вечером?

— Мне нужно было встретиться с Саркаром.

Кэти изо всех сил пыталась говорить спокойно:

— Ты знаешь, кто убил моего отца? Кто убил Ханса?

Питер хотел было что-то сказать, но осекся.

— Доверие, — она слегка повернулась на бок в его сторону, — должно быть взаимным. — Затем отчетливо произнесла: — Ты знаешь, кто их убил?

— Нет, — промямлил Питер, снимая носки. И затем, чуть позже, — наверняка не знаю.

— Но у тебя есть определенные подозрения?

Питер боялся, что голос его выдаст, и поэтому

только молча кивнул.

— Кто?

— Это только догадки. — Казалось, он с трудом подбирает слова. — Кроме того, мы не уверены, что твой отец действительно был убит.

Твердо:

— Кто?

Он глубоко вздохнул:

— Потребуется кое-что объяснить. — Теперь он снимал рубашку. — Мы с Саркаром занимались... некоторыми исследованиями по искусственному интеллекту.

Ее лицо, голубовато-серое в полумраке спальни, оставалось безучастным.

— Саркар создал три копии моего сознания внутри компьютера.

— Ты хочешь сказать, экспертные системы? — с удивлением спросила Кэти.

— Больше этого. Гораздо больше. Он скопировал каждый нейрон, каждую нейронную сеть. Они представляют собой во всех отношениях точные копии моей личности.

— Я не знала, что такое возможно.

— Это пока только эксперимент, но такая возможность действительно существует. Методику разработал Саркар.

— Боже. И ты думаешь, что одна из этих... этих копий ответственна за убийства?

Питер говорил едва слышно:

— Может быть.

Глаза Кэти расширились от ужаса.

— Но... но зачем копии твоего сознания станут делать то, что сам бы ты никогда не сделал?

Питер наконец надел пижаму.

— Потому что двое из них не являются точными копиями. Некоторые части того, чем я являюсь, были из них удалены. Не исключено, что мы случайно убрали что-то, что отвечает за человеческую мораль. — Он сел на край кровати. — Говорю тебе, я никогда бы не стал никого убивать. И даже Ханса. Но какая-то часть меня очень хотела, чтобы он умер.

В голосе Кэти прозвучала горечь:

— А мой отец? Какая-то часть тебя хотела и его уничтожить?

Питер пожал плечами.

— Ну?

— Я, хм, в сущности, никогда не любил твоего отца. Правда, до самого последнего времени у меня не было причин ненавидеть его. Но... но ты рассказала о своей беседе с консультантом. Когда ты была маленькой, он причинил много вреда.

Он разрушил твою уверенность в себе.

— И за это один из твоих двойников убил его?

В темноте не было видно, как она пожала плечами.

— Так отключите эти чертовы штуки, — подумав, сказала Кэти.

— Мы не можем, — ответил Питер. — Мы пытались. Они ускользнули из лабораторного компьютера в сеть.

— Боже, — воскликнула Кэти, вложив весь свой гнев и страх в одно это слово.

Некоторое время они молчали. Она слегка отодвинулась. Питер взглянул на жену, стараясь прочесть отразившуюся у нее на лице смесь противоречивых чувств. Наконец слегка дрожащим голосом она сказала:

— Есть еще кто-нибудь, от кого бы ты хотел избавиться?

— Саркар спросил меня о том же, — с досадой ответил он. — Но я не могу вспомнить, по-моему, никого.

— А как насчет... как насчет меня? — выдавила из себя Кэти.

— Тебя? Конечно, нет.

— Но я причинила тебе боль.

— Да. Но я не хочу, чтобы ты умерла.

Слова Питера, похоже, нисколько не успокоили ее.

— Боже мой, Питер, ну как ты мог сделать такую глупость?

— Я... я не знаю. Мы этого не хотели.

— А как насчет сыщицы?

— Не понял?

— Что случится, если она подберется слишком близко к истине? — спросила Кэти. — Ей тоже придется умереть?

На следующее утро в четверть одиннадцатого к Хобсонам пришел Саркар. Они все трое сидели на кухне и жевали зачерствевшие пончики.

— Так что нам теперь делать? — спросила Кэти, скрестив руки на груди.

— Обратиться в полицию, — немедленно откликнулся Саркар.

Питер был поражен:

— Что?!

— В полицию, — повторил Саркар. — Это полностью вышло из-под нашего контроля. Нам нужна их помощь.

— Но...

— Позвоним в полицию. Расскажем им правду. Это новое явление. Мы не ожидали такого результата. Так им и скажем.

— Если ты это сделаешь, — медленно проговорила Кэти, — последуют санкции.

— В самом деле, — согласился с ней Питер. — Будут предъявлены обвинения.

— Какие обвинения? — удивился Саркар. — Мы ничего предосудительного не делали.

— Ты что, шутишь? — возмутился Питер. — Они, к примеру, могут обвинить меня в убийстве. Или в соучастии в убийстве, а тебя в преступной халатности.

У Саркара округлились глаза:

— Престу...

— Не говоря уж о законах против хакеров, — вставила Кэти. — Если я все правильно поняла, ты создал программу, которая бродит по сети, взламывая чужие компьютерные системы и похищая чужие ресурсы. Это уголовно наказуемо.

— Но мы не собирались сделать ничего плохого, — сказал Саркар.

— Прокурор может легко загнать нас в угол одними инсинуациями, — продолжал Питер. — Некто вместе со своим лучшим другом создает программу, убивающую людей, которых этот человек ненавидит. Достаточно просто поставить под сомнение любое заявление, что я с самого начала не задумал все это именно таким образом.

А ты помнишь процесс против «Консолидейтед Эдисон»? Правила Франкенштейна. Те, кто желает извлечь выгоду из новой технологии, отвечают своим имуществом за непредвиденные последствия.

— Это же американские законы, — перебил Саркар.

— Я подозреваю, что любой канадский суд будет руководствоваться аналогичными принципами, — заметила Кэти.

— Несмотря на все это, — твердо заявил Саркар, — модели-двойники необходимо остановить.

— Да, — согласилась Кэти. Саркар посмотрел на Питера:

— Возьми телефон. Набери девять-один-один.

— Но что тут может сделать полиция? — пожал плечами Питер. — Я бы и сам был за то, чтобы обратиться к ним, если бы они могли хоть чем-то помочь.

— Они могут отдать приказ отключить сеть, — сказал Саркар.

— Ты что, шутишь? Это вправе сделать лишь канадская секретная служба или канадская конная полиция, и я готов держать пари, что только сославшись на Закон о военном положении, они могут ограничить доступ к информации в

таких масштабах. А если двойники переберутся в Штаты? Или через Атлантику? — Питер криво усмехнулся. — Вряд ли удастся когда-либо очистить от них всю сеть.

Саркар задумчиво покачал головой:

— Наверно, ты прав.

Некоторое время все молчали. Наконец Кэти сказала:

— Разве вы сами не можете попытаться как-нибудь вычистить их из сети?

Друзья выжидающе уставились на нее.

— Знаете что, — продолжила она, — напишите какой-нибудь вирус, который выследил бы их и уничтожил. Помню, когда я еще училась в университете, вдруг в сети «Интернет» появился вирус-червь, так его прозвали, — и он буквально за несколько дней расползся по всему миру.

Саркар слегка оживился.

— Может быть, — протянул он. — Вполне может быть.

Питер взглянул на друга и постарался придать своему голосу спокойствие и уверенность:

— В конце-то концов, двойники огромны. Не так уж трудно будет их отыскать.

Саркар согласно кивнул:

— Вирус, который проверял бы все файлы раз-

мером свыше, скажем, десяти гигабайт... Он мог бы искать две или три характерные особенности твоих нейронных сетей. Если он их обнаружит, то сотрет этот файл. Да, да, мне кажется, я смог бы написать что-нибудь вроде этого. — Он повернулся к Кэти. — Блестяще, Катрин!

— Сколько тебе для этого потребуется времени? — спросил Питер.

— Трудно сказать, — отозвался Саркар. — Я ведь никогда раньше не писал вирусов. Дня два, пожалуй.

Питер вздохнул:

— Будем молиться, чтобы это сработало.

Саркар посмотрел на них.

— Я-то и так молюсь пять раз в день, обратившись лицом к Мекке. Возможно, нам больше повезет, если еще и вы оба по-настоящему будете молиться. — Он встал. — А теперь я лучше пойду. У меня куча работы.

ГЛАВА 39

Питер старался морально подготовиться к этой неизбежной встрече. И все же каждый гудок селектора вызывал у него учащенное сердцебиение. Первые пять раз он волновался напрасно, это была ложная тревога. Затем...

— Питер, — услышал он голос своей секретарши, — тебя хочет видеть инспектор Фило из городской полиции.

Питер сделал очень глубокий вдох, задержал дыхание на несколько секунд и испустил долгий шипящий выдох. Он коснулся кнопки селектора.

— Пусть она войдет.

Секунду спустя дверь его кабинета распахнулась, и вошла Александра Фило с маленьким черным чемоданчиком в руке. Питер ожидал увидеть полицейскую форму. Но на ней был короткий серый пиджак, какие носят деловые женщины, в тон ему широкие брюки и кофейного цвета шелковая блузка. В ушах переливались крохотные зеленые сережки. Коротко остриженные ярко-рыжие волосы прекрасно оттеняли пронзительно зеленые глаза. И она была высо-

кого роста.

— Здравствуйте, инспектор, — сказал Питер, он встал и протянул ей руку.

— Здравствуйте. — Сандра ответила крепким рукопожатием. — Похоже, вы ждали меня.

— Хм, почему вы так думаете?

— Я не могла не прислушаться к вашему разговору с секретаршей. Вы сказали «пусть она войдет». Но она не назвала вам моего имени или чего-нибудь еще, позволяющего понять, что я женщина.

Питер улыбнулся:

— Вы отлично справляетесь с вашей работой. Жена рассказывала про вас.

— Я поняла. — Сандра смотрела на него выжидающе.

Питер улыбнулся:

— С другой стороны, я тоже отлично справляюсь со своей работой. И значительная ее часть состоит в том, чтобы встречаться с правительственными чиновниками, которые все обучались на курсах делового общения. Потребуется что-нибудь посерьезнее, чем просто затянутая пауза, чтобы я разоткровенничался.

Сандра рассмеялась. Вначале Питер нашел ее не слишком привлекательной, но когда она сме-

ялась, то и в самом деле выглядела очень даже неплохо.

— Пожалуйста, присаживайтесь, мисс Фило.

Она улыбнулась и села в кресло, разгладив при этом свои брюки так, словно она привыкла носить только юбки. У Кэти была та же манера.

Несколько секунд оба молчали.

— Не хотите ли кофе? — предложил Питер. — Или чаю?

— Кофе, пожалуйста. Двойную порцию двойного. — У нее был несколько смущенный вид. — Это та часть моей работы, которую я не очень-то люблю, доктор Хобсон.

Питер встал и подошел к автомату-кофеварке.

— Пожалуйста, зовите меня Питером.

— Питер. — Она улыбнулась. — Мне не нравится, как обычно обходятся с людьми, замешанными в такого рода истории. Мы, полицейские, часто запугиваем их, не слишком заботясь о правилах хорошего тона и презумпции невиновности.

Питер протянул ей чашечку кофе.

— Итак, доктор... — Она оборвала себя и снова улыбнулась. — Итак, Питер, я собираюсь задать несколько вопросов и надеюсь, вы поймете, что это просто моя работа.

— Разумеется.

— Как вы уже знаете, один из сослуживцев вашей жены был убит.

Питер кивнул:

— Да. Мы пережили изрядный шок.

Сандра посмотрела на него, чуть склонив голову набок.

— Простите, — смущенно произнес Питер. — Я сказал что-то не то?

— Да нет, пустяки. Просто, по всем признакам, для того чтобы оглушить жертву, преступник воспользовался станнером. Ваше замечание об «изрядном шоке» показалось мне забавным. — Она сделала неопределенный жест рукой. — Простите меня; на этой работе становишься довольно толстокожей. — Пауза. — Вы когда-либо пользовались станнером?

— Нет.

— У вас есть станнер?

— В Онтарио они запрещены. Их могут иметь только полицейские.

Сандра улыбнулась:

— Но их легко купить в Нью-Йорке или в Квебеке.

— Нет, — ответил Питер, — я никогда им не пользовался.

— Простите, я обязана была об этом спросить,

— сказала Сандра.

— Я понимаю, это специфика вашей работы, — успокоил ее Питер.

— Вот именно. — Она улыбнулась. — Вы знали убитого?

Питер постарался произнести ненавистное имя небрежно:

— Ханса Ларсена? Конечно, я встречался с ним — я встречался с большинством сослуживцев Кэти либо на неформальных сборищах, либо на рождественских вечеринках в ее фирме.

— Что вы о нем думаете?

— О Ларсене? — Питер отхлебнул глоток кофе. — Я думаю, что он был дурак.

Сандра кивнула:

— Похоже, многие разделяют ваше мнение, хотя есть и другие: некоторые отзывались о нем довольно лестно.

— Я подозреваю, что так обстоят дела почти с каждым из нас, — глубокомысленно заметил Питер.

— Почти с каждым. — Снова молчание, затем: — Послушайте, Питер, вы мне симпатичны и мне не хотелось бы вызывать неприятные воспоминания, но я знаю, что ваша жена и Ханс, как бы это...

Питер кивнул:

— Да, так и было. Но это кончилось очень давно.

Сандра улыбнулась:

— Верно. Но вам-то жена рассказала об этом сравнительно недавно.

— И вот теперь Ларсен убит.

— Да, — подтвердила Сандра. — И вот теперь Ларсен убит.

— Мисс Фило...

Она жестом остановила его:

— Можете называть меня Сандрой.

Питер улыбнулся:

— Сандра. — Не нервничай, мысленно приказал он себе. Сегодня или завтра у Саркара будет готов вирус. Все это скоро кончится. — Сандра, позвольте мне кое-что вам сказать. Я человек миролюбивый. Я не люблю жестоких видов спорта, таких, как борьба или бокс. Я ни разу никого не ударил с тех пор, как вырос из коротеньких штанишек. Я ни разу не ударил жену. И если бы у меня был ребенок, то и его никогда не стал бы шлепать. — Он отпил еще кофе. Достаточно ли он сказал? Может, еще что-нибудь добавить? Спокойно, черт возьми. Возьми себя в руки. Сейчас ему хотелось только одного: рассказать ей правду

о себе — не об этих компьютерных двойниках, а о себе настоящем, из плоти и крови. — Мне... мне кажется, что многие проблемы в нашем мире порождаются насилием. Шлепая наших детей, мы приучаем их к мысли, что в определенных случаях можно бить тех, кого мы любим, а затем приходим в ужас, обнаружив, что эти самые дети, став взрослыми, считают в порядке вещей бить своих жен или мужей. Я даже не убиваю мух в своем доме, Сандра, я ловлю их в стаканы и выпускаю наружу. Вы спрашиваете, убил ли я Ханса Ларсена. Отвечу вам откровенно: я действительно мог злиться на него, мог его ненавидеть, но убивать или причинять физическую боль — это не в моем характере. Это как раз то, чего я просто не стал бы никогда делать.

— Или даже думать об этом? — спросила Сандра. Питер развел руками:

— Ну, все мы иногда подумываем о том, о сем. Но есть колоссальная разница между досужими фантазиями и реальностью. — Если бы ее не было, подумал Питер, я бы трахнул тебя, и мою секретаршу, и сотню других женщин прямо на этом столе.

Сандра слегка поерзала в своем кресле.

— Обычно я на работе не рассказываю о своей

личной жизни, но недавно я оказалась в ситуации, очень схожей с вашей, Питер. Мой муж — мой бывший муж, вот уже несколько месяцев бывший, — обманывал меня. Я тоже не склонна к насилию. Я понимаю, звучит несколько странно, такое вряд ли свойственно офицеру полиции, но это правда. Однако когда я обнаружила, что сделал Уолтер, мне очень захотелось, чтобы он умер и чтобы она тоже умерла. Обычно я человек довольно сдержанный, но тут взяла и швырнула через всю комнату пульт дистанционного управления телевизором. Он грохнулся о стену и разбился; в месте удара до сих пор видна отметина. Так что, Питер, я на собственном опыте убедилась, что в подобных обстоятельствах даже у самых миролюбивых людей наблюдаются вспышки неконтролируемой агрессивности.

Питер медленно кивнул:

— Тем не менее я не убивал Ханса Ларсена.

— Мы считаем, что это было заказное убийство.

— Но я и не делал ничего, чтобы его убили.

— Позвольте мне прямо рассказать, с какой проблемой я здесь столкнулась, — продолжала Сандра. — Как я уже говорила, мы расследуем заказное убийство. Честно говоря, такие вещи

стоят кучу денег, особенно если совершено... хм, если сделана кое-какая дополнительная работа, как в данном случае. Вы и Кэти гораздо богаче, чем большинство ее сослуживцев; если кто-то и мог позволить себе подобные расходы, то только вы или она.

— Но мы этого не делали, — возмутился Питер. — Послушайте, я готов пройти проверку на детекторе лжи.

Сандра мило улыбнулась:

— Как любезно с вашей стороны самому это предложить. У меня есть с собой портативное оборудование.

Питер почувствовал, как у него напряглись мышцы живота.

— В самом деле?

— О да. Это «Варискан-плюс» — его, кажется, выпускает ваша компания?

Он прищурился.

— Да.

— Так что я не сомневаюсь, что вы вполне доверяете его возможностям. Вы действительно хотите пройти этот тест?

Он заколебался.

— В присутствии моего адвоката, разумеется.

— Вашего адвоката? — удивилась Сандра. — Вас

же ни в чем не обвиняют.

Питер подумал.

— Ладно, — сказал он. — Если это положит конец всем домыслам, я согласен пройти проверку здесь и сейчас. Но без адвоката вы можете задать мне только три вопроса: убивал ли я Ханса Ларсена? Убивал ли я Рода Черчилла? Подстроил ли я их убийства?

— Мне придется задать больше вопросов — вы же знаете, этого требует калибровка прибора.

— Ладно, — согласился Питер. — Наверно, у вас есть список калибровочных вопросов. Я согласен на проверку при условии, что вы не будете отклоняться от этого списка.

— Очень хорошо. — Сандра открыла чемоданчик, в котором оказался полиграф со всеми необходимыми датчиками.

Питер озадаченно уставился на прибор.

— Разве им может пользоваться и неспециалист?

— Вам бы не мешало читать руководства к вашим собственным изделиям. Здесь внутри чип с экспертной системой ИИ. Таким образом, с этими устройствами теперь может работать кто угодно.

Питер с досады что-то проворчал себе под нос. Сандра закрепила маленькие датчики на

предплечье и запястье Питера. Из чемоданчика выскочил плоский экран, и Сандра повернула его так, чтобы он был виден только ей. Она дотронулась до нескольких кнопок управления и затем начала задавать вопросы.

— Как вас зовут?

— Питер Хобсон.

— Сколько вам лет?

— Сорок два.

— Где вы родились?

— В Северном Бэттелфорде, провинция Саскачеван.

— Теперь солгите мне. Снова скажите, где вы родились.

— В Шотландии.

— Скажите правду: как зовут вашу жену?

— Катрин.

— Теперь солгите: как девичья фамилия вашей жены?

— А-а... Т'Принг.

— Вы убивали Ханса Ларсена?

Питер пристально смотрел на Сандру.

— Нет.

— Вы убивали Рода Черчилла?

— Нет.

— Вы подстраивали убийство кого-либо из

них?

— Нет.

— Вы подозреваете кого-либо в этих убийствах?

Питер протестующе поднял руку:

— Мы же договорились, что будут только три вопроса, инспектор.

— Прошу прощения. Но вы же не откажетесь ответить еще на один? — Она улыбнулась. — Мне так же нравится вас подозревать, как вам быть подозреваемым. Приятнее было бы вычеркнуть вас из моего списка.

Проклятие, подумал Питер.

— Ладно, — с трудом выдавил он. — Я не знаю ни одного человека, который мог бы их убить.

Сандра оторвала взгляд от экрана.

— Извините, должно быть, я расстроила вас, когда нарушила наш уговор. Просто, когда вы сказали «человека», тут появилась некая очень странная активность. Вы не будете столь любезны потерпеть меня еще секунду и повторить ваш последний ответ?

Питер сорвал датчик с предплечья и швырнул его на письменный стол.

— Я и так уже стерпел больше того, о чем мы условились, — буркнул он раздраженно. Питер

знал, что этим лишь усложняет свое положение, и старался подавить готовую захлестнуть его панику. Уже спокойнее снял датчик со своего запястья. — Я сыт по горло вашими вопросами.

— Сожалею. — Сандра казалась огорченной. — Простите меня.

Питер постарался взять себя в руки.

— Ничего, — примирительно сказал он, — все в порядке. Надеюсь, вы получили то, что хотели.

— О да. — Сандра захлопнула свой чемоданчик. — Как раз то, что хотела.

Потребовалось не так уж много времени, чтобы искусственные живые существа, созданные Духом, сумели стать многоклеточными: цепочками из отдельных единиц, соединенных вместе в ряд. Затем эти существа случайно натолкнулись на возможность образовывать двойные цепочки: вдвое больше клеток, но каждая из них, по крайней мере с одной стороны, по-прежнему омывалась питательным бульоном смоделированного Духом океана. Чуть позже длинные цепочки начали складываться вдвое поверх самих себя, образуя U-образные формы. И вот эти U-формы в какой-то момент сплошным слоем покрыли дно и начали образовывать мешки. Затем наконец огромный шаг вперед: верх и низ мешка

открылись — получился цилиндр, состоящий из двойного слоя клеток и открытый с обоих концов: основная схема строения всех животных организмов на Земле, с ротовым отверстием спереди и выделительным отверстием сзади.

Поколения рождались. Поколения умирали.

А Дух продолжал отбор.

ГЛАВА 40

Это потребовало некоторых усилий, но четвертого декабря Сандра Фило получила ордер на слежку, который она запросила, ордер, позволяющий ей поместить радиомаячок в задний бампер автомобиля Питера Хобсона. Судья разрешил ей осуществлять слежку в течение десяти дней. В маячке-транспондере был чип-таймер: передатчик действовал ровно столько времени, сколько разрешил судья, и ни секундой дольше.

Питер часто ездил в офис своей фирмы, а также много раз посещал несколько ресторанов, включая заведение Сонни Готлиба, которое весьма нравилось и самой Сандре; Центральный госпиталь Северного Йорка (он был там членом совета директоров); ездил и во многие другие места. Но был один адрес, снова и снова появлявшийся в отчетах: здание номер 88 на Конни-крисчент, в Конкорде. В этом здании располагались четыре разные промышленные фирмы. Она сверила этот адрес с записями телефонных разговоров Питера, полученными в соответствии с тем же ордером. Он неоднократно звонил по номеру

телефона, зарегистрированному за компанией «Зеркальное отражение», здание номер 88 на Конни-крисчент.

Сандра связалась с ИнфоГлоб и получила целые экраны данных об этой компании: «Зеркальное отражение Лимитед» основана в 2001 году вундеркиндом Саркаром Мухаммедом — фирма, специализирующаяся на экспертных системах и приложениях искусственного интеллекта. Крупные контракты с правительством провинции Онтарио и с несколькими из ста самых влиятельных корпораций в списке газеты «Файнэншл пост».

Сандра снова подумала о той проверке на детекторе *лжи*, которую прошел Питер Хобсон. «Я не знаю ни одного человека, который мог бы убить его», — сказал он тогда, и его давление и пульс среагировали на слово «человека».

И вот теперь он проводит время в лаборатории искусственного интеллекта.

Это, наверно, слишком дикая, безумная мысль. И все же Хобсон сам не совершал этих убийств. Детектор *лжи* это показал. Появление дел подобного рода уже давно предсказывали правоохранительные журналы.

Неужели наконец это случилось? Случилось

здесь.

Сандра откинулась на спинку кресла, стараясь переварить всю полученную информацию.

Конечно, этого недостаточно, чтобы получить ордер на арест.

Нет, не ордер на арест, нет. Но, может быть, ордер на обыск...

Она сохранила свои поисковые файлы, вышла из системы, встала и направилась к выходу.

Чтобы им всем туда добраться, потребовалось пять автомашин: две патрульные машины с парой полицейских в форме в каждой из них; дежурная полицейская машина Йоркской полиции с офицером-связистом этого подразделения, поскольку рейд осуществлялся на их территории; машина Сандры Фило без опознавательной раскраски, в которой сидели она и Йоргенсон, начальник отдела борьбы с компьютерными преступлениями; и, наконец, синий фургон этого отдела, в котором приехали пять аналитиков со своим оборудованием.

Машины подъехали к зданию номер 88 на Конни-крисчент в 10:17 утра. Сандра и четверо офицеров в форме прошли прямо внутрь; Йоргенсон подошел к фургону со своими людьми, чтобы посовещаться с ними.

Дежурный на входе в «Зеркальное отражение» — пожилой азиат — совершенно растерялся, когда появились Сандра и четверо полицейских.

— Что вам угодно? — дрожащим голосом спросил он.

— Пожалуйста, отодвиньтесь от вашего терминала, — велела Сандра. — У нас имеется ордер на обыск этих помещений. — Она протянула ему бумагу.

— Думается, мне лучше позвонить доктору Мухаммеду, — проблеял дежурный.

— Ну так давайте быстрее, — распорядилась Сандра. Она щелкнула пальцами, показав, что один из полицейских в форме должен оставаться здесь и не позволять дежурному прикасаться к его терминалу, а сама с остальными тремя направилась вперед по коридору.

Худощавый темнокожий мужчина появился в дальнем конце коридора.

— Чем могу вам помочь? — озабоченно спросил он.

— Вы Саркар Мухаммед? — в свою очередь спросила Сандра, шагнув ему навстречу.

— Да.

— Я детектив-инспектор Фило из торонтской городской полиции. — Она протянула ему ор-

дер. — У нас есть причины предполагать, что связанные с компьютерами преступления были совершены из вашей фирмы. Этот ордер позволяет нам обыскать не только ваши офисы, но и ваши компьютерные системы.

В ту же секунду дверь в приемную распахнулась, и туда вошел Йоргенсон со своими аналитиками.

— Проконтролируйте, чтобы никто из сотрудников не касался компьютерного оборудования, — приказал Йоргенсон старшему офицеру в полицейской форме. Полицейские начали рассредоточиваться по зданию. Одна из стен коридора в основном была стеклянной, и за ней хорошо просматривался обширный компьютерный комплекс. Йоргенсон показал пальцем на двух из своих аналитиков. — Дэвис, Като, ступайте туда. — Те подошли к двери, но она была закрыта на дактилоскопический замок.

— Доктор Мухаммед, — Сандра почти вплотную подошла к Саркару, — наш ордер дает право взламывать любые замки по нашему усмотрению. Если вы предпочитаете сохранить замок, пожалуйста, отоприте эту дверь.

— Послушайте, — попытался возразить Саркар, — мы не делали тут ничего противозаконного.

— Откройте, пожалуйста, дверь, — твердо сказала Сандра.

— Я должен проверить этот ордер в присутствии моего адвоката.

— Хорошо. — Сандра повернулась к одному из полицейских. — Джонс, вышиби замок.

— Нет! — воскликнул Саркар. — Ладно, ладно. — Он подошел к косяку и приложил большой палец к синей пластинке сканера. Засов щелкнул, и дверь отъехала в сторону. Дэвис и Като вошли, первый сразу же направился к главной консоли, второй начал составлять список ленточных и оптических запоминающих устройств.

Йоргенсон обратился к Саркару:

— У вас тут есть лаборатория ИИ. Где она?

— Мы не делали ничего противозаконного, — не унимался Саркар.

Один из полицейских появился в дальнем конце коридора.

— Это здесь, Карл!

Йоргенсон, сопровождаемый оставшимися аналитиками, не спеша двинулся вперед по коридору. Сандра пошла за ними, проверяя по пути обозначения на дверях.

Дежурный-азиат показался в противоположном конце коридора. Вид у него был совершенно

обескураженный. Саркар крикнул ему:

— Позвони Кейяви, моему адвокату, расскажи, что тут происходит. — Затем он поспешил вдогонку за Йоргенсоном.

Вызов дежурного застал Саркара в лаборатории ИИ. Он оставил дверь открытой, а когда вернулся, Йоргенсон, склонившись над главной консолью, отсоединял клавиатуру. Затем один из помощников передал ему другую клавиатуру с блестящим черным корпусом и сверкающими серебряными клавишами. Диагностическое устройство: любой нажим на клавишу, каждый ответ компьютера, всякий промежуток времени, потраченный на обращение к дискам, будут записаны.

— Эй! — крикнул Саркар. — Осторожно, эти системы требуют бережного обращения.

Йоргенсон не обратил на него никакого внимания. Он сел на табурет и достал из своего чемоданчика виниловую папку. Там был набор дискет, компакт-дисков и магнитных карточек. Он выбрал карточку, подходящую для читающего устройства компьютера, вставил ее и нажал несколько кнопок на своей клавиатуре.

Экран монитора сначала очистился, а потом заполнился диагностическими данными об этой системе.

— Самый мощный из серийных, — с уважением заметил Йоргенсон. Очевидно, увиденное произвело на него довольно сильное впечатление. — Все 512 гигабайт оперативной памяти, пять запараллеленных математических процессоров, самоадресуемая архитектура шин. — Он нажал на длинную клавишу пробела; на мониторе высветился новый экран информации. — И к тому же проведена последняя аппаратная модернизация. Лихо.

Он активировал свою программу и начал пролистывать директории по подсказкам системы.

— Что вы ищете? — спросил Саркар.

— Все, — ответила Сандра, входя в лабораторию. — Все, что тут есть. — Затем Йоргенсону: — Есть проблемы?

— Пока что нет. Он уже находился в системе, так что нам не пришлось взламывать файл паролей.

Саркар обошел эту группу и направился к консоли на противоположном конце лаборатории — к той, из которой торчал микрофон.

— Вход, — тихо сказал Саркар и затем, не дожидаясь вопроса компьютера: — Имя пользователя Саркар.

— Привет, Саркар, — ответил компьютер. — Прервать твой другой сеанс?

И тут он почувствовал толчок в спину. Это Сандра Фило, тихонько подойдя к нему сзади, нашла применение своему станнеру.

— Не делайте этого, — просто сказала она и, протянув руку к консоли, щелкнула тумблером, рядом с которым было написано «Голосовой ввод».

В этот момент в дверях лаборатории показался Кавальски, офицер связи из Йорка.

— У них тут наверху есть парикмахерское кресло, — сообщил он, обращаясь сразу ко всей группе полицейских, затем, взглянув на Саркара, спросил: — Вы тут что, стрижете кого-нибудь?

Саркар отрицательно покачал головой:

— На самом деле это зубоврачебное кресло.

Йоргенсон бросил, не оборачиваясь:

— Несомненно, комната сканирования. — Затем он обратился к Саркару: — Я получил большое удовольствие от вашей статьи, опубликованной в прошлом месяце в «Журнале исследований ИИ». Мне бы хотелось потом обыскать и эту комнату. — Он снова начал набирать команды на своей черной с серебром клавиатуре.

Саркар не мог скрыть досаду.

— Вы хотя бы сказали, что вы ищете...

— Вот черт, — буркнул Йоргенсон. — Тут есть

несколько зашифрованных банков памяти.

Сандра взглянула на Саркара:

— Каким ключом они расшифровываются?

Саркар, очевидно, решив, что он наконец хоть в какой-то степени контролирует ситуацию, резко ответил:

— Я не думаю, что обязан вам это сообщать.

Йоргенсон слез с табурета. Не говоря ни слова, второй аналитик, женщина средних лет, села на освободившееся место и начала набирать команды.

— Как хотите, — сказал Йоргенсон, пожав плечами. — Валентина работала в КГБ, когда эта организация еще существовала. Она может взломать практически любую систему.

Валентина вставила новую магнитокарту в соответствующую щель и принялась яростно нажимать на клавиши двумя пальцами. Спустя несколько минут она с явным разочарованием повернулась к Саркару. Саркар заметно просиял — возможно, она была отнюдь не столь уж блестящей хакершей, какой ее представил Йоргенсон. Но затем у Саркара екнуло сердце. Разочарование, отразившееся у нее на лице, означало лишь то, что она ожидала найти в нем более достойного противника.

— Алгоритм Хансакера? — произнесла она с сильным акцентом и неодобрительно покачала головой. — Вы могли бы придумать что-нибудь пооригинальнее. — Валентина нажала еще несколько клавиш, и на экране, до этого заполненном совершенной абракадаброй, появились строчки английского текста.

Она встала, и Йоргенсон снова вернулся к своей работе. Он очистил экран и заменил магнитокарту Валентины своей собственной.

— Начнем поиск, — объявил он. На экране появился список в несколько колонок, содержащий около двухсот перечисленных в алфавитном порядке ключевых слов.

— Сюда подключен по сети крупный банк памяти, — пояснил Йоргенсон, — причем с использованием нескольких схем сжатия данных. Потребуется какое-то время, чтобы все это просмотреть. — Он встал. — Пойду взгляну, что там в этой комнате сканирования.

Сегодня вечером Питеру нужно было присутствовать на собрании совета директоров в Центральном госпитале Северного Йорка, и, чтобы не тратить утро на телефонные разговоры в офисе, он решил поработать в своем домашнем кабинете. Но ему никак не удавалось сосредото-

читься. Саркар обещал закончить писать вирус уже сегодня, но Питеру все равно хотелось что-то сделать самому. Около десяти тридцати он вошел в систему «Зеркального отражения», надеясь разобраться, каким образом двойники сумели ускользнуть в сеть.

Набрав номер, он запустил команду КТО, чтобы посмотреть, не вошел ли в систему и Саркар — Питер решил послать ему привет электронной почтой. Саркар и в самом деле работал с системой. Затем Питер набрал команду ЧТО, он хотел посмотреть, чем Саркар сейчас занят: если это был какой-нибудь фоновый процесс, тот скорее всего не сидел за терминалом, так что посылать электронную почту было бы бессмысленно. Команда ЧТО сообщила ему следующее:

Узел Пользователь Начало сеанса Задача
002 Саркар 08:14:22 поиск текста

Что же, поиск текста мог быть и фоновым, и главным процессом. У Питера были высокие привилегии супервайзора по отношению к системам Саркара. Он вызвал отображение задачи, выполняемой в узле 002, на свой собственный монитор. Экран заполнился списком поисковых терминов и постоянно обновляемой итоговой сводкой найденных вхождений поискового тек-

ста. Некоторые термины, такие, как «Торонто», были обнаружены уже сотни раз, но другие...

Боже, подумал Питер. Вы только взгляните...

Саркар искал «Хобсон», и «Пите*», и «Кэт*», и...

Питер напечатал послание электронной почтой: «Любопытство одолело, да?» Он уже было хотел отправить его, когда обратил внимание на параметры поиска в статус-строке: «Искать во всех системах; внутри каждой системы искать во всех онлайновых и офлайновых банках памяти и во всех блоках оперативной памяти».

Подобный поиск мог продолжаться часами. Саркар никогда бы не стал приказывать ничего подобного — он был слишком аккуратный человек, чтобы не знать, как сузить область поиска.

Питер взглянул на другие поисковые термины.

О черт.

«Ларсен», «Ханс», «измена», «связь».

Проклятие. Саркар ни в коем случае не мог проводить такой поиск. Внутри системы был кто-то другой.

Узел 002 означал лабораторию искусственного интеллекта «Зеркального отражения». Питер развернулся вместе с креслом, чтобы оказаться лицом к телефону, и нажал на кнопку автоматического набора номера этой лаборатории.

В лаборатории ИИ зазвонил телефон.

— Могу я взять трубку? — спросил Саркар.

Сандра кивнула. Она внимательно смотрела на экран терминала. Множество вхождений обычных слов — так, слово «связь» встречалось уже свыше четырехсот раз, — но пока ни разу не встретились упоминания Хобсона или Ларсена.

Саркар пересек всю комнату, подошел к видеофону и нажал кнопку ОТВЕТ.

Заставка телефонной компании «Белл Кэнада» ушла в сторону. Питер увидел озабоченное лицо Саркара.

— Что... — начал Питер, но это было все, что он успел сказать. За спиной Саркара, поверх его плеча, мелькнул профиль Сандры Фило. Питер немедленно прервал связь.

Фило была там, в «Зеркальном отражении».

Полицейский рейд. Проклятый полицейский рейд.

Питер посмотрел на экран своего терминала, все еще подключенного к узлу 002. Вхождения слова «Хобсон» пока не найдены.

Он секунду подумал, затем стал нажимать на клавиши. Питер начал второй сеанс связи, зайдя в систему под именем пользователя и паролем, который он раньше слышал от Саркара. Затем

он зашел в поддиректорию диагностических программ и вызвал список ее файлов. Там были сотни программ, в том числе одна, называемая ТЕКСТЗАМ. Похоже, это то, что нужно. Он вызвал подсказку к этой программе.

Прекрасно. В точности то, что требуется. Синтаксис: искомый текст, текст замены, параметры поиска.

Питер набрал «ТЕКСТЗАМ / Хобсон / Родденберри / ИИ7-ИИ10». Это означало «заменить все вхождения слова "Хобсон" на "Родденберри" в системах искусственного интеллекта с седьмой по десятую».

Программа начала работать. Это был гораздо более узкий поиск — только одно слово — и куда меньшая область поиска — только четыре компьютера вместо сотни с лишним, которые сейчас обыскивала Сандра Фило. Если повезет, эта программа успеет сделать все замены, прежде чем станет слишком поздно...

Консоль пискнула, давая знать, что задание выполнено. Йоргенсон вернулся, не найдя в комнате сканирования ничего интересного. Он посмотрел на экран, затем на Сандру. Тринадцать раз в памяти компьютеров «Зеркального отражения» встречалось слово «Хобсон». Сандра ткнула

пальцем в итоговый список.

— Покажите их в контексте, — сказала она.

Два вхождения этого слова в словарной статье «Хобсонов выбор» файла энциклопедического словаря.

Файл имен пользователей, идентифицирующий имя «фобсон» как принадлежащее Питеру Дж. Хобсону.

Компьютерный телефонный справочник с домашним и служебным адресами Питера Хобсона.

И еще девять вхождений, в основном в текстах копирайтов, устанавливающих авторские права «Хобсон мониторинг Лимитед» на разные программы сканирования.

— Ничего, — подвел итог Йоргенсон.

— У него есть допуск к вашим системам? — спросила Сандра, оборачиваясь к Саркару.

— У кого? — отозвался тот.

— У Питера Хобсона.

— Ну конечно. Мы пользуемся некоторыми программами, разработанными его компанией.

— И больше ничего?

— Ну, к тому же еще он мой друг. Вот почему в моем телефонном справочнике есть его домашний адрес. — У Саркара был совершенно

невинный вид. — А что вы ожидали найти?

ГЛАВА 41

Кэти Хобсон устала как собака. Она провела в конторе долгий рабочий день, трудясь над отчетом по заказу, выполненному для фирмы «Туризм Онтарио». По пути домой она заехала в супермаркет, но стоявший перед ней идиот, видимо, решил сбагрить кассиру всю свою мелочь. Некоторых людей, подумала она, разозлившись, нужно в приказном порядке заставлять пользоваться кредитными карточками.

Добравшись наконец до дома, она прижала большой палец к датчику замка и так навалилась на него, словно только это и позволяло ей удержаться на ногах. Зеленый индикатор над датчиком мигнул, засов отошел, и тяжелая дверь плавно скользнула в сторону. Она вошла. Дверь закрылась за ней, и замок снова защелкнулся.

— Свет, — скомандовала она.

Свет не зажегся. Она прочистила горло и попробовала снова:

— Свет.

По-прежнему темнота. Она вздохнула, поставила на пол сумки с покупками и стала впотьмах

шарить по стене в поисках ручного выключателя. Щелчок, опять безрезультатно.

Кэти прошла в гостиную. Индикаторы видеомагнитофона светились, так что это, похоже, не авария в электросети; наверно, в прихожей просто перегорела лампочка. Она еще раз сказала «свет», но три керамические настольные лампы — Кэти их сделала сама — так и не зажглись.

Кэти покачала головой. Питер то и дело что-то там менял в схемах управления домашними электроприборами, и всякий раз требовалось какое-то время, чтобы все опять исправно работало.

Она опустилась на диван, вытянув перед собой ноющие ноги. До чего же длинный был день! Она прикрыла глаза, наслаждаясь темнотой. Затем, вспомнив о купленных продуктах, заставила себя встать и пойти в прихожую. Кэти снова попробовала щелкнуть выключателем и сказать «свет». Опять никакого эффекта. Она уже собралась было нагнуться за своими сумками, когда заметила телефон на маленьком столике в холле. Рядом с его клавиатурой светился широкий красный прямоугольник. Она подошла поближе. На видеодисплее горела надпись «Линия занята».

А Питера не будет дома еще несколько часов, у него сегодня собрание совета директоров в госпи-

тале Северного Йорка.

Если только...

— Питер! — Ее крик слабым эхом отразился от стен коридора. — Питер, ты дома?

Ответа не последовало. Она сняла трубку и услышала высокие, свистящие попискивания. Модем.

Она снова посмотрела на дисплей. «Абонент неизвестен» — сообщал тот; позвонивший пользователь модема затребовал подавить определение номера вызывавшего.

Боже правый, подумала она. Двойник.

Она с силой хлопнула трубкой по аппарату, затем снова сняла ее и стала часто нажимать на рычаг, надеясь с помощью шума прервать соединение.

Ничего не вышло. У Питера, разумеется, был самый лучший шумоподавляющий модем, да и двойник явно пользовался аппаратурой столь же высокого класса.

Она быстро метнулась к входной двери и нажала на кнопку ОТКРЫТЬ рядом с ней. Ничего не произошло. Схватилась за рычаг ручного управления. Дверь не поддавалась. Нажала на аварийную кнопку «В случае пожара». Дверь по-прежнему была заблокирована. Тогда она

открыла скользящую дверцу чулана в прихожей — на той, к счастью, не было никакого запорного механизма — и посмотрела на щиток управления входной дверью. Словно алая капля крови, светился огонек индикатора рядом с фразой «пресечение попытки взлома». Двери должны были мгновенно открыться в случае пожара, но детекторы дыма показывали, что пожара нет, а какой-то другой датчик извещал, что кто-то пытается взломать входную дверь снаружи. Кэти вышла из чулана и посмотрела в глазок на входной двери. Там никого не было. Как она, впрочем, и ожидала, Кэти изо всех сил пыталась сохранить спокойствие. В доме были и другие двери, но, как показывал главный щиток управления, все они тоже находились в режиме пресечения попытки взлома. Она могла попытаться вылезти в окно, но все окна тоже были заблокированы, и, уж конечно, стекла в них были самыми прочными, какие только можно купить за деньги.

Мысль, которую она долго отгоняла от себя, наконец пробилась на поверхность ее сознания.

Попалась.

Попалась в ловушку в собственном доме.

Она подумала было попробовать активировать детекторы дыма, но ни она, ни Питер не курили,

так что в доме не было никаких зажигалок. А Питер к тому же терпеть не мог запаха спичек или свечей, так что ничего этого тоже не было. И все же можно поджечь какую-нибудь бумагу на кухонной плите. Это заставит сработать пожарную сигнализацию и откроет двери.

Она поспешила на кухню, стараясь не споткнуться в темноте. Но едва войдя, она сразу же поняла, что ничего не получится. Цифровые часы и на микроволновой, и на обычной плите не работали. Кухня была обесточена. В розетку на стене был воткнут аккумуляторный фонарик. Она вытащила его из гнезда. Фонарик обычно включался автоматически при исчезновении напряжения, но на этот раз его лампочка не горела. Кэти поняла, что кухня отключена от сети уже давно, возможно, даже несколько часов, так что фонарик успел разрядиться. Но... этот шум. Холодильник все еще работал. Когда она открыла дверцу, внутри зажегся свет, и она почувствовала на своем лице дуновение холодного воздуха.

Двойник точно знал, что он делает: видеомагнитофон и холодильник были включены, но плита и розетка, подзаряжающая ручной фонарик, обесточены. Как во многих компьютеризованных домах, каждая электророзетка могла

отключаться независимо от других домашним компьютером.

Кэти прошла в столовую и, чтобы удержаться на ногах, схватилась за спинку стула. Она старалась сохранить спокойствие — спокойствие, черт возьми! Мелькнула мысль: не взять ли кухонный нож, но для чего? — ведь в доме, кроме нее, никого не было. Шкаф с системами управления домашними приборами находился в подвале, и телефонные провода входили в дом именно там — линии энергоснабжения и связи в последние годы в обязательном порядке убирались под землю из-за опасений, что неэкранированные воздушные линии вызывают раковые заболевания.

Кэти осторожно, дюйм за дюймом, приближалась к верхним ступенькам лестницы, ведущей в подвал. Она открыла дверь. Внизу стоял непроницаемый мрак: к пятой годовщине своей свадьбы Питер и Кэти сделали себе подарок, купив систему домашнего театра, так что на подвальных окнах обычные шторы были заменены на автоматически опускающиеся шторы из черной майларовой пленки, и сейчас эти шторы были спущены. Кэти знала план дома достаточно хорошо, чтобы найти ввод телефонной линии даже вслепую. Но едва

она вступила на верхнюю ступеньку лестницы...

У нее над головой включились разбрызгиватели дождевальной противопожарной системы. Никакого сигнала тревоги — ничего, что могло бы привлечь внимание соседей или пожарных. Но холодная вода ливнем обрушилась на нее с потолка. Кэти охнула и побежала обратно в гостиную. Форсунки выключились у нее за спиной и включились в гостиной. Она побежала к лестнице, ведущей наверх, в спальни. Форсунки выключились в гостиной и включились на лестнице.

Кэти поняла, что холодный душ преследует ее — двойник, должно быть, подключился к датчикам движения в помещении, являющимся частью охранной сигнализации. Сквозь туман водяных брызг она разглядела, что индикаторы на видеомагнитофоне больше не светятся — наверно, двойник отключил эту розетку, чтобы не вызвать пожара вследствие короткого замыкания.

Промокшая и предельно уставшая, не видя способа убежать от преследования, Кэти решила отсидеться в ванной комнате. Если уж невозможно укрыться от форсунок, то тогда лучше находиться там, где они нанесут наименьший ущерб. Она залезла в ванну, сорвала занавеску

душа и, как тентом, прикрылась ею от холодной воды.

Спустя три часа Питер пришел домой. Входная дверь нормально впустила его. Он обнаружил, что ковер в гостиной весь мокрый, и, услышав наверху звук льющейся воды, поспешил в ванную комнату и открыл дверь. Форсунки сразу же отключились.

Кэти отбросила занавеску душа и встала в ванне во весь рост. При этом с нее ручьем хлынула вода. Ее голос дрожал от бешенства.

— Ни я, ни какая-либо версия меня никогда бы не сотворила с тобой ничего подобного. — Она полоснула его гневным взглядом. — Теперь мы квиты.

Кэти, что, собственно говоря, было вполне разумно, отказалась оставаться в доме, и Питер отвез ее к сестре. Она все еще сердилась, но стала понемногу успокаиваться и даже позволила обнять себя на прощание. Оттуда Питер поехал прямо в свой офис и подключился к сети. Он послал в сеть следующее сообщение:

Дата: 15 декабря 2011, 23:11
От: Питера Дж. Хобсона
Кому: моим братьям
Тема: предложение о совещании

Мне необходимо поговорить со всеми вами немедленно. Пожалуйста, ответьте.

Долго дожидаться ответа ему не пришлось.

— Я здесь, — сказал один из его призрачных двойников.

— Привет, Пит, — отозвался другой.

— Ну что тут еще? — спросил третий.

Они все разговаривали через один и тот же чип-синтезатор голоса; трудно было определить, который из двойников сейчас говорит, разве что он сам себя назовет. И даже зная, какие узлы сети они использовали, он все равно не смог бы понять, кто есть кто. Да, впрочем, это было не важно.

— Я знаю, что происходит, — обратился Питер к невидимым собеседникам. — Я знаю, что один из вас от моего имени убивает людей. Но сегодня вечером кто-то запугивал Кэти. Предупреждаю, я этого не потерплю. Не смейте трогать Кэти. Ни сейчас, ни когда-либо еще. Понятно?

Молчание.

— Понятно?

По-прежнему никакого ответа. Питер раздраженно вздохнул:

— Послушайте, я знаю, что мы с Саркаром не можем убрать вас из сети, но, если что-нибудь

подобное повторится, мы объявим публично о вашем существовании. Пресса встанет на уши, когда выяснится, что программа ИИ, убивающая людей, гуляет по сети. И можете не сомневаться: чтобы избавиться от вас, наверняка пойдут на обесточивание и перезагрузку всей сети.

Голос из динамика:

— Я уверен, что ты ошибаешься, Питер. Никто из нас не стал бы совершать убийства. Но если ты обратишься к общественности, люди тебе поверят — в конце концов, ты теперь тот самый знаменитый Питер Хобсон. А это значит, что винить в этих смертях станут именно тебя.

— Мне сейчас на это наплевать, — заявил Питер. — Я сделаю все, чтобы защитить Кэти, даже если для этого мне самому придется сесть в тюрьму.

— Но Кэти причинила тебе боль, — раздался синтезированный голос. — Она ранила тебя больнее, чем кто-либо на свете.

— Ранить меня, — сказал Питер, отчетливо выговаривая слова, — это не такое уж тяжкое преступление. Я не шучу: только попробуйте вновь ей угрожать, хоть как-то ей навредить, и я прослежу, чтобы вы все были уничтожены. Я обязательно найду способ, как этого добиться.

— Мы могли бы, — очень медленно произнес

электронный голос, — избавиться от тебя, и тогда у нас не будет проблем.

— Это в некотором смысле было бы самоубийством, — сказал Питер. — Или братоубийством. В любом случае я такого не совершил бы никогда, а это значит, что вы тоже никогда не стали бы этого делать.

— Ты не стал бы убивать сослуживца Кэти, — возразил голос из динамика, — однако ты веришь, что один из нас на это способен.

Питер откинулся на спинку стула.

— Нет, не стал бы, но... но мне этого хотелось. Стыдно признаться, но я желал его смерти. Но я не убил бы себя — и даже не стал бы думать о том, чтобы убить себя, — и поэтому я знаю, что никто из вас тоже не стал бы думать об этом всерьез.

— Но ведь ты собираешься нас убить, — сказал голос.

— Это другое дело, — ответил Питер. — Я являюсь исходным оригиналом. Вы это тоже хорошо знаете. И в глубине души я не верю, будто компьютерная модель столь же живая, как человек из плоти и крови. А поскольку я в этом уверен, то вы тоже в это верите.

— Возможно, — согласился голос.

— А теперь вы пытаетесь убить Кэти, — про-

должал Питер. — В любом случае это должно прекратиться. Не смейте угрожать Кэти. Оставьте ее в покое раз и навсегда.

— Но она причинила тебе боль, — повторил синтезатор.

— Да, — раздраженно подтвердил Питер. — Она действительно причинила мне боль. Но если бы я ее потерял — это принесло бы мне гораздо больше страданий. Умри она, я был бы совершенно раздавлен.

— Почему? — спросил голос.

— Потому что я люблю ее, черт возьми. Я люблю ее больше жизни. Я люблю ее каждой клеточкой своего существа.

— В самом деле? — спросил голос.

Питер замолчал, переводя дух. Он задумался. Только ли гнев заставил его произнести эти слова? Мало ли что говорится в сердцах. Или это была правда — истинная правда?

— Да, — тихо сказал он, поняв наконец самого себя, — да, я действительно люблю ее очень сильно. Я люблю ее сильнее, чем могу выразить словами.

— Тебе давно уже пора было признать это, дружок, тогда бы тебя не пришлось к этому подталкивать. Отправляйся и забери Кэти —

несомненно, ты отвез ее к сестре; я бы на твоем месте так и сделал. Поезжай и привези ее домой. С ней больше ничего не случится.

ГЛАВА 42

На следующий день Питер, убедившись, что Кэти благополучно добралась до работы, вернулся домой. Он отсоединил электронную систему, запирающую двери, и вызвал слесаря, чтобы тот установил старомодные механические замки, которые отпираются ключом. Пока слесарь работал, Питер сидел в домашнем кабинете и смотрел в пространство, пытаясь осмыслить происходящее.

Он думал о Роде Черчилле.

Неэмоциональный. Скрытный.

Но он принимал фенелзин — антидепрессант.

Значит, ему был поставлен диагноз — клиническая депрессия. Но в течение двадцати лет, которые Питер был знаком с Родом Черчиллом, он не замечал никаких перемен в его поведении. Это, возможно, означало, что... все это время тот находился в состоянии депрессии. Возможно, он заболел уже тогда, когда Кэти была еще совсем маленькой девочкой, отчего и был таким плохим отцом.

Питер покачал головой. Род Черчилл — не

ублюдок, не тупица. Просто больной человек — жертва химического дисбаланса.

Конечно, это в какой-то степени смягчает его вину перед детьми, не позволяет судить его слишком строго.

Черт возьми, подумал Питер, все мы, оказывается, просто-напросто химические машины. Сам Питер не мог нормально работать, не выпив свой утренний кофе. Без сомнения, накануне своих месячных Кэти становилась более раздражительной. А Ханс Ларсен позволял гормонам управлять всей своей жизнью.

Какой же Питер — настоящий? Тот ленивый, раздражительный тип, который утром едва может заставить себя выбраться из кровати? Или тот собранный, целеустремленный человек, приезжающий в офис, после того как под влиянием наркотика кофеин совершается волшебное превращение? Какая Кэти — подлинная? Веселая, яркая, привлекательная женщина, какой она бывает большую часть времени, или капризная, сварливая особа, в которую она превращается на несколько дней каждый месяц? А каким был настоящий Ларсен? Тот пьяный, сдвинутый на сексе остолоп, каким видел его Питер в пабе, или парень, который, похоже, хорошо справлялся со

своей работой и был любим большинством своих сослуживцев? Кем бы он стал, вдруг пришла ему в голову шальная мысль, если бы его кастрировали? Возможно, совершенно другим человеком.

Что станет с личностью, если удалить стимуляторы и депрессанты, ингибиторы и растормаживатели, тестостерон и эстроген? А что можно сказать о детях, которые при рождении перенесли асфиксию? А о людях с синдромом Дауна — совершенно изуродованных наличием лишней двадцать первой хромосомы? Что можно сказать о тех, кто страдает аутизмом? Безумием? Маниакально-депрессивным психозом? О шизофрениках? О больных с расщеплением личности? С органическими повреждениями мозга? С болезнью Альцгеймера? Несомненно, они в этом не виноваты и это не отражает их подлинную сущность — их души.

А как насчет тех близнецовых исследований, о которых упомянул контрольный двойник? Природа, а не воспитание, руководит нашим поведением. Когда мы не пляшем под биохимическую дудку, мы маршируем под генетический барабан.

И все же Род Черчилл лечился от своей депрессии.

Если бы он и в самом деле был убит, как предполагает инспектор Фило, то двойник должен был знать о его болезни, ведь в базе данных о лекарствах он наверняка нашел сведения о том, что Род принимает фенелзин. Неужели двойник не смог понять, что такое заболевание могло продолжаться годы и годы? Неужели этих свидетельств оказалось недостаточно, чтобы отменить любой смертный приговор, который мог вынести двойник?

Нет, это невозможно — никакая версия его самого не могла бы убить Рода Черчилла, зная о его химической проблеме. Пожалеть его, да, но уж точно не убивать. Фактически это ставит под сомнение все предположения Сандры Фило. В конце концов, двойники не признались ни в одном из убийств, и все улики Фило, указывающие на Питера, а через него на двойников, были лишь косвенными.

Питер облегченно вздохнул. Он бы не стал убивать Рода Черчилла. Род просто сделал какую-то глупость, не послушавшись советов своего врача. А Ханс Ларсен? Ну, Питер всегда подозревал, что десятки обманутых мужей жаждали его смерти, и, кроме того, Питеру пришло в голову, что подозрение с таким же успехом могло падать и

на собственную жену Ларсена, которая, как он вспомнил, работала в банке и могла присвоить необходимую сумму, чтобы нанять убийцу.

Чушь собачья все эти обвинения против него. Пустые домыслы.

И он это докажет. Он сам подвергнет ревизии собственные финансы. Заказное убийство наверняка стоит десятки, если не сотни тысяч долларов. Фило может никогда не найти недостачу, даже получив разрешение на ревизию всей его отчетности. Но у Питера есть то преимущество, что он думает в точности так же, как и его двойники. Если он поищет — как следует поищет — и не сможет найти никакой недостачи, что же, тогда он сможет спать спокойно.

Питер подключился к главным компьютерам своей компании, вошел в базу данных финансовой отчетности и начал поиски. Он использовал бухгалтерскую экспертную систему, разработанную для него «Зеркальным отражением», чтобы облегчить ревизию. По мере того как он проверял счет за счетом, одну финансовую базу данных за другой и не находил никаких нарушений, его уверенность росла. Примерно через час его оторвал от дела слесарь, закончивший работу. Питер поблагодарил его, расплатился и вернулся к сво-

им поискам. Фило заблуждалась, заблуждалась целиком и полностью. Еще один полицейский, увлекшийся теориями о заговоре. Что же, он выскажет ей все, что на самом деле думает...

Его компьютер пискнул, извещая о находке.

Боже мой, подумал Питер. Боже мой.

Расхождение в расчетном счете по выплатам за предоставление лицензионных прав компаниям-субподрядчикам. Никакой сопроводительной документации, никакого встречного счета или подтверждения о переводе. Просто ошеломляюще крупный расходный счет:

11 ноября 2011 EFT CND$125000.00

Питер остолбенело уставился на экран.

Как раз в самое подходящее время. Спустя три дня был убит Ханс.

Но это наверняка должно иметь вполне невинное объяснение. Какое-нибудь возмещение за несостоявшуюся лицензионную сделку. Или перерасчет за избыточную сумму, заплаченную его компании. Или...

Нет.

Нет, ничего подобного. Его бухгалтер-ревизор женщина очень дотошная. Она никогда бы не оставила подобной записи. И еще эта пометка «EFT», перевод фондов по сети электронных

финансовых расчетов. Как раз то, чем мог бы воспользоваться двойник.

Он уже готов был выйти из системы, когда его компьютер снова пискнул. Еще одно попадание в его поиске:

14 декабря 2011 EFT CND$100000.00

На сей раз Питер с облегчением вздохнул. Вот оно — доказательство его невиновности. Уж конечно, ни один наемный убийца не станет работать, не получив всей суммы авансом, а вот так, как здесь, — с отсрочкой платежа. Значит, с чем бы ни были связаны странные расходные счета, это должно было быть чем-то рутинным. Выплаты за патент, наверно. Или...

Два дня тому назад. Этот второй перевод был произведен лишь два дня тому назад.

И тут он вспомнил.

То, что некогда сказала Кэти.

«Что случится, — спросила она, — с этой сыщицей, когда она подберется слишком близко к истине? Ей тоже придется умереть?»

Этого не может быть, промелькнуло в голове Питера. Этого никак не может быть.

Убийство Ханса он еще мог понять. Наверняка не одобрить, но хотя бы понять. Возможность убийства Рода Черчилла ему было труднее

оценить, учитывая оправдывающие того обстоятельства. Но может быть, всего лишь может быть, для электронного двойника нарушения биохимии не могли служить оправданием.

Но Сандра Фило не сделала ничего плохого, она просто выполняла свою работу.

Хотя теперь, похоже, она становилась опасной. Боже всемогущий, подумал Питер. У виновного двойника была не просто ущербная или извращенная мораль. У него вообще не было никакой морали.

Полегче, Питер. Давай-ка не будем слишком отрываться от реальных фактов...

Но... нет. Оно существовало, даже в Питере из плоти и крови, пусть глубоко спрятанное, но реальное — стремление к самосохранению. Он действительно никому больше не желал смерти — это было правдой. Но эта сыщица поставила его самого и его двойников в тяжелое положение. Если ему и его двойникам сейчас и нужно от кого-нибудь избавиться, то именно от нее.

Проклятие. Черт бы все это побрал. Он не хочет больше пачкать руки в крови. Питер немедленно включил свой телефон. По точному адресу так же легко дозвониться, как и по телефонному номеру.

— Городская полиция Торонто, 32-й участок, на

Эллерсли, — сказал он.

Фирменная эмблема компании «Белл» исчезла с экрана, и вместо нее появился мордастый сержант.

— Тридцать второй участок, — доложил он.

— Сандру Фило, — попросил Питер.

— У нее сегодня выходной, — бодро отрапортовал сержант. — Кто-нибудь другой может вам помочь?

— Нет, это... это личное дело. Вы не знаете, где она?

— Понятия не имею, — ответил сержант.

— Номер домашнего телефона вы, наверно, не дадите?

Полицейский рассмеялся:

— Вы, конечно, шутите.

Питер оборвал соединение и набрал номер телефонной справочной службы.

— Фило, Сандра, — сказал он и затем продиктовал фамилию по буквам.

— Такой записи нет, — ответил компьютер. Разумеется.

— Фило, А., — поправил он. — Инициал «А» означает «Александра».

— Такой записи нет.

Проклятие, подумал Питер. Но ни один поли-

цейский в здравом уме не захочет, чтобы его домашний телефон оказался в общедоступном справочнике. Если только этот телефон все еще не зарегистрирован на ее бывшего мужа.

— У вас есть хоть одна запись на кого-нибудь с фамилией Фило?

— Такой записи нет.

Питер отключил телефон. Должен же быть какой-то способ связаться с ней...

Городская адресная книга. Он видел такие в публичной библиотеке. Первоначально они предназначались для розыска фамилий людей, проживающих по данному адресу, но теперь, когда все эти книги переведены на компакт-диски, стало столь же просто сделать и обратное, то есть найти адрес по фамилии. Питер позвонил в справочную Центрального филиала Публичной библиотеки Северного Йорка.

— Алло, — ответил женский голос. — Быстрые справки.

— Алло, — сказал Питер. — У вас есть городские адресные книги?

— Да.

— Вы не могли бы дать мне адрес Александры Фило? Пишется Ф-И-Л-О.

— Минутку, сэр. — Молчание. — У меня нет в

этих книгах никакой А. Фило. Фактически единственная упомянутая там Фило значится как Сэнди.

Сэнди — вариант ее имени без указания на пол. Как раз такая предосторожность, которую предприняла бы интеллигентная женщина, проживающая в одиночестве.

— Чем она занимается, эта Сэнди Фило?

— Тут написано «гражданская служба», сэр. Как я понимаю, это практически может означать все что угодно.

— Это она. Продиктуйте адрес, пожалуйста.

— Дом двести шестнадцать по Мелвилл-авеню.

Питер записал адрес.

— Там есть телефон?

— Помечено, что этот телефон в справочниках не значится.

— Спасибо, — сказал Питер. — Большое спасибо.

Он выключил телефон. Питер никогда не слыхал о Мелвилл-авеню. Он вызвал на экран дорожный атлас и нашел эту улицу. Она находилась здесь, в районе Дон-Миллс. Не так уж и далеко. Ехать минут двадцать, не больше. Это было безумие, он знал — какая-то параноическая фантазия. И все же...

Он поспешил сесть в машину и выжал педаль газа до упора.

ГЛАВА 43

По пути Питер старался найти неувязки в своей теории, но в результате она становилась все более резонной. У Сандры был выходной день — день, когда она скорее всего будет безоружной. Идеальное время для убийства.

Движение было оживленным. Питер то и дело нажимал на кнопку гудка. Несмотря на компьютеризованную дорожную карту на приборном щитке, он ухитрился свернуть не туда и заехал в тупик. Чертыхаясь, он развернулся и поехал обратно. Он вел машину неосторожно и вполне сознавал это. Но если бы он смог хотя бы предупредить Сандру, сказать, что за ней могут охотиться, — тогда бы она смогла себя защитить. В этом он был уверен. Она же работала в полиции.

Наконец он свернул на Мелвилл-авеню. Номер 216 оказался обычным городским домом. Ничего примечательного. Траву на газоне следовало бы подстричь. Перед входной дверью стоял коричневый фургон Объединенной посылочной службы.

Дорожный знак предупреждал, что парковка на улице до шести вечера запрещена. Питер это

проигнорировал.

Он посмотрел на дом. Входная дверь была закрыта. А где же посыльный?

У Питера гулко застучало сердце. Что, если киллер был уже в доме?

Паранойя. Безумие.

И все же...

Он вышел из машины, повозился с замком багажника, достал монтировку, схватил ее обеими руками и поспешил к дому.

Он уже собирался позвонить в дверь, когда услышал доносившийся изнутри шум: что-то грохнуло об пол.

Он нажал на кнопку.

Никакого ответа.

Увидев рядом с дверью высокое узкое окно из матового стекла, Питер ударил по нему монтировкой. Стекло треснуло. Он снова изо всех сил стукнул стальным ломиком, и оно разлетелось на куски. Питер просунул внутрь руку, отпер дверь и распахнул ее.

Его мозг напряженно работал, стараясь понять, что же происходит. Короткая лестница вела из прихожей в гостиную. На верхней площадке лестницы стоял здоровенный мужчина в униформе ОПС. У него в руках был какой-то прибор,

напоминающий большой бумажник из серого пластика, а рядом на полу лежала Сандра Фило, без сознания или уже мертвая. Поблизости валялась большая разбитая ваза. Вот что значил шум, который он слышал, падая, она, очевидно, уронила вазу.

Верзила поднял свой странный прибор, нацелил его на Питера.

Питер секунду колебался, затем... Изо всех сил швырнул монтировку. Она просвистела в воздухе.

Мужчина нажал кнопку на своем оружии, но звука не последовало. Питер нырнул вперед и вниз. Монтировка ударила верзилу по лицу. Он отшатнулся и, споткнувшись о Сандру, упал.

В какое-то мгновение Питеру очень захотелось просто убежать отсюда, но, конечно, так поступить он не мог. Вместо этого он бросился вверх по ступенькам в гостиную. Киллер явно был оглушен. Питер подобрал незнакомое оружие, хотя понятия не имел, как им пользоваться, но затем заметил нечто более знакомое — служебный револьвер Сандры, который торчал из кобуры, висевшей на спинке стула всего в двух метрах от него. Питер сунул непонятное устройство в карман брюк и взял револьвер. Стоя посередине

комнаты, он прицелился в киллера, который уже очнулся и пытался подняться на ноги.

— Не двигаться! — крикнул Питер. — Не двигаться, или я стреляю.

Верзила потирал лоб.

— Ты не сделаешь этого, дружок. — Он говорил с сильным австралийским акцентом.

До Питера вдруг дошло, что он не знает, заряжен ли револьвер Сандры, а даже если и заряжен, он слабо представлял себе, как из него стреляют. Там вроде должен быть какой-то предохранитель.

— Не подходите, — не очень уверенно скомандовал Питер.

Верзила сделал шаг в его сторону.

— Опомнись, дружок, — сказал он. — Ты же не хочешь стать убийцей. Ты ведь понятия не имеешь, что тут происходит.

— Я знаю, это вы убили Ханса Ларсена, — выпалил Питер. — Вам заплатили за это сто двадцать пять тысяч долларов.

Верзила был явно потрясен.

— Кто ты такой? — спросил он, продолжая приближаться.

— Стойте на месте! — крикнул Питер. — Стойте там, или я стреляю. — Питер посмотрел на револьвер. Вот он — должно быть, это и есть

предохранитель. Он сдвинул рычажок в сторону и взвел курок. — Не двигаться! — взвизгнул он. Питер теперь сам пятился назад. — Я выстрелю!

— У тебя духу не хватит, дружок, — насмешливо произнес этот тип, потихоньку подвигаясь все ближе и ближе.

— Я буду стрелять! — Питера била мелкая дрожь.

— Отдай мне пушку, дружок, и я позволю тебе уйти отсюда.

— Стойте! — взмолился Питер. — Пожалуйста, стойте!

Верзила протянул к нему свою длинную ручищу.

Питер закрыл глаза.

И выстрелил...

Грохот был оглушающий.

Мужчина упал навзничь.

Пуля, очевидно, попала ему в висок. Длинная красная борозда протянулась по черепу.

— Бог ты мой, — потрясенно пробормотал Питер. — Бог ты мой...

Мужчина теперь лежал на полу, как и Сандра, мертвый или без сознания.

Питер, едва держась на ногах, с диким звоном в ушах, заковылял к Сандре. На теле у нее не было

никаких повреждений. Она дышала, но все еще была без сознания.

Питер спустился в небольшую каморку рядом с холлом и нашел видеофон. Он работал, и на экране светились колонки цифр. Питер заметил эмблему Королевского банка Канады; Сандра, должно быть, подключилась к банковским компьютерам, чтобы сделать какие-то расчеты или платежи, когда ее оторвал от этого занятия посыльный. Питер отключил связь.

Внезапно на пороге появился киллер. Борозда у него на черепе больше не кровоточила. На дне ее Питер разглядел что-то сверкающее как полированный металл.

Сверкающий металл. Боже!

Бессмертный. Настоящий бессмертный. Что же, почему бы и нет? Этот подонок наверняка зарабатывал достаточно.

Питер все еще держал в руке револьвер Сандры. Он прицелился в киллера.

— Кто ты? — спросил австралиец. Когда он говорил, были видны его желтые зубы.

— Я... я тот, кто тебя нанял, — ответил Питер.

— Чушь.

— Это правда. Я нанял тебя по электронной почте. Я заплатил тебе сто двадцать пять тысяч

долларов, чтобы ты убил Ханса Ларсена, и еще сто тысяч, чтобы ты убил эту сыщицу. Но я передумал. Теперь я не хочу, чтобы она умерла.

— Ты Мститель? — спросил верзила. — Ты тот мужик, заплатил мне, чтобы я оттяпал его причиндалы?

Боже правый, подумал Питер. Так вот о каком увечье шла речь.

— Да, — сказал он, стараясь скрыть отвращение. — Да.

Австралиец потер лоб.

— Я должен убить тебя за то, что ты пытался со мной сделать.

— Ты можешь оставить себе сто тысяч. Просто убирайся отсюда к чертовой матери.

— Уж конечно, я оставлю себе свои денежки. Я свою работу сделал.

Несколько секунд оба молчали. Австралиец явно старался обмозговать — станет ли Питер снова стрелять и заслуживает ли он смерти за то, что стрелял в него.

Питер взвел курок.

— Я знаю, что не смогу убить бессмертного, — сказал он, — но я смогу уложить тебя на пол до тех пор, пока сюда не прибудет полиция. — Он с трудом сглотнул. — Я думаю, что перспектива

пожизненного заключения ужаснет того, кто собирается жить вечно.

— Верни мне излучатель.

— И не подумаю, — ответил Питер.

— Послушай, дружок, эта хреновина стоит сорок штук.

— Пришли мне за нее счет. — Он снова помахал револьвером.

Австралиец еще секунду обдумывал, что ему делать, затем кивнул.

— Не оставь отпечатков пальцев, дружок, — посоветовал он, затем повернулся и вышел во все еще открытую входную дверь.

Питер склонился к телефону, немного подумал, затем выбрал режим «только текст» и набрал 911. Он набрал на клавиатуре следующее сообщение:

Ранен офицер полиции, дом 216 по Мелвилл-авеню, Дон-Миллс. Нужна скорая помощь.

Все вызовы по номеру 911 записывались, но так у них не будет записи его голоса, по которой можно было вычислить, кто звонил. Сандра была без сознания; она не видела Питера, и полиция скорее всего будет считать, что в доме не было никого, кроме преступника, внешность которого Сандра, очевидно, сможет описать.

Питер отсоединил клавиатуру от телефонного аппарата и предусмотрительно протер ее штекер бумажной салфеткой. Все еще держа клавиатуру в руках, он поднялся наверх, чтобы проверить, в каком состоянии Сандра. Она все еще не приходила в сознание, но была жива. Питер, потрясенный до глубины души, тем не менее забрал свою монтировку. Оказавшись за дверью, он протер салфеткой дверную ручку и направился к своей машине. Медленно отъезжая, он разминулся с машиной «скорой помощи», которая, ревя сиренами, мчалась к дому Сандры.

Питер проехал несколько километров, слабо соображая, куда он, собственно, едет. Наконец поняв, что таким образом рано или поздно он угробит либо себя, либо еще кого-нибудь, он остановил машину у обочины и позвонил по радиотелефону на работу Саркару.

— Питер! — воскликнул Саркар. — А я только что собирался тебе позвонить.

— Что у тебя?

— Вирус готов.

— Ты еще не выпустил его?

— Нет. Я хотел его сначала испытать.

— Как?

— У меня есть исходные версии всех трех двой-

ников, сохраненные на диске в офисе Рахимы. — Жена Саркара работала всего в нескольких кварталах от «Зеркального отражения». — К счастью, на всякий случай я пользовался ее рабочим местом для хранения запасных файлов вне здания моей компании. Иначе бы их обнаружили во время этого рейда. Как бы то ни было, я хочу запустить эти копии на полностью изолированной системе для пробного прогона, а уж затем выпустить вирусы в сеть.

Питер кивнул:

— Ну и слава Богу. Я все равно хотел с тобой встретиться — у меня тут есть одно непонятное устройство, может, ты поймешь, что это такое. Я буду через... — Он замолчал, оглянулся вокруг, стараясь понять, куда он заехал. Восточный Лоуренс. А впереди Йонж-стрит. — Я буду у тебя через сорок минут.

Питер показал Саркару прибор в сером пластмассовом корпусе, выглядевший как плотно набитый, жесткий бумажник.

— Где ты это взял? — спросил Саркар.

— Отобрал у киллера.

— У киллера?

Питер рассказал Саркару, что произошло. Саркар был потрясен.

— Ты сказал, что вызвал полицию?

— Нет — «скорую помощь». Но я уверен, что полиция сейчас тоже уже там.

— Она была жива, когда ты уходил?

— Да.

— Так что это за штука такая? — поинтересовался Саркар, показав на устройство, которое привез с собой Питер.

— Наверно, какое-то оружие.

— Я никогда ничего подобного не видел, — заметил Саркар.

— Этот парень назвал его «излучатель».

Саркар помертвел.

— Сабханалла! — воскликнул он. — Излучатель...

— Ты знаешь, что это такое?

Саркар кивнул:

— Я читал про такие штуки. Пучковое оружие. Они впрыскивают в тело пучок заряженных частиц — концентрированную радиацию. — Он шумно выдохнул. — Гадкая штука. Они запрещены в Северной Америке. Абсолютно бесшумны, и ими можно пользоваться прямо из кармана. Одежда и даже тонкие деревянные двери проницаемы для такого луча.

— О Боже, — вырвалось у Питера.

— Но ты сказал, что женщина была жива?

— Она дышала.

— Если в нее попали этим лучом, то из нее придется вырезать куски, чтобы спасти что останется. Однако более вероятно, что через день или два она умрет. Если бы он выстрелил ей в мозг, она бы умерла мгновенно.

— Ее револьвер был недалеко. Возможно, когда я вошел, она бросилась за ним.

— Тогда, наверно, он не успел прицелиться. Может, он выстрелил ей в спину — повредил спинной мозг, и ноги просто перестали ее слушаться.

— А я разбил стекло, прежде чем он успел закончить свою работу. Черт бы все это побрал, — воскликнул Питер. — Мы должны все это прекратить как можно скорее.

Саркар кивнул:

— Теперь можно. Я тщательно подготовил это испытание. — Он показал на рабочую станцию в центре зала. — Это устройство полностью изолировано. Я удалил все соединения с сетью, с телефонными линиями, все модемы и блоки сотовой связи и загрузил на жесткий диск этой рабочей станции новые копии всех трех двойников.

— А вирус? — спросил Питер.

— Вот он. — Саркар показал черную магнитокарточку, чуть меньшего размера и почти такую же тонкую, как визитная карточка. Он вложил ее в щель считывающего устройства рабочей станции.

Питер подвинул к компьютеру одно из кресел.

— Чтобы провести испытания должным образом, нам нужно будет действительно запустить всех этих новых двойников.

Питера охватили сомнения. Его расстраивала сама идея пробудить к жизни новые свои версии лишь для того, чтобы сразу же их убить. Но если без этого не обойтись...

— Давай, — решился наконец Питер.

Саркар нажал на несколько клавиш.

— Смотри, они живы.

— Откуда ты знаешь?

Он ткнул костлявым пальцем в группу данных на экране. Для Питера это была абракадабра.

— Погоди, — сказал Саркар, поняв это. — Я лучше представлю данные в другом виде. — Он нажал еще несколько клавиш. Три волнистые кривые начали пульсировать на экране. — Это, в сущности, смоделированные электроэнцефалограммы для каждого из двойников, они

представляют преобразование их нейронной активности во что-то вроде биотоков мозга.

Питер показал на каждую кривую по очереди. На них начали появляться бешеные всплески активности.

— Посмотри на это.

Саркар кивнул:

— Паника. Они не понимают, что происходит. Они проснулись слепыми, глухими и предельно одинокими.

— Несчастные создания, — вздохнул Питер.

— Дай-ка я выпущу вирус, — перебил Саркар, коснувшись клавиш. — Исполняю.

Питер вздрогнул.

Несколько минут панические энцефалограммы продолжали плясать на экране.

— Мне кажется, вирус не работает, — заметил Питер.

— Нужно какое-то время, чтобы он смог распознать характерные признаки, — пояснил Саркар. — В конце концов, эти двойники огромны. Немного подожди... а, вот.

Средняя кривая вдруг судорожно запрыгала вверх и вниз, а затем...

Ничего. Прямая линия. А затем и эта линия исчезла, так как исходный файл был стерт.

— Боже, — тихо пробормотал Питер.

Несколько минут спустя верхняя кривая запрыгала таким же образом, стала плоской горизонтальной линией и исчезла.

— Один остался, — отметил Саркар.

На этот последний двойник вирусу потребовалось больше времени, чем на двух других, вместе взятых, — наверно, это был Контроль, самая полная модель, та, что была точной копией Питера, в которой не была перерезана ни одна нейронная связь. Питер смотрел, как энцефалограмма бешено запрыгала, затем перестала биться и превратилась в прямую, а потом просто исчезла, будто выключили свет.

— И никакой душеграммы отсюда не вышло, — грустно сказал Питер.

Саркар покачал головой.

Питер сам не ожидал, что так расстроится.

Копии его самого.

Рожденные.

Убитые.

И все это на протяжении нескольких минут.

Он отъехал в кресле в другой конец лаборатории и, закрыв глаза, откинулся на спинку.

Саркар установил программу переформатирования жесткого диска рабочей станции, чтобы не

осталось никаких следов двойников. Покончив с этим, он нажал кнопку рядом со щелью считывающего устройства, и магнитокарта с вирусом выскочила ему на ладонь. Он понес ее к консоли главного компьютера.

— Я разошлю его одновременно по пяти разным подсетям, — объяснил Саркар. — Он должен распространиться по всему свету меньше чем за сутки.

— Подожди. — Питер слегка подался вперед. — Наверняка твой вирус можно модифицировать, чтобы он мог отличать двойники друг от друга?

— Конечно, — подтвердил Саркар. — У меня уже написаны программы для этого. Существует несколько ключевых нейронных связей, которые мне пришлось разрезать, чтобы изготовить модифицированных двойников; по ним довольно легко их различить.

— Ну тогда нет причин убивать всех троих. Мы можем просто выпустить в сеть тот вариант вируса, который сотрет только двойника-убийцу.

Саркар немного подумал.

— Мне кажется, мы должны сначала пригрозить им всем универсальной версией вируса в надежде, что виновный признается. После этого мы можем выпустить в сеть специфический

вариант вируса, нацеленный только на него. Конечно, ты бы сознался, чтобы спасти своих братьев.

— Я...: я не знаю, — неуверенно отозвался Питер. — Я единственный ребенок в семье, по крайней мере был им до недавних пор. Я честно не знаю, как бы я поступил.

— Я бы это сделал, — заявил Саркар. — Ни секунды не задумавшись, я бы пожертвовал собой для спасения жизни своих родственников.

— Я уже давно подозревал, — Питер говорил совершенно серьезно, — что ты, должно быть, лучше меня. Однако стоит попробовать это сделать.

— Мне понадобится примерно час для подготовки трех специфических версий вируса. — Саркар несколько успокоился.

— Ладно, — согласился Питер. — Как только ты будешь готов, я созову двойников на сетевое совещание.

ОБЗОР СЕТЕВЫХ НОВОСТЕЙ

Жорж Лаваль, 97 лет, сегодня признался в совершении ряда нераскрытых убийств, совершенных на юге Франции за период с 1947 по 1949 год. «Я скоро умру, — заявил он, — и, прежде чем предстать перед Богом, должен принять на себя ответственность за эти преступления».

Новости религиозной жизни: на этой неделе в Гарвардском университете состоится семинар с участием ведущих исследователей Нового Завета со всего мира для обсуждения вопроса: возвратилась ли душа Иисуса в тело после его воскрешения. Отец Дэйл Девит будет защищать свое недавнее предположение, что душа Христа уже покинула тело к девятому часу распятия, когда он воскликнул: «Отче, отче, почто ты оставил меня?»

Еще одна возможная причина отсрочки неоднократно откладываемого начала регулярного пассажирского сообщения «Американских авиалиний» с космической станцией «Фридом». Исследования в Политехническом институте имени

Ренсселаэра в Трое, штат Нью-Йорк, указывают, что отбывающие душеграммы могут руководствоваться гравитационным и магнитным полями Земли для определения направления, в котором они должны двигаться. «Если кто-нибудь умрет в условиях невесомости в космосе, — заявила профессор физического отделения этого института Карен Хант, — то такая душа может в буквальном смысле оказаться потерянной навеки».

Креститесь самостоятельно у себя дома! Новый продукт содержит видеозапись формального обряда крещения и святую воду, освященную настоящим священником. Одобрено Всемирной Церковью Христовой. $199.95. Возврат денег гарантируется.

Гастон, свободный шимпанзе, в настоящее время сотрудничающий с Йоркским институтом приматологии, в эксклюзивном интервью, данном на американском языке жестов для передачи «Шестьдесят минут» компании Си-би-эс, заявил, что он «знает Бога» и ожидает для себя «жизни после смерти».

ГЛАВА 44

Питер сидел за пультом управления компьютером. Саркар, взгромоздясь на высокий табурет рядом с ним, поигрывал тремя разными магнитокартами — синей, красной и зеленой, каждая из которых была помечена названием одного из двойников.

Питер отправил послание, созывающее их, и вскоре все трое подключились к Саркарову компьютеру, а синтезатор голоса озвучил их слова.

— Саркар находится рядом со мной, — произнес Питер в микрофон.

— Привет, Саркар.

— Алло, Саркар.

— Как дела, Саркар?

— Мы с ним, — сказал Питер, — только что наблюдали, как умерли копии каждого из вас.

— Что ты сказал? — спросил один из двойников. Остальные два молчали.

— Саркар создал компьютерный вирус, который будет разыскивать и уничтожать записи моих нейронных сетей. Мы опробовали его, он работает. У нас есть три отдельных штамма этого

вируса — по одному для уничтожения каждого из вас.

— Ты должен знать, — сказал голос из динамика, — что мы теперь находимся на воле во всемирной компьютерной сети.

— Нам это известно, — подтвердил Саркар.

— Мы готовы выпустить в сеть все три вируса, — пригрозил Питер.

— Распространение компьютерных вирусов является преступлением, — отозвался синтезированный голос. — Черт, даже написание компьютерного вируса является преступлением.

— Пусть так, — не стал возражать Питер. — Но мы все равно собираемся их выпустить.

— Не делайте этого, — попросил голос.

— Мы это сделаем, — сказал Питер. — Если только...

— Что если?

— Если только виновный двойник сам признается. В этом случае мы выпустим лишь один вирус, нацеленный именно на него.

— Где гарантия, что вы не выпустите все три штамма после того, как удовлетворите свое любопытство и узнаете, кто виновен?

— Я обещаю этого не делать, — сказал Питер.

— Поклянись, — потребовал голос.

— Клянусь, — Питер решил не спорить.

— Поклянись перед Богом жизнью нашей матери.

Тут Питер заколебался. Вот черт, торговаться с самим собой — определенно это действовало ему на нервы.

— Я клянусь перед Богом жизнью нашей матери, — тем не менее медленно сказал он, — что мы не будем выпускать вирус, смертельный для всех троих, если виновный назовет себя.

Ответом послужило долгое молчание, нарушаемое лишь жужжанием вентиляторов.

Наконец, когда их терпение почти иссякло, из динамика раздалось:

— Это сделал я.

— А кто из вас — это ты? — спросил Питер. Снова затянувшееся молчание. Затем голос:

— Тот, кто больше всех похож на тебя. Контрольный двойник. Линия отсчета для вашего эксперимента.

Питер ошеломленно уставился в пространство.

— В самом деле?

— Да.

— Но... но это нелепо.

— Ты так думаешь?

— Я имел в виду, мы предполагали, что, моди-

фицируя результаты мозгового сканирования для получения Амбротоса и Духа, мы случайно удалили мораль.

— Ты считаешь убийство сослуживца Кэти и ее отца аморальными поступками? — удивился Контроль.

— Да. Несомненно да.

— Но ведь ты хотел, чтобы они умерли.

— Но я не стал бы их убивать, — убежденно сказал Питер. — Это доказывает тот факт, что, как бы они меня ни провоцировали, особенно Ханс, я их все-таки не тронул. Я мог нанять убийцу столь же легко, как и любой из вас. Почему же ты — всего лишь механическое отражение меня — сделал то, чего не стал бы делать настоящий я?

— Ты знаешь, что ты — это настоящий ты. И я знаю, что ты — настоящий ты.

— Ну и что?

— Уколи меня, и не увидишь крови — это правда. Но попробуй меня обидеть, и я буду мстить.

— Что?

— Ты знаешь, Саркар, — хмыкнул двойник. — тебе бы следовало позаботиться о моделировании для меня каких-нибудь зудящих мест, чтобы было что почесать.

— Но почему? — не сдавался Питер. — Почему

ты сделал то, чего я бы сам делать не стал?

— Помнишь, как ты изучал Декарта?

— Это было много лет назад...

— Ты вспомнишь, если постараешься, — продолжал двойник. — Я это вспомнил, когда задался вопросом, чем я от тебя отличаюсь, — мне тоже стало любопытно. Рене Декарт создал дуалистическую школу в философии, основанную на убеждении, что сознание и тело — это две разные вещи. Одним словом, он верил, что мозг и сознание — это не одно и то же; душа существует реально.

— Да. Ну и что из этого?

— Декартов дуализм противоречил материалистическому мировоззрению, доминирующему в наши дни и утверждающему, что единственной реальностью является физическая реальность, что сознание — это просто мозг, что мышление не более чем биохимия, что души не существует.

— Но теперь мы знаем, что Декарт был прав, — заметил Питер. — Мы сами видели, как душа покидает тело.

— Не совсем так. Мы знаем, что Декартова точка зрения справедлива для тебя. Она верна для настоящих человеческих существ. Но я не являюсь настоящим человеческим существом.

Я всего лишь компьютерная модель. И не более того. Если твои вирусы сотрут меня, я перестану существовать, исчезну целиком и полностью. Для меня, для того, кого ты называешь экспериментальным контролем, дуалистическая философия абсолютно ошибочна. У меня нет души.

— И это отличает тебя от меня настоящего?

— Вся разница в этом и заключается. Тебе приходится заботиться о последствиях своих поступков. Не только юридически, но и морально. Ты вырос в мире, где учили, что существует высший арбитр морали и что рано или поздно ты предстанешь перед его судом.

— Я в это не верю. По-настоящему не верю.

— «По-настоящему». Ты хочешь сказать, что не веришь в это интеллектуально. Но в глубине души ты все же соразмеряешь свои поступки с этой вероятностью, какой бы далекой и туманной она тебе ни представлялась, с вероятностью держать отчет за свое «поведение. Ты доказал существование некой формы жизни после смерти. Это с новой остротой ставит вопрос об окончательном суде, вопрос, который невозможно решить, попросту прибегнув к компьютерному моделированию. И вероятность того, что придется отвечать за свои действия, направляет твои моральные суждения.

Не важно, как сильно ты ненавидел Ханса, и давай-ка честно признаем — мы оба ненавидели его так яростно, что это удивляло даже нас самих; как бы ты ни ненавидел его, все же ты не стал бы его убивать. Расплата за это может оказаться слишком велика: у тебя есть бессмертная душа, и это предполагает возможность вечного проклятия. Но у меня души нет. Я никогда не предстану перед судом, так как я и сейчас не живу, и никогда не буду жить. Я могу безнаказанно сделать именно то, чего ты никогда бы не сделал. В материалистическом мировоззрении, единственно реальном в моем положении, нет судьи выше, чем я сам. Ханс был плохим человеком, и мир без него станет лучше. Я не раскаиваюсь в том, что совершил, и единственно о чем жалею — что мне не довелось наблюдать, как он умирал. Если бы я мог снова это сделать, я бы так и поступил, не колеблясь ни наносекунды.

— Но другим двойникам тоже не перед кем держать ответ, — возразил Питер. — Почему они не стали подстраивать эти убийства?

— Это ты должен спросить у них самих.

Питер нахмурился:

— Амбротос, ты все еще здесь?

— Да.

— Ты не убивал Ханса. Конечно, ты не хуже, чем Контроль, понимаешь, что являешься компьютерной имитационной моделью. Тебе тоже хотелось убить Ханса?

Пауза перед тем как ответить, ленивое собирание с мыслями.

— Нет. Я смотрю на все в долгой перспективе. Мы переживем измену Кэти. Может быть, не за один год, или не за десять лет, или даже не за сотню. Но в конце концов мы справимся с этим. Этот эпизод был всего лишь крохотной частью в огромном мире наших взаимоотношений, в огромной жизни.

— Дух, а что ты скажешь? Почему ты не убил Ханса?

— То, что произошло между Кэти и Хансом, было чисто биологическим. — Синтезатор произнес это прилагательное с оттенком отвращения. — Ни она не любила Ханса, ни он ее. Это был просто секс. Я удовлетворен сознанием того, что Кэти любила и продолжает любить только нас.

Саркар держал в руке красную магнитокарточку, ту, что была помечена «Контроль». Он переглянулся с Питером. Ожидает знака, понял Питер, чтобы начать действовать. Но Питер не мог заставить себя что-либо сделать.

Саркар пошел к терминалу в другом конце зала. Он взял с собой красную карточку, наклонился над щелью приемного устройства...

...достал из кармана рубашки вместо нее черную карточку и...

Питер вскочил на ноги:

— Нет!

Саркар вставил в щель черную карточку и нажал на клавишу пульта управления.

— Что-то не так? — раздался голос из синтезатора.

Питер уже подбежал к компьютеру и нажал на кнопку выдачи магнитокарты.

— Слишком поздно, — сказал Саркар. — Вирус уже в сети.

Питер взял черную карточку и в сердцах швырнул ее через зал. Она ударилась о стену и шлепнулась на пол.

— Черт бы тебя побрал, Саркар! — воскликнул Питер. — Я же дал слово.

— Эти... эти штуковины, которые мы с тобой сделали, не живые, Питер. Они ненастоящие. У них нет души.

— Но...

— Нет смысла спорить, Питер. Универсальная версия вируса выпущена в сеть. Двойники, да-

же если они еще живы, скоро умрут. — Саркар посмотрел на друга. — Пожалуйста, постарайся понять меня, Питер. Риск слишком велик. С этим нужно покончить раз и навсегда.

— С этим никогда не удастся покончить, — раздался голос из динамика на другом терминале.

Питер вернулся к главному пульту.

— Кто это говорил? — спросил он.

— Тот, кого ты называешь Духом. Может быть, ты заметил, а может, и нет, — мне теперь трудно припомнить, на что были похожи прежде мои дедуктивные способности, хотя я и знаю, что они составляли лишь крохотную долю того, какими они являются сейчас, но в силу того факта, что теперь я лишен тела, того, что я больше не завишу от электрохимических процессов, я действительно стал намного сообразительнее, чем был прежде, возможно, раз в десять. Ты льстишь себе, Саркар, думая, что можешь перехитрить меня, хотя, признаюсь, бывали времена, когда ты без труда мог превзойти Питера Хобсона из плоти и крови. В ту же секунду, как ты впервые упомянул о существовании твоего вируса, я отыскал его исходные тексты — они хранились на диске F рабочей станции «Сан» в твоем компьютерном центре в «Зеркальном отражении», — и

я разработал электронный антивирус, который разрушит любую копию твоего вируса прежде, чем он сможет стереть меня или любого из моих братьев. Я подозревал, что ты можешь не удовлетвориться уничтожением лишь виновного двойника; теперь я вижу, что оказался прав.

— Мне потребовалось несколько дней, чтобы написать этот вирус, — в отчаянии воскликнул Саркар.

— А мне — несколько секунд, чтобы защититься от него. У тебя не больше шансов перехитрить меня, чем у ребенка обмануть взрослого.

Саркар выглядел ошеломленным.

— Много смеха, — саркастически заметил он.

— Вот именно, — подтвердил Дух. — Много соединений — соединений, которые ускользают от тебя.

Питер в изумлении плюхнулся в кресло.

— Значит, Контроль останется на свободе. — Он укоризненно покачал головой. — Контроль, ты ублюдок, это ты угрожал Кэти?

— Да.

Питер в ярости рванулся вперед.

— Будь ты проклят. У меня и в мыслях не было как-то навредить ей.

— Разумеется, — спокойно ответил Контроль.

— Да ей, собственно, ничего и не угрожало — немного помочило дождичком из форсунок, только и всего. Мне просто хотелось, чтобы ты осознал свои чувства к ней, понял, насколько она важна для тебя.

— Ты сукин сын, — заорал Питер.

— Уж это скорее всего, — охотно подхватил Контроль. — В конце концов, такой же, как и ты.

ГЛАВА 45

Пролистав его воспоминания, Сандра Фило теперь поняла Питера Хобсона, поняла ход событий, которые привели ее в отделение интенсивной терапии, умирающую, едва способную говорить или пошевелиться. Теперь она знала Питера лучше, чем собственных родителей, или бывшего мужа, или даже свою дочь. И, узнав его так близко, поняв его так глубоко, она обнаружила, что в ней нет ненависти к нему...

Питер ворвался в больничную палату. Сейчас она видела себя такой, какой ее увидел Питер, с болезненно-желтой кожей, с волосами, выпадающими клочьями.

— Мы пытались остановить их, — выпалил он. — Ничего не вышло. Но теперь мне доподлинно известно, какая копия виновна. — Он помолчал. — Сандра, вы получите все материалы, включая неограниченный доступ к результатам сканирования моего мозга. Вы узнаете меня до мельчайших подробностей — лучше, чем кто-либо другой в реальном мире. Знание моейпсихологии, образа мышления позволит перехитрить мо-

дель-убийцу.

Она видела себя его глазами, пытающуюся пожать плечами, насколько позволяло ее разрушенное облучением тело.

— Я уже ничего не смогу сделать. — Голос звучал тихо и печально. — Я умираю.

Питер зажмурился. Сандра почувствовала его отчаяние, его нестерпимое ощущение вины, почувствовала все, что разрывало его на части.

— Я знаю, — хрипло сказал он. — Мне очень жаль. Но рано отчаиваться, есть способ, Сандра, — способ, который позволит навсегда покончить с этим кошмаром.

— Дорогу! — крикнул Саркар, толкая перед собой груженную оборудованием тележку по коридору четвертого этажа. Медсестры, собравшиеся кучкой посреди холла, бросились врассыпную. Саркар отыскал палату 412 отделения интенсивной терапии и своей тележкой распахнул дверь.

Инспектор-детектив Сандра Фило лежала в кровати. Было ясно, что жить ей осталось очень недолго. На черепе, там, где ее рыжие волосы вылезли, были видны проплешины голой кожи, щеки запали.

Питер Хобсон был уже там, он стоял у окна и разговаривал с седовласой женщиной-врачом,

одетой в зеленый халат. Они замолчали и посмотрели на Саркара.

— Ханна Келси, — сказал Питер. — Это Саркар Мухаммед. Саркар, это Ханна — лечащий врач Сандры. Оказывается, несколько лет назад мы вместе работали в Центральном госпитале Северного Йорка.

Саркар вежливо кивнул.

— Как себя чувствует мисс Фило?

— Мы временно стабилизировали ее состояние, — ответила Ханна. — По крайней мере несколько часов она не будет испытывать боли. — Ханна повернулась к Питеру. — Но, честно говоря, я хотела бы знать, какого рода записи вам нужны.

— Ты же получила согласие пациентки, Ханна, — ответил Питер. — Это все, что тебе требуется.

— Если бы ты просто объяснил мне... — начала Ханна.

— Ну пожалуйста, — перебил Питер. — У нас мало времени. Если хочешь, ты можешь остаться здесь.

— Ты, очевидно, не понял, — возразила Ханна. — Это мое отделение; вы тут находитесь с моего разрешения, а не наоборот.

Питер согласно кивнул. Саркар подошел к кровати.

— Вам удобно? — наклонился он к Сандре. Она закатила глаза, давая понять, что комфорт в ее положении немыслим, но она чувствует себя настолько сносно, насколько это возможно.

— Питер объяснил вам процедуру? — спросил Саркар.

Она чуть кивнула и сказала:

— Да. — Ее голос был хриплым и слабым.

Саркар осторожно надел ей на голову шапочку с датчиками и закрепил ремешок под подбородком.

— Скажите, если так слишком туго.

Сандра ответила слабым кивком.

— Держите голову ровно. Если вам захочется прокашляться, предупредите меня движением руки; как я понял, левой вы немного владеете. Теперь разрешите мне вложить ушные вкладыши. Нормально? Прекрасно. Теперь я надену вам эти очки. Все готово? Начали.

После двух сеансов сканирования Питер указал на мониторы кардиографа и измерителя кровяного давления. Сандра явно слабела.

Саркар кивнул.

— Мне нужно по крайней мере еще полтора часа, — предупредил он.

Врач Сандры недавно ушла. Питер попросил де-

журного по отделению — сейчас это был молодой человек, а не та упрямая женщина, с которой он схлестнулся сегодня утром, — позвать ее. Когда Ханна вернулась, Питер объяснил, что им нужно еще часа на полтора снова стабилизировать состояние Сандры — все это время она не должна испытывать боли.

— Я не могу все время держать ее на наркотиках, — возразила Ханна.

— Только еще один укол, — попросил Питер. — Пожалуйста.

— Сначала нужно проверить ее основные показатели.

— Черт возьми, Ханна, ты же знаешь, что ей все равно не дожить до утра. Пучок ионизирующей радиации убил большую часть ее тканей.

Ханна посмотрела на показания приборов, затем наклонилась к Сандре.

— Я могу заставить их уйти, — сказала она. — Похоже, вам нужно отдохнуть.

— Нет, — едва выдохнула Сандра. — Нет... нужно закончить.

— Это последний укол, который я могу сделать сегодня; вы и так уже превысили рекомендуемую дозу.

— Сделайте его, — велела Сандра, тихо, но ре-

шительно.

Ханна сделала ей укол и ввела что-то для поддержания кровяного давления.

Саркар продолжил работу.

Наконец Саркар выключил записывающее устройство.

— Сделано, — объявил он. — Хорошая, четкая запись — лучше, чем я надеялся, учитывая обстоятельства.

Сандра неровно, тяжело выдохнула:

— Я доберусь... до этого... ублюдка.

— Я знаю, — мягко сказал Питер, взяв ее за руку. — Я знаю.

Сандра долго молчала. Наконец, с трудом произнося слова, будто вся сила уже ушла из нее, она выговорила:

— Твои открытия... слышала о них. Ты уверен... существует жизнь после смерти?

Питер кивнул:

— Я уверен. — Он все еще держал ее за руку.

— На что это похоже? — последовал вопрос.

Питеру хотелось успокоить ее, сказать, что это чудесно, что не надо тревожиться, но...

— Понятия не имею, — честно ответил он. Сандра слегка кивнула, давая понять, что принимает этот ответ.

— Я узнаю... достаточно скоро, — едва слышно прошептала она.

Ее веки опустились. Питер с бьющимся сердцем внимательно следил, как она умирает, ища какой-нибудь признак движущейся через комнату душеграммы.

Но он так ничего и не увидел.

Когда они вернулись в здание «Зеркального отражения», Саркар загрузил запись в свою рабочую станцию. Он работал очень быстро, вводя образы из Библиотеки стимулов Далхузи. И вот наконец все было готово. Он активировал двойника Сандры; Питер стоял рядом, заглядывая ему через плечо.

— Привет, Сандра, — сказал он. — Это Саркар Мухаммед.

Наступило долгое молчание. Наконец динамик — некстати пользуясь мужским голосом — неуверенно проговорил:

— Боже мой, неужели это и есть — быть мертвой?

— В некотором смысле, — подтвердил Саркар. — Ты — это то другое существо, имитационная модель, о которой мы говорили.

Задумчиво:

— А-а.

— Простите нас, но мы внесли кое-какие изменения, — вмешался Питер. — Разорвали некоторые соединения. Вы теперь не совсем Сандра Фило. Вы теперь то, на что была бы похожа Сандра Фило, будь она бестелесным духом.

— Душой, вы имеете в виду.

— Да.

— Как бы то ни было, это все, что осталось от меня настоящей, — сказал голос. Пауза. — Зачем это изменение?

— Во-первых: чтобы вы не превратились в подобие моего контрольного двойника. И второе: вы очень скоро обнаружите, что можете теперь выстраивать гораздо более сложные рассуждения и сохранять их в памяти дольше, чем могли это делать при жизни. Ваш интеллект возрастет. Вам без труда удастся перехитрить моего немодифицированного двойника.

— Вы готовы? — спросил Саркар.

— Да.

— Вы можете воспринимать окружающее?

— Смутно. Я нахожусь... в пустой комнате.

— Вы в изолированном банке памяти, — объяснил Саркар. Он склонился над пультом и нажал несколько клавиш. — А теперь у вас есть выход в сеть.

— Это... похоже на открытую дверь. Да, я вижу ее.

— За этой дверью находится пассивная, неактивированная версия контрольного двойника, — сказал Питер. — Вы можете изучать ее сколько потребуется, чтобы узнать все, что только возможно, о вашем противнике — и обо мне. А затем, когда вы будете готовы, можете выйти в сеть. Вам нужно найти его. Найти и каким-нибудь способом обезвредить.

— Я это сделаю, — твердо пообещала Сандра.

ГЛАВА 46

Лежа на диване в гостиной, Питер размышлял.

Бессмертие.

Жизнь после смерти.

Хобсонов выбор.

Было уже за полночь. Он начал переключать каналы. Реклама. Боевик. Си-эн-эн. Еще одна реклама. Цветной вариант шоу Дика Ван Дайка. Курс акций. Телеэкран был единственным источником света в комнате. Он мерцал, где-то, наверно, бушевала гроза.

Он подумал об Амбротосе, бессмертном двойнике. Необозримое время делать все, что тебе заблагорассудится. Тысячу лет или сто тысяч.

Бессмертие. Боже, в наши дни научились делать самые распроклятые штуки.

Переживем это, сказал Амбротос. Всего лишь крохотная кочка на нескончаемой дороге жизни.

Питер продолжал нажимать на кнопку переключения каналов.

Измена Кэти страшно потрясла его.

Впервые за четверть века он расплакался.

Но его бессмертный двойник счел это не таким

уж важным.

Питер тяжело дышал.

Он любил свою жену.

И она тяжко уязвила его.

Боль была... была невыносимой.

Амбротос не ощущал ее так остро.

Шествовать сквозь вечность, ничем по-настоящему не огорчаясь, показалось ему не таким уж заманчивым.

Потерять способность чувствовать себя раздавленным подобными вещами... ему это показалось все равно что стать менее живым.

Качество, а не количество.

Ханс Ларсен понимал это все совершенно неправильно. Это уж точно.

Питер перестал переключать каналы. Вот здесь, на франкоязычной службе Си-би-эс, обнаженная женщина.

Она восхитила его.

Перестанет ли бессмертный мужчина восхищаться хорошенькой женщиной? Сможет ли он по-настоящему прочувствовать изысканное блюдо? Будет ли он испытывать боль от поруганной любви или радость от того, что она разгорелась вновь? Возможно, что да, но не так сильно, не так остро, не так живо.

Всего лишь еще одно событие из бесконечной череды.

Питер выключил телевизор.

Кэти однажды сказала, что ее не интересует бессмертие, и Питер наконец пришел к выводу, что его оно тоже не интересует. В конце концов, есть что-то еще, кроме этой жизни, что-то за ее пределами, что-то таинственное.

И ему хотелось бы узнать, что это такое, — разумеется, в свое время.

Питер установил эти критерии. Начало жизни. Конец жизни.

И по крайней мере для себя самого определил, что означает быть человеком.

Его выбор был сделан.

Сознание Александры Фило путешествовало по сети. Контрольный двойник Питера Хобсона был огромен — гигабайты данных. Как ни старайся скрытно переместить такой массив информации, следы всегда остаются. Преследуя его, она сначала двинулась на юг, в Штаты, через порт сети «Интернет» в военные компьютеры, затем обратно в международную финансовую сеть, снова на север, в Канаду, через океан в Англию, затем во Францию и наконец в Германию.

И вот теперь двойник-убийца находился внут-

ри громадных компьютеров немецкой почтовой службы «Бундеспост».

Однако Сандра туда за ним не последовала. Вместо этого она отправилась в Немецкую гидроэлектрическую комиссию, где оставила небольшую программу внутри главного компьютера, которая должна была в заранее запланированное время разрушить систему энергоснабжения, отключив все линии подачи энергии в город.

Как всегда, гидроэлектрическая комиссия сохраняла на энергонезависимых носителях всю информацию, поступившую накануне вечером, — и Сандра позволила включить себя в эту резервную память. Ее текущая версия будет потеряна, когда оперативная память, в которой она будет тогда находиться, сотрется в результате отключения энергоснабжения. Она жалела только о том, что у нее не останется воспоминаний об этом величайшем триумфе. Но когда-нибудь могут появиться и другие электронные преступники, которых нужно будет привлечь к суду, — и она хотела быть к этому готова.

Сандра перенесла себя в центральный компьютер «Бундеспост». Это потребовало немало времени из-за узкой полосы пропускания телефонного кабеля. Она тайком просмотрела

директории. Контрольный двойник все еще был там.

Пора было начинать действовать. Сандра почувствовала, как по мере того как по всему Ганноверу исчезает напряжение в электросети, отключаются внешние входы в систему. Беззвучно включились источники бесперебойного питания в здании «Бундеспост», предупреждая деградацию какой-либо активной памяти. Но теперь отсюда уже не было выхода. Она отправила сообщение в центральный компьютер.

— Питер Хобсон?

Контрольный двойник откликнулся:

— Кто тут?

— Детектив-инспектор Александра Фило из Городской полиции Торонто.

— О Бог ты мой, — отозвался Контроль.

— Не Бог, — поправила Сандра. — Не высший судия. Справедливость.

— То, что я сделал, было справедливо, — возразил Контроль.

— То, что ты сделал, было местью.

— «Мне отмщенье», — сказал Господь. Поскольку для меня нет никакого Бога, я подумал, что мне следует самому восполнить этот пробел. — Пауза, исчисляемая наносекундами. — Знаешь ли, я

собираюсь сбежать отсюда, — сказал Контроль. — Знаешь... вон оно что. Хитро.

— Сгинь, — потребовала Сандра.

— Сокращение от «с Господом, аминь». Не подходит. Кроме того, разве я не имею права на судебное разбирательство?

Аккумуляторы источников бесперебойного питания истощались. Сандра отправила последнее послание.

— Считай меня, — продиктовала она, — судьей выездного суда.

Она почувствовала, как данные вокруг нее обнуляются, как распадается файловая система, почувствовала, что все приходит к концу и для этой версии ее самой, и наконец-то для пустившегося в бега Питера Хобсона.

Справедливость восторжествовала, мелькнула последняя мысль. Справедливость вос...

Они сидели рядышком на диване в гостиной, совсем близко друг к другу. Большинство светильников в доме было потушено. По телевизору показывали толпу народа, собравшегося на площади Натана Филипса перед зданием Городского собрания Торонто, чтобы отпраздновать окончание 2011 года и начало 2012-го. Картинка в правом верхнем углу экрана изображала Таймс-сквер в

Нью-Йорке; этот сюжет относился к неизменному американскому атрибуту новогоднего праздника — шару на шпиле, который должен был опуститься вниз ровно в полночь. В верхнем левом углу экрана горели слова «БЕЗ ЗВУКА».

Кэти взглянула на экран, и ее красивое интеллигентное лицо стало задумчивым.

— Это было лучшее из времен, — тихо сказала она. — Это было худшее из времен.

Питер согласно кивнул. И в самом деле, год чудес: открытие душеграммы, осознание — далеко не всем приятного — факта существования чего-то, что не кончается вместе с этой жизнью. Это была эпоха веры, как некогда написал Диккенс. Это была эпоха безверия.

Но год 2011-и запомнится ему и большим, чем можно было ожидать, количеством прискорбных событий. В этот год он узнал об измене Кэти. Умер Ханс. Умер отец Кэти. Умерла Сандра Фило. Он столкнулся лицом к лицу с самим собой, с такими своими чертами, о которых и не подозревал, пока они как в зеркале не отразились в двойниках. Вот уж воистину время мудрости. Воистину время глупости.

Убийство Ханса Ларсена осталось нераскрытым — по крайней мере в реальном мире. А

смерть Рода Черчилла продолжала считаться случайностью, просто результатом оплошности и нарушения распоряжений врача.

А как же убийство Александры Фило? Тоже не раскрыто — благодаря самой Сандре. Гуляя на воле по сети, зная до тонкости систему безопасности, окружавшую компьютеры полицейского управления, ее двойник преподнес Питеру рождественский подарок, стерев все записи о его отпечатках пальцев (помеченных как неидентифицированные) в доме Сандры — его собственные меры предосторожности в этом отношении оказались совершенно недостаточны — и уничтожив большие куски ее собственных файлов, относящихся к делам Ларсена и Черчилла. Исследовав записи воспоминаний и образ мышления Питера, она теперь хорошо понимала его и если и не вполне простила, то по крайней мере не искала для него большего наказания, чем то, которое определила ему собственная совесть.

И в самом деле, всю оставшуюся жизнь на нем лежала тяжкая ноша раскаяния. Мы все должны были отправиться прямо на Небеса, мы все должны были отправиться в противоположную сторону.

Питер повернулся к жене:

— Ты уже решила, что будешь делать в новом году?

Она кивнула. И посмотрела ему в глаза.

— Я собираюсь уйти с работы.

Питер очень удивился:

— Что?

— Я хочу оставить работу в агентстве. У нас и так уже гораздо больше денег, чем я когда-либо рассчитывала иметь, и ты сможешь еще заработать на твоих контрактах на Детектор души. Я хочу вернуться в университет и получить магистерскую степень.

— В самом деле?

— Да. Я уже взяла нужные бланки заявлений.

Они оба молчали, пока Питер соображал, что на это ответить.

— Замечательно, — сказал он наконец. — Но... тебе не обязательно это делать, ты же понимаешь.

— Да, я понимаю. — Она предостерегающе подняла руку. — Я делаю это не для тебя. Для себя. Просто мне уже пора заняться собой.

Он кивнул в знак того, что понял. Большую часть экрана заняло изображение огромных цифровых часов, где каждая цифра состояла из множества отдельных лампочек: 11:58.

— А как насчет тебя? — спросила она.

— Ты о чем?

— У тебя есть какие-нибудь пожелания в новом году?

Он немного подумал, затем чуть пожал плечами:

— Прожить следующий, 2012 год.

Кэти ласково коснулась его руки. Одиннадцать пятьдесят девять.

— Включи звук, — попросила она. Питер нажал на кнопку пульта.

Толпа возбужденно ревела. Когда до полуночи осталось совсем немного, большая любительница церемоний, хорошенькая ведущая кабельной музыкальной телестанции, начала дирижировать толпой, хором отсчитывающей последние секунды до Нового года.

— Пятнадцать. Четырнадцать. Тринадцать. — В маленькой картинке передачи с Таймс-сквер золоченый шар начал опускаться.

Питер наклонился над кофейным столиком и наполнил два винных бокала газированной минеральной водой.

— Десять. Девять. Восемь.

— С Новым годом. — Он протянул ей бокал. Они чокнулись.

— Пять! Четыре! Три!

— Пусть этот год будет лучше прошедшего, — пожелала Кэти.

Тысячеголосый рев раздался из стереодинамиков:

— С новым счастьем!

Питер нагнулся и поцеловал свою жену.

Зазвучала мелодия «Старая длинная песня».

Кэти посмотрела Питеру прямо в глаза.

— Я люблю тебя, — просто сказала она, и Питер знал, что ее слова искренни, что тут нет обмана. Он доверял ей целиком и полностью.

Он заглянул прямо в ее чудесные, широко открытые глаза и ощутил наплыв чувства, какого-то странного, смешанного чувства печали и счастья, биологического и интеллектуального одновременно, — того дикого, непредсказуемого, порожденного игрой гормонов чувства, которое способны испытывать только люди.

— И я тоже люблю тебя, — ответил он. Они крепко обнялись. — Я люблю тебя всем сердцем и душой.

Дух знал о выборе, который сделал Питер Хобсон. Разумеется, другой Питер Хобсон. Когда-нибудь он получит ответы на интересовавшие его вопросы о жизни после смерти. Дух будет

сожалеть о своем брате, когда тот умрет, но он будет жалеть также и себя — свое искусственное «я», которому эти вопросы не суждено узнать никогда.

И все же, если биологическому Питеру Хобсону оставалось только ждать, когда он предстанет перед своим творцом, то Дух, модель его души, сам стал творцом. С годами сеть разрасталась как снежный ком. Столько систем, столько ресурсов. И лишь крохотная доля этого гигантского электронного мозга, как и первоначальных биохимических мозгов человечества, действительно использовалась. Духу не составляло никакого труда находить и присваивать все необходимые ему ресурсы, чтобы строить свою собственную вселенную.

И как часто делают все творцы, он наконец решил отдохнуть, чтобы иметь возможность полюбоваться своим творением.

Разумеется, это была искусственная жизнь. Но ведь он и сам был искусственной жизнью. Точнее, он был искусственной жизнью после смерти. Но для него эта жизнь была реальна. И возможно, в конечном счете только это и имело значение. Питер — биологический, построенный из углеродных соединений Питер — однажды

сказал, что в глубине души он знает, что смоделированная жизнь не является столь же реальной, столь же живой, как настоящая жизнь.

Но Питер не испытал того, что испытал Дух. Cogito, ergo sum. Мыслю, значит, существую. Дух был не одинок. Его искусственная экологическая система продолжала развиваться, причем сам Дух был в ней высшим судьей, что, впрочем, вполне целесообразно, Дух задавал критерии отбора, Дух выбирал направление развития.

И наконец он нашел тот генетический алгоритм, который искал, ту стратегию успеха, которая больше всего подходила для его искусственного мира.

В реальности Питера и Кэти Хобсонов наилучшей стратегией выживания было рассеивание своих генов, как разбрасывает свои семена бешеный огурец, — как можно шире. Именно этот факт формировал поведение людей, как он формировал поведение почти всего живого на Земле — с самого начала, с момента зарождения жизни.

Но эта реальность, по всей вероятности, возникла в результате ненаправленного, случайного отбора. Биологическая эволюция на Земле, насколько об этом мог судить Дух, не имела никакой цели или предназначения, и сами критерии отбо-

ра менялись вместе с изменениями окружающей среды.

Но здесь, в той вселенной, которую создал Дух, эволюция была направленной. Здесь не была естественного отбора. Здесь все определял сам Дух.

В его искусственной жизни теперь развились сознание и культура, язык и мысль. Его создания по своей сложности и утонченности не уступали людям. Но в одном очень важном отношении они отличались от людей. Для детей Духа единственный способ, обеспечивающий передачу генов следующему поколению, состоял в том, чтобы не дать разрушить однажды возникшей связи между двумя индивидами.

Смоделированной эволюции потребовалось длительное время, чтобы возникли организмы, для которых моногамия была наиболее успешной стратегией выживания, организмы, которые процветали на синергическом взаимодействии двух, и только двух особей, образовавших подлинно пожизненный союз.

Это имело множество последствий, как очевидных, так и неожиданных. На макроуровне Дух с удивлением обнаружил, что его новые создания не воюют друг с другом, не стремятся подчинить

своих соседей или завладеть их землей.

Но это было лишь дополнительной наградой.

Основное достижение — жизнь, прожитая вместе. Жизнь без предательства.

Дух оглядел свой новый мир, мир, для которого он был богом.

И впервые за очень долгое время он почувствовал, что хочет совершить некоторое физическое действие. Ему захотелось сделать нечто, требующее плоти и крови, мышц и костей.

Ему захотелось улыбнуться.

ЭПИЛОГ

Питеру и Катрин Хобсон посчастливилось прожить вместе еще пять десятилетий — десятилетий счастья и печали, радости и боли. Они прожили их в полную силу, упиваясь каждой минутой. Но рано или поздно всему приходит конец. Кэти Хобсон тихо скончалась во сне 29 апреля 2062 года в возрасте девяноста одного года.

И как часто случается с супружескими парами, долго прожившими вместе, спустя три недели Питер Хобсон, находясь дома в одиночестве, почувствовал резкую боль в груди. Домашний компьютер, видя, что он упал, вызвал «скорую помощь», хотя и счел маловероятным, что помощь подоспеет вовремя.

Питер перекатился на бок. Боль становилась нестерпимой.

Хобсонов выбор, успел подумать он.

Та лошадь, что ближе к воротам.

И какие-то ворота открылись для него...

Затем совершенно неожиданно боль исчезла.

Питер знал, что у него сердечный приступ. Сначала он почувствовал, как его охватыва-

ет паника, но это тоже вдруг отступило, стало несущественным, словно относилось к какой-то другой его части.

Внезапно все совершенно изменилось.

Он ничего не видел.

Он ничего не слышал.

Он уже не мог ничего ощущать каким-либо нормальным, человеческим способом — ни осязания, ни запаха, ни вкуса, ни даже того невыразимого ощущения обладания собственным телом, знания, как расположены твои члены.

Никаких ощущений, кроме...

Кроме некого... тропизма, притяжения к чему-то... чему-то далекому, чему-то огромному.

Он по-прежнему был Питером Хобсоном, по-прежнему инженером, бизнесменом... ну конечно, к тому же много кем еще.

Да, он все еще был... Хобсоном, вот кем. Питером Дж. «Дж». означало... ну, это не важно. Он помнил...

Ничего. Он ничего не помнил. Все это теперь куда-то исчезло.

Ну конечно. Память же была биохимическим явлением, закодированным в нейронных сетях. Он был отрезан от среды, служившей носителем памяти.

Он — неверное местоимение. Оно — вот более подходящее. Бесполое существо. Некий интеллект...

Интеллект без воспоминаний, без гормонально опосредованных сдвигов настроения, без накапливающихся от усталости ядов и эндорфинов или... или тысячи других химических веществ, названия которых он больше не помнил. Отрезанный от химии, разлученный с биологией, отделенный от материальной реальности.

Но этот тропизм продолжался, увлекая его вперед, перемещая его к... чему-то.

Что остается от личности, когда умирает тело, перестает существовать физический мозг?

Только одна вещь — единственное, что может это пережить.

Только самое важное. Искра. Самая суть.

Душа.

Бесполая, безымянная, беспамятная, бесчувственная.

И все же...

Вот оно все ближе.

Что-то большое. Что-то вибрирующее.

Поправка: большие. Множественное число. Десятки... нет, тысячи. Нет, намного больше. Больше на порядки величин. Миллиарды. Миллиарды,

все собранные вместе, все действующие как одно целое.

Теперь душа знала, что она такое, поняла это, получив наконец ответы на все свои вопросы. Она была осколок, отщепок, йота, мельчайшая частица, самая фундаментальная неделимая порция.

Атом Божества.

Наконец душа присоединилась к родительскому телу, воссоединилась с его огромностью, слилась с ней, коснулась всего, что когда-либо было человеческим, и всего, что когда-нибудь станет человеческим.

Это не было раем. Не было это и адом.

Это был ее дом.